

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

МАТОВА ЮЛИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА

**МЕТАФОРИЗАЦИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ
СУБЪЕКТА ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ
ЯЗЫКАХ**

10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
доцент Э. В. Будаев

Екатеринбург, 2019

Содержание

Введение	5
Глава 1. Теоретические основы исследования метафоризации лексики трудовой деятельности в русском и английском языках	15
1.1. Картина мира и метафора	15
1.2. Теория метафоры.....	23
1.2.1. Общие замечания	23
1.2.2. Семантический подход к изучению метафоры.....	24
1.2.3. Метафора в когнитивной лингвистике.....	32
1.2.4. Когнитивная семантика	39
1.3. Методика сопоставительного изучения метафор.....	43
1.4. Системность метафоры	46
1.5. Полисемия и метафора.....	49
1.6. Интерпретация трудовой деятельности в русской и британской лингвокультурах	55
Выводы по первой главе	63
Глава 2. Репрезентация метафоризации имен существительных со значением субъекта трудовой деятельности в толковых словарях современного русского и английского языков	66
2.1. Лексикографические основы сопоставительного исследования метафорических значений имен существительных в русском и английском языках	67
2.2. Принципы отбора существительных, обозначающих человека по профессии, специальности, должности, трудовым действиям, из словарей русского и английского языков.....	73
2.3. Специфика метафоризации производных имен существительных со значением субъекта трудовой деятельности.....	82
2.4. Варианты соотношения метафорических и неметафорических, основных (первых по словарной нумерации) и неосновных значений у многозначных существительных со значением субъекта трудовой деятельности в русском и английском языках	90
2.5. Семантический анализ метафор имен существительных со значением субъекта трудовой деятельности по данным лексикографии	98

2.5.1. Семантическая классификация производящих значений русских и английских имен существительных, называющих лиц по трудовой деятельности и имеющих вторичные метафорические значения.....	98
2.5.2. Семантический анализ производных метафорических значений русских и английских имен существительных, называющих лиц по трудовой деятельности	104
2.5.2.1. Семантическая сфера «Человек»	105
2.5.2.2. Семантические сферы «Флора» и «Фауна»	108
2.5.2.3. Семантическая сфера «Артефакты»	111
2.5.2.4. Малочисленные семантические сферы	113
Выводы по второй главе	114
Глава 3. Сопоставительное исследование метафоризации русских и английских имен существительных со значением субъекта трудовой деятельности на материале корпусов	116
3.1. Корпусы русского и английского языков как материал для сопоставительного исследования метафоризации существительных со значением субъекта трудовой деятельности.....	117
3.2. Методика и результаты сопоставления закономерностей метафоризации существительных со значением субъекта трудовой деятельности на основе материалов русского и английского корпусов	125
3.3. Сопоставительный анализ лексикографических и корпусных данных о метафоризации существительных со значением субъекта трудовой деятельности, полученных на материале рассмотрения словарей и корпусов.....	131
3.4. Сопоставительное исследование закономерностей метафорического использования существительных со значением субъекта трудовой деятельности и их использования в составе сравнительных конструкций.....	151
3.5. Оценочный характер антропоцентрической метафоры трудовой деятельности	155
3.6. Регулярные модели метафоры трудовой деятельности в русском и английском языках	159
3.6.1. Созидательная трудовая деятельность	159
3.6.2. Творческая трудовая деятельность.....	164
3.6.3. Руководство и управление	176
3.6.4. Прислуживание и низкоквалифицированный труд.....	184

3.6.5. Военная служба и спорт	189
3.6.6. Надзор, дознание, деятельность, связанная с насилием и жестокостью	192
3.6.7. Волшебство и магия	194
3.6.8. Религия.....	196
3.6.9. Торговля и финансы.....	198
Выводы по третьей главе	200
Заключение	206
Список литературы	211
Приложение 1	249
Приложение 2	280

Введение

Настоящая диссертация посвящена сопоставительному исследованию метафоризации имен существительных со значением субъекта трудовой деятельности в русском и английском языках по материалам лексикографии и национальных корпусов.

Метафора понимается как когнитивный механизм, способ мышления, который способен создавать новые смыслы, отражающие отношение человека к миру, его видение и интерпретацию действительности [Black 1962; Lakoff, Johnson 1980; Апресян 1995а; Арутюнова 1990, 1999; Балашова 2011; Баранов 1991; Гак 1988; Телия 1988б; Чудинов 2001 и др.]. Изучение метафоры как феномена мышления возможно, прежде всего, через изучение ее функционирования как языковой единицы.

Процессы порождения метафоры во многом обусловлены культурными особенностями и системой стереотипов, существующих в обществе, поэтому метафорическая система одного этноса может существенно отличаться от системы метафор другого этноса. Как показывают современные исследования, национальная метафорика может содержать в себе, наряду с универсальными, общечеловеческими закономерностями, черты, типичные для конкретного культурного пространства, отражающие особенности интерпретации мира в данной культуре [Charteris-Black, Ennis 2001; Charteris-Black 2005; Lakoff 1991, 1999; Yu 2003; Баранов, Караулов 1994; Будаев 2006, 2010б; Желтухина, Магомадова 2012, 2015; Чудинов 2001, 2008 и др.]. Проведение исследования на материале нескольких языков (в том числе неродственных или неблизкородственных) позволяет разграничить общие и национально специфичные закономерности метафоризации. Поскольку изучение метафорической системы языка в целом не представляется возможным в связи с масштабом предмета исследования, ее постижение, в соответствии со сложившейся традицией, происходит через изучение отдельных фрагментов (в данном случае это система метафорических значений имен существительных со значением трудовой деятельности).

Актуальность настоящей диссертация определяется ее соотнесенностью с современными лингвистическими исследованиями, направленными на изучение языковой семантики в ее взаимосвязи с когнитивными структурами. В условиях возросшего межкультурного взаимодействия особое значение приобретают исследования, выявляющие культурные и национальные различия в восприятии действительности.

Трудовая деятельность занимает особое место в структуре социальных отношений и в значительной степени обусловлена как общими для разных народов закономерностями, так и национально-культурными особенностями, она играет важную роль в социальном становлении и развитии личности. Изучение закономерностей метафоризации лексики трудовой деятельности, выявление общих моментов и национальной специфики позволит рассуждать об особенностях концептуализации мира человеком, о влиянии культуры и национальной системы ценностей на интерпретацию действительности.

Степень разработанности проблемы. Осмыслению трудовой деятельности в русской и британской лингвокультурах посвящен ряд работ, изучающих смысловое наполнение концепта «Труд» в русском и английском языках [Банкова 2007; Басова 2004; Борщева 2012; Вапник 2015; Гоннова 2003; Еремина 2003; Кочемасова 2012; Кудратова 2016; Пучкова 2018; Смирнова 2016; Токарев 2003; Чернова 2004]. Метафоризация лексики трудовой деятельности также привлекала внимание специалистов: метафорический перенос из сферы профессионально-трудовой деятельности рассмотрен в монографиях Л. В. Балашовой в рамках изучения исторической динамики русской метафорической системы в целом [Балашова 2011, 2014а, 2014б], поэтому исследователь акцентирует внимание на основных тенденциях диахронического развития метафорики. К метафорам трудовой деятельности обращались зарубежные исследователи [Alexander 2016; Ankersmith 1993; Avis 1999; Berhó 2000; Charteris-Black 2000; Fast et al. 2016; Frayssé 2014; Jin, Cortazzi 2008; Musolff 2016; Turner, Fauconnier 2000], однако затрагивали лишь отдельные аспекты метафоризации.

В современной науке по-прежнему недостаточно изученными остаются вопросы о национальной специфике метафоризации, в том числе о наиболее продуктивных источниках метафоризации, о факторах, влияющих на частотность метафорических употреблений, о степени параллелизма метафорических значений в разных языках. Дополнительного исследования требует вопрос о системности процессов метафоризации, о роли метафоры в концептуализации действительности и оформлении национальной картины мира. Кроме того, в современной лингвистике открытым остается вопрос о том, насколько система метафор, представленная в толковых словарях, соответствует реальностям функционирования метафор и – шире – вопрос о том, в какой мере совпадают друг с другом характеристики метафоризации, выявленные на основе различных источников (толковые словари, корпусы, материалы ассоциативных экспериментов и др.) и/или с использованием различных методов. Обращение к данным проблемам в ходе исследования метафоризации существительных трудовой деятельности в русском и английском языках определяет собственно лингвистическую актуальность настоящей работы.

Объектом исследования являются метафорические значения существительных со значением субъекта трудовой деятельности в русском и английском языках на современном этапе их развития.

Предметом исследования выступают общие закономерности и национальные особенности метафоризации лексики со значением субъекта трудовой деятельности, которые обнаруживаются при анализе, с одной стороны, национальных корпусов русского и английского языков, а с другой – толковых словарей русского и английского языков.

Материалом для исследования послужили данные лексикографии и национальных корпусов русского и английского языков. На первом этапе работы проводится анализ 2812 русских и 1397 английских существительных трудовой деятельности, выявленных при анализе «Нового толкового словаря русского языка» Т. Ф. Ефремовой и словаря «Collins English Dictionary» («Толковый словарь английского языка Коллинз»). На втором этапе исследования рассмотрены метафорические словоупотребления существительных трудовой деятельности,

обнаруженные в Национальном корпусе русского языка и Oxford English Corpus (Оксфордский корпус английского языка). Учитывались только современные тексты, маркированные в корпусах датой не ранее 2000 года.

Цель диссертационного исследования – выявление общих закономерностей и национальных особенностей метафоризации существительных со значением субъекта трудовой деятельности, которые обнаруживаются, с одной стороны, при изучении национальных корпусов, а с другой – толковых словарей русского и английского языков.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- обосновать теоретико-методологическую базу исследования;
- выделить из толковых словарей русского и английского языков имена существительные с семантикой субъекта трудовой деятельности, отобрать из них те, которые имеют в своей структуре метафорические значения;
- провести семантический анализ лексикографических данных, выделив тематические области, наиболее регулярно выступающие источником метафоризации, а также основные направления метафоризации в русском и английском языках;
- отобрать из национальных лингвистических корпусов случаи метафорического употребления существительных со значением субъекта трудовой деятельности, определить частотность и другие существенные свойства таких употреблений;
- сопоставить результаты, полученные на основе анализа лексикографического и корпусного материала;
- охарактеризовать общие закономерности и национальные особенности метафоризации существительных трудовой деятельности в русском и английском языках.

Методология настоящего исследования сложилась под влиянием характерного для нашей страны семантического подхода к изучению метафоры, основанного на анализе материалов лексикографии (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, Г. Н. Складарская, И. А. Стернин, В. Н. Телия,

Д. Н. Шмелев и др.), и теории корпусной лингвистики (Н. Б. Гвишиани, В. П. Захаров, А. А. Кибрик, Е. В. Падучева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина и др.), создавшей возможности для использования корпусной методики при сопоставительном исследовании метафор (Э. В. Будаев, М. В. Дюзенли, М. Ю. Мухин, О. А. Солопова, А. П. Чудинов и др.).

Данная диссертация опирается также на когнитивную теорию концептуальной метафоры, созданную в США (М. Джонсон, Дж. Лакофф) и интенсивно развивающуюся в России (А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, Д. О. Добровольский, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, Т. Г. Скребцова, А. П. Чудинов и др.), и на достижения в области лингвокультурологии, в том числе в аспекте лингвокультурологического исследования метафор (С. Г. Воркачѳев, В. И. Карасик, В. В. Красных, В. А. Маслова, В. Н. Телия и др.).

В процессе исследования наряду с общенаучными методами наблюдения, анализа, синтеза, классификации использовались такие лингвистические **методы и приемы**, как лексикографический анализ слова, корпусный анализ, сопоставительный метод, лексико-семантический анализ слова, метафорическое моделирование, количественный анализ, лингвокультурологический анализ.

Теоретическая значимость исследования определяется развитием теории метафоризации путем выявления факторов, влияющих на продуктивность различных тематических групп лексики как источника метафоры, уточнения основных направлений метафоризации, систематизации факторов, обуславливающих частотность метафорического использования, а также выявления и моделирования структур знания, лежащих в основе метафорических единиц. Проведенный анализ метафорических подсистем позволяет уточнить научные представления об универсальных и этноспецифичных закономерностях метафоризации, о месте метафоризации в процессах осмысления действительности и оформлении ценностной картины мира носителей русского и английского языков. Результаты исследования помогают уточнить потенциал изучения метафоризации на базе лексикографических источников и национальных языковых корпусов.

Материалы диссертации могут быть использованы в дальнейших сопоставительных исследованиях метафорических систем и подсистем различных языков.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые на основе богатого лексикографического и корпусного материала проведен разноаспектный анализ метафоризации лексики трудовой деятельности в неблизкородственных языках. Детально охарактеризованы общие закономерности и национальные особенности, а также модели, лежащие в основе процесса метафоризации. На основе тщательных статистических подсчетов различной направленности сделан вывод о доле слов, формирующих переносные метафорические значения, в языках разного грамматического строя, о наиболее распространенных механизмах метафорической деривации, о месте рассматриваемой метафоры в метафорической системе языка, о наиболее частотных метафорах. В работе сопоставлены результаты исследования метафоризации по данным лексикографии и на базе лингвистических корпусов, отмечена специфика лексикографического и корпусного анализа, выявлен потенциал совмещения названных методов в рамках одного исследования.

Практическая ценность нашего исследования определяется возможностью использования его материалов в лексикографической практике, в том числе при подготовке сопоставительного словаря метафор; в практике подготовки лингвистических корпусов, в том числе при их разметке. Результаты исследования могут найти применение в практике преподавания русского и английского языков, а также элективных курсов по межкультурной коммуникации, сопоставительной лингвистике, методике лингвистических исследований, теории и практике перевода.

Достоверность результатов исследования обеспечена значительным объемом материала, извлеченного из авторитетных толковых словарей и корпусов русского и английского языков, использованием современных взаимодополняющих методов исследования метафоры, опорой на классические и современные достижения языкознания.

Положения, выносимые на защиту:

1. Лексикографический и корпусный методы исследования метафоры удачно дополняют друг друга и позволяют точнее определить общие закономерности и национальные особенности метафоризации существительных со значением субъекта трудовой деятельности в русском и английском языках. В силу специфики каждого из источников языкового материала – лексикографии и национальных корпусов – данные, собранные на их основе, во многом различаются, однако основные закономерности метафоризации, выявленные с их помощью, совпадают.

2. Опора на структуру значения слова при работе с лексикографическим материалом существенно облегчает выделение лексем, имеющих вторичные метафорические значения; выявление основных закономерностей, характерных для рассматриваемого фрагмента метафорической системы языка; упрощает количественные подсчеты, затрагивающие семантическую структуру языковых единиц. Корпусный анализ позволяет изучить особенности функционирования метафор; выявить новые оттенки смысла метафор, выделенных из словарей, а также новые переносные употребления, не зафиксированные в лексикографических источниках; привлечь к анализу значения, реализованные в сравнительных конструкциях; определить частотность метафорических употреблений; сделать вывод об оценочном компоненте в структуре значения метафор.

3. Сопоставительный анализ метафорики показывает, что основные различия между языками обнаруживаются в ходе работы со словарными данными при количественном анализе формальных показателей, не затрагивающих семантику языковых единиц, и связаны с существенными различиями в грамматическом строе русского и английского языков. Общие семантические особенности исследуемой метафорической подсистемы, а также основные закономерности ее функционирования оказываются сходными в рассматриваемых языках.

4. Метафоризации существительных со значением субъекта трудовой деятельности наиболее способствуют следующие факторы:

– существительное обозначает деятельность, хорошо знакомую и понятную носителю языка, имеющую длительную историю существования в обществе;

– существительное является номинацией низкого уровня обобщения (видовые обозначения метафоризируются чаще родовых);

5. Высокая частотность метафорического использования наиболее характерна для следующих подгрупп существительных трудовой деятельности:

- обозначения устаревших или устаревающих трудовых занятий;
- номинации трудовой деятельности, распространенной в иностранных государствах.

6. Метафоризация лексики трудовой деятельности согласуется со спецификой метафоризации социальной лексики в целом: метафора преимущественно используется для характеристики человека (его эмоциональной, интеллектуальной деятельности, социальных отношений). Значительную роль метафора трудовой деятельности играет также в вербализации научной картины мира, выступая источником номинации представителей фауны и флоры.

7. При метафоризации существительных со значением субъекта трудовой деятельности в русском и английском языках перенос на основании функции, типичных трудовых действий регулярно сочетается с оценкой этих действий, а также оценкой работника как личности; происходит актуализация культурных стереотипов и ассоциаций, исторического опыта нации, элементов ценностной картины мира. Таким образом, метафора трудовой деятельности ориентирует человека в ценностном пространстве родной культуры, участвует в оформлении системы имплицитных этических постулатов.

8. Для русского и английского языков характерна тенденция к образованию метафор, в основе которых лежит сходство в концептуализации действительности, что свидетельствует о том, что метафоризация лексики трудовой деятельности обусловлена универсальными особенностями осмысления мира человеком. Однако сходство основных метафорических схем не исключает национальных различий: культура этноса определяет выбор конкретных лексем в рамках метафорических моделей, а также варианты развития отдельных моделей.

9. В метафорах и параллельных им сравнительных конструкциях (сравнение строится по той же аналогии, что и метафора) перенос основан на сходстве функций,

типичных трудовых действий, стереотипных представлениях о личностных качествах. В сравнениях, не имеющих метафор-аналогов, основанием сходства служат внешние характеристики работника, т.е. имеются различия в характере устанавливаемой аналогии.

Апробация работы. Материалы диссертации обсуждались на кафедре теории языка Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского и на кафедре межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета. Основные теоретические положения докладывались автором на международных, общероссийских и региональных научных конференциях в Екатеринбурге (2017, 2018), Санкт-Петербурге (2017), Челябинске (2014), Саратове (2011, 2012, 2013), Киеве (2013), Минске (2013). Материалы исследования нашли отражение в 16 публикациях, 7 из которых опубликованы в журналах, входящих в список рецензируемых изданий ВАК Минобрнауки РФ: «Политическая лингвистика» (Екатеринбург, 2018, 2019), «Педагогическое образование в России» (Екатеринбург, 2015), «Когнитивные исследования языка» (Тамбов, 2014), «Известия ВГСПУ» (Волгоград, 2013), «Известия Саратовского университета» (2012, 2011).

Структура диссертации соответствует поставленной цели и задачам. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического раздела и приложений.

В первой главе диссертации определяется теоретическая база исследования: рассматривается соотношение когнитивной и языковой картин мира, место метафоры в процессах концептуализации действительности, характеризуются семантический и когнитивный подходы к изучению метафоры и обосновывается целесообразность их совместного использования. Представлен обзор основных методик сопоставительного исследования метафор, а также история изучения метафоры трудовой деятельности лингвистами.

Во второй главе диссертации на основе лексических единиц, отобранных из толковых словарей русского и английского языка, производится анализ метафор трудовой деятельности: выявляются тематические группы лексики, наиболее

активные в плане формирования метафор, определяются основные направления метафорической экспансии, на основании статистических подсчетов делается вывод о месте метафоры трудовой деятельности в метафорической системе языка.

Третья глава диссертации посвящена изучению функционирования метафор трудовой деятельности в базе национальных лингвистических корпусов. Определена частотность метафорических употреблений, проведено сопоставление материалов лексикографии и данных корпусов, выявлены регулярные модели метафоризации номинаций трудовой деятельности.

В заключении сделаны основные выводы по проведенному исследованию и намечены перспективы дальнейшего изучения метафоры трудовой деятельности.

Приложения к диссертации включают таблицы, содержащие метафоры трудовой деятельности, отобранные из словарей, а также таблицы, отражающие различия между словарными и корпусными данными.

Глава 1. Теоретические основы исследования метафоризации лексики трудовой деятельности в русском и английском языках

Основная цель данной главы состоит в определении исходной теоретической базы, которая послужит основой для изучения метафор имен существительных со значением трудовой деятельности в русском и английском языках. В связи с этим в настоящем разделе диссертации необходимо:

- раскрыть соотношение метафоры и картины мира;
- рассмотреть различные подходы к изучению метафоры и процесса метафоризации;
- изложить методику сопоставительного изучения метафор;
- рассмотреть имеющийся опыт изучения метафоры трудовой деятельности в русском и английском языках.

1.1. Картина мира и метафора

Картина мира и связанная с ней языковая картина мира активно изучаются современными учеными (см., напр.: [Красных 2001; Корнилов 2003; Мечковская 2000; Попова, Стернин 2006; Постовалова 1988; Шмелев 2002a]), что связано с переходом к антропологической лингвистике, изучающей язык в тесной связи с человеком, его духовно-практической деятельностью. Антропоцентрическая природа языка стала одной из главных теоретических аксиом лингвистических исследований последних десятилетий и предполагает, что «человек не воспроизводит в готовом виде языковые значения и формы, а формирует смыслы и выбирает средства их реализации заново в каждом конкретном акте речевого общения» [Болдырев 2015: 5]. Язык не может изучаться сам по себе, вне его взаимосвязи с человеком, поскольку язык ориентирован на человека, «смотрит» на мир с точки зрения человека [Рахилина 2008: 349], «язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться» [Степанов 1974: 15].

Еще В. Фон Гумбольдт отмечал, что каждый язык отражает определенный способ восприятия и концептуализации мира [Гумбольдт 1984: 312]. В настоящее время это положение перешло в разряд общепризнанных: «в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка» [Апресян 1995б: 350]. Это означает, что каждый естественный язык имеет в своей основе особую модель, или картину мира, которая диктует носителям языка правила построения высказываний [Урысон 2003: 9].

Понятие картины мира относится к числу наиболее сложных научных и философских понятий, поскольку отражает взаимоотношения человека с окружающей его действительностью, процесс интерпретации человеком мира. «Картина мира – исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека» [Постовалова 1988: 21]. Возникновение различных картин мира связано с желанием человека уложить сложный для понимания мир в рамки некоторой схемы, доступной человеческому сознанию.

Картины мира различаются в зависимости от способа познания и интерпретации действительности (научная, наивная, религиозная, художественная и др. картины мира). Под языковой картиной мира, как правило, понимают «отраженную в языке концепцию мира, которая присуща определенному этносу в определенный период его развития» [Балашова 2011: 39-40].

Для нас принципиальным представляется разграничение картин мира на непосредственную и опосредованную, предложенное З. Д. Поповой и И. А. Стерниным. *Непосредственная*, или когнитивная, картина мира представляет собой результат прямого восприятия и осмысления окружающей действительности сознанием, она «включает как содержательное, концептуальное знание о действительности, так и совокупность ментальных стереотипов, определяющих понимание и интерпретацию тех или иных явлений действительности» [Попова, Стернин 2006: 36]. Когнитивная картина мира системна и влияет на восприятие

личностью окружающего мира. Создание когнитивной картины мира связано не столько с зеркальным отображением, сколько с интерпретацией: «...человек не просто воспринимает мир, но конструирует его. ...Мир и в самом деле не дан нам в непосредственной эмпирии; по этому поводу уместно сказать, что мы созидаем мир с помощью нашей психики» [Фрумкина 1982: 90]. Поскольку стереотипы сознания, «когнитивную матрицу для понимания мира» [Лебедева 1999: 21] задает культура этноса, то можно говорить о существовании национальной когнитивной картины мира. Как отмечает В. В. Красных: «Картина мира обязательно несет на себе национально-культурный отпечаток» [Красных 2001: 64].

Языковая картина мира является *опосредованной*, поскольку фиксирует языковыми знаками, овнешняет существующую в сознании когнитивную картину мира. Языковая картина – своеобразная «материальная форма», в которой когнитивная картина мира закрепляется и реализуется [Колшанский 1990: 15], она – «мир в зеркале языка» [Красных 2003: 18]. Она, в отличие от когнитивной, «не влияет на человека непосредственно в акте поведенческо-мыслительной деятельности» [Попова, Стернин 2006: 39].

Языковая картина мира лишь частично отражает когнитивную, называет далеко не все, что есть в сознании народа, а только наиболее существенные для сознания носителей объекты и свойства действительности: «некоторые свойства объектов при отображении неизбежно теряются, а остаются только безусловно значимые» [Рахилина 2008: 15]. По мнению О. Г. Почепцова, при создании языковой картины мира отражению подвергаются лишь «пики» - «составляющие, которые представляются говорящему наиболее важными, наиболее релевантными, наиболее полно характеризующими мир» [Почепцов 1990: 111]. По этой причине судить о когнитивной картине мира по языковой можно лишь в ограниченном масштабе. Однако в связи с тем, что вербализуется только наиболее значимая для носителей часть когнитивной картины мира, сопоставление различных языковых картин мира помогает выявить национальную специфику осмысления и отражения мира [Карасик 2002; Попова, Стернин 2006]. Кроме того, более удобного доступа к когнитивной картине мира, чем язык, нет.

По мнению ряда лингвистов, языковая картина мира предстает «в виде глубинного слоя общей картины мира», так как относится к области «действия бессознательной социальной психологии» и складывается стихийно, отражая средствами языка культурные особенности языковой общности [Постовалова 1987: 66]. Именно язык является основным средством экспликации элементов когнитивной картины мира, передачи и хранения основных знаний человека о действительности [Балашова 2007: 476].

В зависимости от способа, метода, которым получена непосредственная картина мира, она может быть научной и «наивной» [Попова, Стернин 2006: 36]. Принято считать, что языковая картина мира является отражением «наивной» картины мира. Именно поэтому нередко понятие языковой картины мира в лингвистике раскрывается через соотношение с научной картиной мира: значимость их разграничения отмечается многими исследователями (см., напр. [Корнилов 2003; Кубрякова 1988; Серебренников 1988; Телия 1988б; Тер-Минасова 2000]). Под научной картиной мира понимают объективную картину мира, результат рационального восприятия окружающей действительности, не зависящий от менталитета народа, его традиций, нравственных приоритетов, национальной культуры в целом [Корнилов 2003: 12]. Языковая картина мира, в отличие от научной, конструируется из обыденных понятий, «обывательских, бытовых» представлений о мире, т.е. отражает «наивную» картину мира [Урысон 1998: 3]. По справедливому замечанию Ю. Д. Апресяна, «наивная картина мира некоторого участка мира может разительным образом отличаться от чисто логической, научной картины мира того же участка мира» [Апресян 1995б: 57].

Научная картина мира выступает универсальным объективным знанием, в этом отношении она богаче языковой, однако именно язык является основным средством экспликации элементов научной картины мира, передачи и хранения основных знаний человека о мире. Важно, что при оформлении средствами национального языка, научная картина мира приобретает национальную специфику, национальную форму выражения посредством формирования терминологии [Корнилов 2003: 13, 43-67]. В терминологии «своеобразно представлено

соотношение логического и чувственно-перцептивного», проявляется «взаимодействие научного, теоретического знания с обыденным, полученным в процессе повседневного человеческого опыта» [Голованова 2008: 129]. Поэтому национально-языковое оформление научной картины мира также представляет интерес при изучении национальной картины мира.

Исследование языковой картины мира представляет собой одно из главных направлений в лингвокультурологии, поскольку в языке объективируются наиболее важные для данной культуры, наиболее релевантные для коммуникации в данном языковом сообществе понятия. Поэтому семантическое пространство языка является главным источником знаний о специфике национального мышления, культуре народа, способах представления мира в сознании народа. «Язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее» [Маслова 2001: 9]. По верному замечанию В. И. Карасика, «выход лингвистики в лингвокультурологию подсказан неизбежным вопросом о том, частью чего является язык. ...как важнейшее хранилище коллективного опыта язык является составной частью культуры» [Карасик 2002: 73]. При культурологическом изучении языка лингвистов интересует «проявленность в языковой картине мира своеобразия субъектности этноса, социальной или какой-либо другой языковой группы» [Резанова 2003: 38], основная цель лингвокультурологии – «выявить аспекты языка, отражающие национальную культуру, и объяснить (доказать) обусловленность того или иного конкретного языкового явления конкретными фактами (феноменами) национальной культуры» [Стернин 2013: 143].

Изучение национальных языковых картин мира возможно через исследование отдельного языка, однако «важным элементом выявления языковой картины мира является сопоставление языка с другими языками» [Попова, Стернин 2002: 8], что помогает выявить как моменты своеобразия, так и моменты общности разных языковых моделей мира. Как отмечают Е. В. Бирюкова и Л. Г. Попова, одной из основных тенденций развития сопоставительного языкознания в наши дни является стремление «сравнивать и сопоставлять языки с дополнительной опорой на положения нового направления в лингвистике – лингвокультурологии» [Бирюкова,

Попова 2015: 43]. Путь к постижению целостных национальных языковых картин мира идет через изучение их многочисленных фрагментов, выделенных из единства на разных основаниях (см., напр. [Novikova et al. 2018; Арутюнова 2000; Балашова 2011; Воркачев 2001, 2002; Кабакчи, Прошина 2012; Карасик 1996, 2002; Корнилов 2003; Кубрякова 1988; Телия 1996б; Яковлева 1994 и др.]).

Считается, что язык не просто отражает когнитивную картину мира, особенности мышления, но и, воплощая в своих структурах особый образ мира, оказывает существенное влияние на ментальные процессы, мировосприятие и поведение человека, следствием чего является полная или частичная несоизмеримость моделей мышления и картин мира разных языковых коллективов. Этнос, создавший язык, отразивший в языковых структурах определенный образ мира, находится под влиянием этого образа, является объектом его обратного активного воздействия, язык «навязывает человеку определенное видение мира» [Тер-Минасова 2000: 47], «передавая знание, он формирует сознание» [Арутюнова 1999: 325]. Носитель языка формирует свое видение мира не путем самостоятельной переработки своих мыслей, а в рамках заключенного в языке опыта его языковых предков [Катермина 2005: 105]. Как пишет А. Д. Шмелев, «с одной стороны, в языке находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующихся этим языком; с другой стороны, овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом, подсказанным его родным языком, и сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры» [Шмелев 2001: 7].

Обязательность построения речевого высказывания в соответствии с национальной языковой картиной мира подчеркивается всеми современными исследователями данного феномена (ср.: [Постовалова 1988; Телия 1988б; Апресян 1995б; Борщев 1996; Урысон 1998 и др.]). По утверждению А. Вежбицкой, «власть родного языка человека над характером его мышления так сильна, что он думает об условных соглашениях, в которых принимает участие, не в большей степени, чем о воздухе, которым дышит» [Вежбицкая 1999: 272]. Наличие какой-то особенной

картины мира, отраженной в языке, не осознается носителями в процессе повседневной коммуникации, только при знакомстве с другими языками люди замечают, что воспринимают мир иначе [Шмелев 2012а: 395].

По мнению специалиста по межкультурной коммуникации Р. Льюиса, «именно родной язык оказывает наиболее сильное влияние на культурное поведение, и именно языковой фактор обычно остается недооцененным. Мы не можем игнорировать язык, он зародился вместе с нами и структурирует наше мышление» [Льюис 2013: 111]. Язык выступает основным каналом социализации ребенка, поскольку язык есть часть социальной памяти [Леонтьев 1996: 43], в системе языковых знаков отображено социальное бытие людей [Тарасов 1975: 142].

Вместе с языком человек приобретает систему ценностей и оценок, характерных для носителей данного языка. Аксиологический аспект языковой картины мира активно исследуется современной лингвистикой (см., напр. [Арутюнова 1984, 1988, 1999; Бабина 2014; Вежбицкая 2001; Вольф 1985; Голованов, Голованова 2015; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012а; Писанова 1997; Телия 1986, 1996а]). Так, человек, оценивая предметы или события, опирается, с одной стороны, на свое отношение к объекту оценки, а с другой стороны, на стереотипные представления об объекте и шкалу оценок, подсказанные ему языком.

Языковая картина мира отражает когнитивную, но различные языковые единицы имеют различный потенциал в объективации знаний о действительности, сформировавшихся в общественном сознании. Важно видеть, с одной стороны, единство всех элементов в процессах языкового отражения, с другой стороны, «различие типов включенности в процессы миромоделирования единиц разных языковых подсистем, различных функциональных классов в пределах одной подсистемы и т.д.» [Резанова 2003: 44]. В настоящее время в лингвистике достаточно прочно укоренилось представление о ведущей роли лексики и грамматики языка в формировании национальной языковой картины мира (см., напр. [Корнилов 2003: 4]).

Сам факт именованного словом является показателем важности данного феномена в сознании и культуре народа. Как следствие этого факта «в одном языке

встречаются слова, не имеющие соответствующих слов в другом языке» [Лейбниц 1983: 303]. Межъязыковая лексическая лакунарность активно исследуется лингвистами. Например, А. Вежбицкая анализирует русское слово *пошлость*, отражающее феномен русской духовной жизни [Вежбицкая 1999: 268 - 269]. Большой интерес представляют сопоставительные исследования на тему культурной памяти языковых единиц (см., напр., [Авербух, Попова, Шатилова 2018; Попова, Егорова 2015; Попова 2015]).

Современная лингвистика исходит из убеждения, что производные слова играют бóльшую роль в отражении когнитивной картины мира в языке, нежели непроизводные, поскольку производное слово во внутренней форме фиксирует способ познания обозначаемого явления в процессе его наименования. Таким образом, исследование производных слов дает представление о присущих данной культуре специфических путях познания явлений, предметов разных классов. Согласно Е. С. Кубряковой, производные слова – это «особые дескрипции обозначаемого», они не только называют, но зачастую и описывают, производные слова «отражают подлежащую объективации в акте словообразования структуру знания» [Кубрякова 2004: 335]. Производные слова позволяют «закрепить и вербализовать концептуальные объединения, появившиеся в актах познания и оценки мира и являющиеся результатом развития концептуальной системы человека» [Бабина, Бочкарева 2010: 69].

Особой миромоделирующей силой обладает метафора, поскольку в ее структуре происходит соединение исходного и результирующего образов, одно явление понимается через другое, отождествляется с другим, в отличие от обычного словоупотребления метафора «дает прозрение, проникает в суть вещей» [Дэвидсон 1990: 174]. Процесс метафоризации представляется как способность «помыслить одну сущность как если бы она была другой, а это значит соизмерить их в соответствии с собственно человеческим масштабом знаний и представлений, а вместе с тем и с системой национально-культурных ценностей и стереотипов» [Телия 1988а: 40]. Метафорическая система языка представляет особый интерес при изучении специфического этноязыкового отражения мира, поскольку основания

метафорических переносов, образуя некую систему призм, через которую понимается некоторый фрагмент действительности, выявляют особенности эмоциональной и интеллектуальной интерпретации какого-либо явления этносом, выявляют «фрагменты ментально-языкового поля данной культуры» [Резанова 2003: 46].

В целом особую роль метафоры в создании языковой картины мира определяют два ее фундаментальные свойства: «во-первых, ее креативность, т.е. способность формировать новые понятия и языковые смыслы, исходя из имеющихся языковых смыслов, во-вторых, связь с опытом, как индивидуальным, так и опытом культурно-исторической общности, закодированным в лексических и фразеологических единицах языка» [Опарина 2000: 187].

1.2. Теория метафоры

1.2.1. Общие замечания

Метафора представляет один из самых «традиционных» объектов исследования гуманитарных наук. Однако несмотря на многолетний интерес к метафоре, глубина этой проблемы остается неисчерпаемой, все более осознается ее фундаментальность.

В современной науке общепризнанным является взгляд на метафору как на компонент человеческого познания [МакКормак 1990: 381]: «Метафора возникает не потому, что она нужна, а потому, что без нее невозможно обойтись, она присуща человеческому мышлению и языку как таковая» [Гак 1988: 12]. Утверждается ее всеобщий характер: многочисленные исследования демонстрируют распространенность метафорических номинаций в различных речевых жанрах (см., напр. [Banks, Thompson 1996; Brown 2003; Freeman 2000; MacCormac 1976; Martin, Harré 1982; Mio 1996; Гусев 1984; Лапиня 1988; Мишланова 2008; Мишанкина 2010; Петров 1985; Полякова 2011; Солопова 2005; Тарасова 2003; Чудинов 2001, 2003]). Сегодня метафора признается «одним из наиболее распространенных способов

пополнения лексического и фразеологического инвентаря языка» [Опарина 1988: 65].

Как явление многоплановое и многофункциональное, метафора выступает объектом изучения различных направлений лингвистики (ср. обзор таких направлений в работах: [Будаев, Чудинов 2008: 35–38; Лагута 2003: 8–11; Москвин 1993: 114–120; 1997; 2006; Опарина 2000: 186–204; Осипов 1994; Складневская 1993: 5–11; Тошович 1998]). На настоящем этапе развития теории метафоры наиболее четко обозначались два направления ее исследования: семантическое и когнитивное.

1.2.2. Семантический подход к изучению метафоры

Традиционно метафора в языке выступала предметом исследования лексикологов, поэтому метафорический перенос рассматривался через призму семантической структуры лексемы. С точки зрения данного подхода метафора – «принцип семантического преобразования» [Виноградов 1976: 427], «игра» прямого и переносного значений [Реформатский 2000: 83], «результат отношения между двумя значениями слова» [Гак 1988: 11].

В рамках современных семантических теорий содержательная сторона лексемы понимается как сложное явление, которое может быть рассмотрено в разных аспектах (о различных теориях в области структуры значения языкового знака см. [Горбунова 2011]). Мы во многом опираемся на подход, представленный в работах Э. В. Кузнецовой и Л. Г. Бабенко [Кузнецова 1989; Бабенко 2008].

Согласно определению Л. Г. Бабенко, лексическое значение – это «сущность, связанная с содержательной стороной слова, в которой выражены знания о категориях мира действительности, представлены мыслительные категории, обусловленные интеллектуальной и психологической деятельностью человека, информация прагматического характера, формируемая в процессе употребления слова в процессе коммуникации, практического использования языка, а также информация о соотносительности его с другими словами в словаре и закономерностях

употребления в речи» [Бабенко 2008: 28]. Таким образом, лексическое значение многослойно и включает в себя несколько макрокомпонентов.

Макрокомпонент, отражающий связь лексического значения слова с явлениями реальной действительности, принято именовать *денотатом*. *Сигнификат* – макрокомпонент значения, связанный с интерпретацией действительности человеческим мышлением, с обработкой информации о мире и ее хранении. В отличие от денотата, сигнификат представляет собой идеальное, психическое образование, соотносится с окружающим миром не прямо, а опосредованно, является отражением в сознании существенных свойств и признаков объекта действительности. Сигнификат составляет ядро лексического значения и отражает не весь объем признаков явлений действительности, а наиболее релевантные из них. Как правило, словарные толкования отражают в первую очередь сигнификативный компонент значения.

Для обозначения следующей зоны лексического значения в литературе по лексической семантике нет единого общепринятого термина: она может называться прагматическим [Апресян 1995а; Кобозева 2000], коннотативным [Арнольд 2002; Стернин 1979, 2005; Телия 1981], экспрессивным [Городецкий 1969; Шмелев 1973], стилистическим [Винокур 1990] компонентом значения. Мы используем термин *прагматический*. Прагматический компонент значения «характеризует отношение говорящего или адресата сообщения к описываемой знаком действительности» [Апресян 1995а: 67], представляет собой «закрепленную в языковой единице оценку говорящим следующих трех вещей: действительности, являющейся предметом сообщения, содержания сообщения и адресата» [Апресян 1992: 45]. Некоторые прагматические признаки входят непосредственно в семантику слова, а другие не входят, «они составляют ее ореол, дымку, носят сопровождающий характер, но при этом не понижены в ранге по степени значимости» [Бабенко 2008: 32]. В прагматике слова Л. Г. Бабенко выделяет несколько зон:

1) коннотации: семантические ассоциации, отражающие культурные представления и традиции, исторический коллективный опыт нации, поэтому они специфичны для конкретного языка;

2) коннотации: эмоционально-оценочные компоненты, обусловленные выражением эмоционально-оценочного отношения говорящего к обозначаемому либо отношением говорящего к адресату;

3) функционально-стилистическая характеристика слова.

Структурный компонент значения слова выражает особенности функционирования слова в речи и содержит информацию о грамматических характеристиках слова.

Макрокомпоненты разложимы на наиболее мелкие компоненты значения, которые у разных авторов названы по-разному: семы [Стернин 1979; Шмелев 1973], элементарные смыслы [Апресян 1995а]. Различный статус компонентов семантики позволяет представить значение как поле с ядром и периферией.

Особый интерес представляет изучение лексической многозначности, или полисемии, под которой понимается способность слова иметь несколько разных, но связанных друг с другом значений [Ахманова 1969: 335]. Семантическая структура слова представляет собой определенным образом организованную совокупность лексико-семантических вариантов. *Лексико-семантический вариант* (ЛСВ) есть основная предельная двусторонняя единица лексико-семантического уровня, равная по содержанию отдельному значению слова [Общее языкознание 1972: 412]. Метафора в рамках семантического подхода рассматривается в двух аспектах: как процесс и как результат. С одной стороны, метафора - механизм семантической деривации, средство, связывающее два ЛСВ многозначного слова. С другой стороны, метафора – любой ЛСВ, «мотивация смыслового содержания которого связана с определенными ассоциативными представлениями, с употреблением названия одного объекта вместо названия другого на основании их определенного сходства, независимо от того, ощущается этот образ как живой или нет» [Балашова 2013: 32]. Метафора признается одним из универсальных семантических процессов: к ней обращается носитель любого языка в акте номинации [Гак 1998: 454; Лайонз 2003: 76].

Основным семантическим признаком метафоры является ее семантическая двуплановость, определяющая образность, то есть одновременное представление

основного и вспомогательного объекта метафорической номинации. Метафорический характер значения лексической единицы осознается носителями языка до тех пор, пока метафора сохраняет свою семантическую двуплановость.

В основе семантической двуплановости метафоры, обеспечивающей ее семантическую целостность, лежит сходство основного и вспомогательного объектов метафоризации. Область сходства может именоваться аспектом, основанием или модулем сравнения. Традиционно считалось, что признак, положенный в основу метафоризации, является общим семантическим компонентом как исходного, так и производного значения, то есть относится к их денотативному ядру или периферии [Черкасова 1968; Бирвиш 1981]. Однако современные исследователи отмечают, что чаще всего исходный и результирующий объекты метафоризации не обнаруживают сходства и метафора чаще возникает там, где между объектами больше различного, нежели общего [Арутюнова 1999; Бессарабова 1987; Гак 1988; МакКормак 1990; Никитин 1979; Телия 1988а], что «для метафоры характерно установление далеких связей» [Арутюнова 1990: 20]. По мысли В. Н. Телия, метафора возможна между сколь угодно удаленными сущностями, поскольку представляет собой лишь субъективное допущение подобия на основании модуса «как если бы» [Телия 1988а: 42, 48]. Отмечается, что обычно во вторичном метафорическом ЛСВ полисеманта актуализируются признаки, отсутствующие в словарном значении исходной лексемы.

Поскольку в большинстве случаев в метафорическом и исходном значениях лексемы трудно обнаружить общие семантические признаки, можно сделать вывод, что в основе метафоризации лежат не центральные признаки семантического поля слова, а «тонкие, неочевидные», но значимые для говорящего связи [Дементьев 2013: 193]. В основе таких связей лежат представления говорящего, сложившиеся в процессе его жизнедеятельности, его ассоциации [Блэк 1990; Арутюнова 1999; Балашова 1998; Гак 1988; Телия 1988а]. По справедливому замечанию Е. М. Вольф, «элементы ценностной картины мира, которые не отражаются в семантике языковых единиц, если речь идет о прямых значениях, могут составлять основу

метафорических концептов, которые реализуются в оценочных смыслах метафор» [Вольф 1988: 56].

Таким образом, лингвисты признают, что исходная дефиниция, представленная в словарях, не отражает всего семантического потенциала слова, что в образовании значений полисеманта участвуют несущественные компоненты, оставшиеся за пределами исходного словарного значения [Гальперин 1980; Зализняк 2006; Никитин 1979; Складаревская 1993; Стернин 1985; Телия 1981]. Выделение этих признаков представляется важным, поскольку «именно они служат чаще всего развитию многозначности, являются основой различных метафорических и метонимических переносов» [Бабенко 2008: 45].

При образовании метафорических производных происходит глубокая семантическая трансформация исходного значения слова. Во-первых, в результате метафоризации архисема исходного значения замещается на новую архисему, так как перенос осуществляется между объектами разных классов. В связи с этим, метафору можно трактовать как категориальный (таксономический) сдвиг [Падучева 2004а: 169; Падучева 2004б: 191]: «традиционные классификации рушатся и предметы вовлекаются в новые классификации, подчиняются новым классификационным признакам» [Якобсон 1987: 331]; «метафора образуется из категориальной, таксономической (классификационной) ошибки» [Маслова 2001: 89]. Во-вторых, компонент значения, определяющий сходство сопоставляемых объектов и чаще всего принадлежащий к периферийной зоне семантики источника, в переносном значении перемещается в денотативное ядро в качестве ведущей дифференциальной семы, определяющей значение метафоры [Апресян 1992; Арутюнова 1999; Гак 1977; Складаревская 1993].

В рамках семантического подхода метафору, как правило, противопоставляют другому типу семантической деривации – метонимии, определяемую как перенос на основании «смежности обозначаемых объектов и явлений» [Кобозева 2000: 170]. Если в основе метафоры лежат не реальные, а субъективные связи между явлениями, то метонимия возникает на базе реально существующих связей между двумя объектами, получающими одинаковое наименование. «Связи по смежности

существуют не между смыслами, а между объектами действительности» [Падучева 2004а: 160]. Таким образом, семантическая деривация метонимического типа может быть охарактеризована как «сдвиг «фокуса внимания» [Падучева 2004б: 190]. Однако жесткой границы между метафорой и метонимией нет, что подтверждается наличием значительного числа переходных явлений (см., напр. [Балашова 2011: 19-20]).

Как правило, в лингвистической семантике акцентируются различия между метафорой и сравнением. Основными различиями признаются эксплицитность и имплицитность основания аналогии, однозначность и смысловая диффузность, развернутость и лаконичность. В сравнении признак, положенный в основу аналогии, выражен эксплицитно и однозначен, «он незаменим и неустраим, его нельзя расчленивать или дополнить другими признаками»; основание метафоры имеет имплицитный характер, «скрыто в глубинах семантики», поэтому метафора производит впечатление неоднозначности и нелогичности. Структурно сравнение представляет собой двучленное образование, а метафора – одночленное [Скляревская 2002]. А. Вежбицкая полагает, что метафора и сравнения различаются не только внешне, но и на уровне глубинных семантических структур: метафора содержит в своей глубинной структуре элемент отрицания, основанный на конфликте, несвязанности двух совмещаемых образов, сравнение такого элемента не имеет [Вежбицкая 1990].

Метафора представляет собой особый языковой знак – результат сложного процесса номинации. О сложности метафоры свидетельствует трудность ее толкования, несводимость метафорического выражения ни к какому буквальному [Stern 2000: 193; Падучева 2004а: 171-172]. По утверждению Ч. Стивенсона, «дать точный перевод метафоры на неметафоричный язык невозможно, можно только давать интерпретации, а они всегда будут приблизительными» [Стивенсон 1985: 148]. Тот факт, что метафора часто базируется на коннотациях исходного значения слова, предопределяет расплывчатость семантических границ метафорического значения. Метафоры обладают «потенциальной семантикой», то есть «не фиксируют

определенное содержание, а лишь нечетко очерчивают некую семантическую область с вероятной структурой» [Никитин 1979: 99].

Семантическое направление изучения метафоры характеризует широко разработанная типология данного языкового феномена. Сложность и противоречивость процесса метафоризации предполагает возможность классификации метафоры по разным признакам. С точки зрения характера соотношения метафорического значения с источником номинации и функции выделяются следующие виды метафоры [Арутюнова 1978, 1999: 366; Телия 1988б: 190-197]:

(1) *номинативная* (в терминологии В. Н. Телия – идентифицирующая, или индикативная) метафора называет объект, еще не имеющий номинацию, или состоит в замене одного дескриптивного названия другим. «Метафора в этом случае является не больше чем техническим приемом извлечения нового имени из старого лексического запаса» [Арутюнова 1978: 333]. Номинативная метафора характеризуется тем, что между объектом метафорической номинации и ее источником обнаруживается реальное сходство. Метафора данного типа лишена образности, поскольку «образ, который она дает языку, в сущности не нужен» [Там же: 333];

(2) *образная* метафора «есть ресурс, к которому прибегают в поисках образа, способа индивидуализации и оценки предмета, смысловых нюансов, а не в погоне за именем» [Там же: 334]. На синтаксическом уровне процесс метафоризации обычно связан с перемещением дескриптивного значения в предикатное (*Гусь твой Сева*). Образная метафора служит целям интерпретации хорошо знакомого; она сохраняет семантическую двуплановость и связана с индивидуальной картиной мира. По образному определению В. Н. Телия, «образная метафора – это целостное художественное полотно или эскиз со своей идеей, композицией и красками» [Телия 1988б: 198];

(3) *когнитивная* (познавательная) метафора основана на сдвиге сочетаемости предикатных слов и служит для осмысления свойств объектов и явлений одного класса путем присвоения им «чужих признаков, т.е. признаков, свойств и состояний,

принадлежащих другому классу объектов» [Арутюнова 1978: 335]. Когнитивная метафора «уподобляет гетерогенное и отождествляет подобное» [Телия 1988б: 194]. Данный тип метафоры присущ главным образом признаковой лексике (*холодный тон*). В когнитивной метафоре живой образ быстро угасает, «из средства создания образа она превращается в способ формирования недостающих языку значений» [Арутюнова 1979: 163].

Описанная функциональная типология метафоры получила широкое применение, поскольку в ней учитываются сразу несколько параметров – цель создания метафоры, синтаксическая функция соответствующей лексической единицы, наличие образности. Если рассматривать функционирование метафоры в тексте, то значимым становится противопоставление живой и стертой метафор.

Противопоставление *живой* и *стертой* (генетической, мертвой, этимологической) метафоры основано на том, осознают ли носители языка образность переносного значения [Скляревская 1993: 41-43; Ваулина, Скляревская 1995: 201; Гак 1988: 15-17; Язикова 1962: 127-130]. Живая метафора сохраняет образность, семантическую двуплановость, «создает семантический диссонанс», чтобы понять ее, «слушающий должен мыслить объект сразу в двух категориях» [Падучева 2004б: 193-194]. Однако, как подчеркивают большинство исследователей, любая языковая метафора стремится к изживанию образа, со временем утрачивает «живое значение слова» [Буслаев 1992: 273], постепенно переходя в разряд стертых метафор. «Когда метафора меркнет, выживает только «искомое»: оно становится новым значением утратившего образные ассоциации слова» [Арутюнова 1999: 355]. Переход в разряд генетических характерен для номинативной метафоры. Поскольку ее основной функцией является номинация объекта, не имеющего обозначения, то образ ей не нужен.

Формальная типология В. Г. Гака основана на соотношении формы и значения метафоры. Так, выделяются два типа метафор: *полная*, когда процесс метафоризации протекает без изменения структуры слова (*Он ест мясо → Дым ест глаза; Сердце бьется → Сердце Африки*), и *частичная*, когда образование метафоры сопровождается морфологическими изменениями слова (*Ржавчина разъедает*

металл; сердцевина, сердечник, середина) [Гак 1988: 13-14]. Как отмечает В. Г. Гак, метафорические номинации могут проявляться также на уровне синтаксиса: в языке могут возникать специальные синтаксические структуры для выражения метафорических значений.

В рамках семантического направления изучения метафоры были успешно описаны типы языковых метафор, был существенно прояснен механизм метафорического переноса, однако, концепция семантического поля не объяснила, «как происходит выбор проецируемых характеристик» [Петров 1990: 139]. Очевидно, изучение процесса метафоризации потребовало выхода за рамки собственно лексических методов. Одним из возможных путей ее исследования стало рассмотрение метафоры как одного из проявлений когнитивной деятельности человека.

1.2.3. Метафора в когнитивной лингвистике

На рубеже веков в лингвистике установилась новая, когнитивная парадигма. Ее становлению способствовало активное распространение когнитивной науки, науки «о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и приведенных в систему данных, которые каким-то образом репрезентированы нашему сознанию и составляют основу ментальных, или когнитивных процессов» [Кубрякова 1994: 34]. Стало очевидно, что чисто лингвистические теории языка, изучающие языковые структуры обособленно, вне их взаимосвязи с деятельностью человеческого разума, человеческим опытом, очень ограничены в свете задач, поставленных когнитивной наукой [Караулов, Петров 1989: 11; Петров 1988: 41]. Необходим был более широкий подход, поэтому одним из принципов когнитивной лингвистики стал экспансионизм, т.е. тенденция к расширению сферы лингвистических исследований [Чудинов 2006б: 55], язык стал рассматриваться во всех его связях с человеком, его интеллектом и мыслительными процессами. Как

отмечает Е. С. Кубрякова, лингвистика из науки, «некогда рассматривавшей “язык в самом себе и для себя”, все больше превращается в науку с размытыми границами, постоянную расширяющую объекты своего исследования» [Кубрякова 1995: 194].

Своим возникновением когнитивная лингвистика обязана, главным образом, работам американских лингвистов (М. Джонсон, Дж. Лакофф, М. Тернер, Ж. Фоконье, Ф. Джонсон-Лэрд, Р. Лангакер, Л. Талми и др.), а впоследствии приобрела приверженцев в Европе и России (о возникновении, развитии когнитивизма и основных направлениях см. в работах [Evans, Green 2006; Болдырев 2014, 2019; Демьянков 1994; Кубрякова 1994; Рахилина 1997; Скребцова 2011; Ченки 1997]). В отечественной науке развитие когнитивной лингвистики связано с именами таких ученых, как Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, Ю. Н. Караулов, А. Е. Кибрик, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, Е. В. Рахилина, А. П. Чудинов и др.

Когнитивный подход открыл широкие перспективы изучения языка в единстве с ментальной организацией человека [Concise Encyclopedia of Semantics 2009: 73]. Утвердился взгляд на язык как «неотъемлемую часть познания» [Ченки 1997: 340], «общий когнитивный механизм» [Демьянков 1994: 21], «средство познания мира, формирования и выражения мысли, хранения и организации знания в человеческом сознании, обмена знаниями» [Болдырев 2014: 14]. Как следствие, через изучение языка можно получить доступ к познавательным механизмам и структурам сознания (ср.: [Fauconnier 1985; Lakoff, Johnson 1980; Lakoff 1987; Langacker 1987; Talmy 2000a, 2000b; Кубрякова 1999a, 1999b]). Язык приобрел статус «окна» в человеческий разум [Fauconnier 1999: 96], а «языковые структуры стали материалом для рассуждений о ментальных репрезентациях» [Скребцова 2011: 19]. Лингвисты-когнитологи, двигаясь от языка к мышлению, реконструируют когнитивные структуры по данным внешней языковой формы [Кибрик 2005: 148-149], для них языковые структуры являются важным источником сведений о базовых ментальных представлениях [Langacker 1993:1].

Когнитивная лингвистика уделяет основное внимание тому, что люди знают о себе и о мире, откуда они это знают, как организовано это знание и как оно

активируется. Вопрос о *концептуализации* мира признается одной из ключевых проблем когнитивной науки [Кубрякова 2004: 306]. Под концептуализацией понимается процесс, в ходе которого «сознание человека, выделив в объективной или субъективной (мысленной) действительности некоторую отдельную область, сферу, осмысляет ее, выделяя ее отличительные признаки и подводя ее под определенный класс явлений» [Попова, Стернин 2006: 85]. Результатом концептуализации, или отражения мира в сознании, является формирование концептов. Концепты - «глобальные единицы структурированного знания» [Попова, Стернин 2001: 3], «оперативные содержательные единицы», «смыслы, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира» [Кубрякова и др. 1996: 90]. Мышление невербально и осуществляется посредством концептов. Большая часть концептов закрепляется в языке при помощи конкретных слов, что облегчает хранение и передачу полученных знаний [Болдырев 2014: 37]. Однако значения языковых знаков не отражают всей структуры концепта.

Совокупность концептов составляет концептосферу, или концептуальную систему человеческого сознания. Поскольку с помощью языка происходит объективация сознания, языковая картина мира интересует когнитивную лингвистику как ключ к «концептуальному содержанию мозга» [Скребцова 2011: 22].

Ядро концепта универсально для человеческого сознания, но отдельные концепты, а также концептосфера развиваются и усложняются в процессе освоения человеческим обществом окружающего мира, приобретают национальный характер. Как отмечает Д. С. Лихачев, «концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации – литература, фольклор, наука, изобразительное искусство, она соотносима со всем историческим опытом нации» [Лихачев 1993: 5].

Для когнитивной лингвистики, рассматривающей языковую способность как проявление общих мыслительных механизмов, метафора – «не только и не столько образное средство языка, сколько феномен мышления и культуры» [Скребцова 2011:

34]. Как отмечают А. П. Чудинов и Э. В. Будаев, «метафора – это феномен не лингвистический, а ментальный: языковой уровень лишь отражает мыслительные процессы. Метафорические значения слов – это не украшение мыслей, а лишь поверхностное отражение концептуальных метафор, заложенных в понятийной системе человека и структурирующих его восприятие, мышление и деятельность» [Будаев, Чудинов, 2008: 41].

В основе большинства современных исследований в рамках когнитивной теории метафоры лежит труд Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by» [Lakoff, Johnson 1980]. Перевод на русский язык осуществлен в 2004 году под редакцией и с предисловием А. Н. Баранова [Лакофф, Джонсон 2004]. В своем исследовании авторы высказывают положение о том, что «метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь»: «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути... действие метафоры не ограничивается одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны... Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека» [Лакофф, Джонсон 1990: 387]. По мысли Дж. Лакоффа, «метафоричность – это не достоинство и не недостаток мышления; это просто неизбежность» [Лакофф 2006: 57-58].

Поскольку метафора как языковое явление отображает когнитивные процессы, она может выступать надежным источником сведений об организации человеческого сознания, о понятийной системе человека (см., напр. [Fauconnier, Turner 2002; Grant, Oswick 1996; Lakoff, Johnson 1980; Бабина 2011; Баранов 2004; Баранов, Караулов 1994; Будаев, Чудинов 2007; Глебкин 2012; Кубрякова 2004; Попова, Стернин 2007; Рахилина 2008; Ченки 1997; Чудинов 2001; Чудинов, Будаев 2007]). Метафора – «средство объективации концепта», с ее помощью возможно прогнозировать содержание отдельных участков концептосферы, реконструировать когнитивные признаки концепта и относить их к его ядру или периферии [Сильченко 2010: 106].

Так как метафора отражает глубинные процессы мышления, концептосферу языкового коллектива, для создания и понимания метафоры человек должен иметь

не просто хорошее знание языка, но и мыслить теми же концептами, что и создающий метафору этнос, «метафорогенная деятельность человека предполагает его полную социализацию» [Медведева 2007: 164].

Когнитивная лингвистика помимо прочего сосредоточивает внимание на изучении механизма метафоризации, вводится понятие *метафорическая модель*, под которой понимается «существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: X – это Y» [Чудинов 2003: 70]. Примерами метафорических моделей могут служить следующие формулы: ПОЛИТИКА – это ЗДАНИЕ, ЖИЗНЬ – это ТЕАТР, ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ – это ПУТЕШЕСТВИЕ.

Согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в основе процесса метафоризации лежит взаимодействие двух когнитивных структур – *области источника* (source domain) и *области цели* (target domain). В результате однонаправленной *метафорической проекции* (metaphorical mapping) элементы области источника структурируют некоторые участки области-цели, происходит перенос концептуальных признаков. Иными словами, метафора представляет собой «понимание и переживание сущности одного вида через сущность другого вида» [Лакофф, Джонсон 2004: 27].

Необходимо отметить, что области, взаимодействующие при метафоризации, неэквивалентны. Наши знания об исходной понятийной области более конкретны, происходят из непосредственного опыта взаимодействия с действительностью. Они помогают лучше понять область цели, знания о которой менее ясные и определенные. Поэтому «метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [Lakoff 1993: 245], метафоры позволяют «применить знание и опыт, приобретенные в одной области, для решения проблем в другой области» [Минский 1988: 291]. Это и составляет «одну из важнейших функций метафоры – когнитивную, или функцию получения нового знания» [Баранов 2004: 11].

Поскольку в задачи настоящего исследования не входит изучение механизма метафоризации, при описании метафорических моделей мы будем говорить о двух концептуальных областях, участвующих в метафоризации. Для характеристики составляющих метафорических моделей мы будем опираться на определения, предложенные А. П. Чудиновым в монографиях [Чудинов 2001, 2003]. Так, выделяются следующие компоненты метафорической модели:

Исходная понятийная область (область источника) – область, выступающая источником метафорической экспансии.

Новая понятийная область (область цели) – область направления метафорической экспансии.

Компонент, который связывает первичные и метафорические смыслы охватываемых данной моделью единиц, – это признак, на основании которого происходит метафорическое сближение двух понятийных областей.

По мысли Дж. Лакоффа и М. Джонсона, регулярность использования некоторых метафорических моделей применительно к описанию тех или иных явлений свидетельствует о наличии в сознании носителей языка ключевых, базисных, или *концептуальных метафор* [Lakoff, Johnson 1980]. Так, исследователи выделяют такие концептуальные метафоры европейской культуры, как СПОР – это ВОЙНА, ЖИЗНЬ – это ПУТЕШЕСТВИЕ, БОЛЬШЕ – это ОРИЕНТИР ВВЕРХ, МЕНЬШЕ – это ОРИЕНТИР ВНИЗ и др. Концептуальные метафоры являются неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка; в силу привычности соответствующих представлений, их укорененности в сознании человека, концептуальные метафоры часто не осознаются как метафоры, но «формируют представление об объекте,... предопределяют способ и стиль мышления о нем» [Арутюнова 1990: 14]. Именно поэтому при изучении концептуальных метафор предпочтение отдается «стертым», узувальным метафорам, поскольку они «позволяют выявить конвенциональные способы осмысления действительности, в то время как окказиональные характерны скорее для индивидуального сознания» [Скребцова 2011: 37].

Исследователи выделяют концептуальные метафоры разных типов (ср. ориентационные, структурные, онтологические метафоры в работе: [Lakoff, Johnson 1980]) и разного уровня обобщения: «метафоры высокого уровня пользуются большей универсальностью, проявляются в разных языках и культурах, а метафоры более низкого уровня, скорее, культурно специфичны» [Ченки 1997: 354].

Очень точное и емкое определение концептуальной метафоре дает А. П. Чудинов, называя ее «системой взаимодействующих зеркал» [Чудинов 2001: 54], поскольку в ней находят отражение сразу несколько элементов. Во-первых, метафора дает материал для изучения механизмов человеческого мышления. Во-вторых, в метафоре отражаются представления носителей языка об исходной понятийной области. В-третьих, анализируя те компоненты, которые человек выделяет в области метафорической экспансии, можно понять, что человек думает об этой понятийной сфере.

Поэтому, изучая концептуальные метафоры того или иного языка, лингвист одновременно исследует национальную картину мира, особенности национального сознания. Наиболее ярко национальная специфика в системе концептуальных метафор проявляется при сопоставительном анализе нескольких языков: национальные особенности в содержании близких метафорических моделей, а также сугубо национальные, несовпадающие концептуальные метафоры.

Вместе с тем помимо различий обнаруживается параллелизм отдельных метафорических моделей. Разные языки могут независимо друг от друга прибегать к одинаковым метафорическим переносам [Гак 1988: 21]. С. Ульманн называет это явление *параллельным развитием*: очевидные аналогии приводят к параллельному возникновению одной и той же метафоры в разных языках [Ульманн 1970: 274]. Некоторые концептуальные метафоры схожи, «имеют общечеловеческий характер» [Чудинов 2006а: 496], поскольку «отражают устойчивые детерминанты человеческого сознания или архетипы коллективного бессознательного» [Аникин, Будаев, Чудинов 2015: 5]. Согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, процесс метафоризации бессознателен и во многом детерминирован сенсомоторным опытом взаимодействия человека с миром. Физиологическая общность всех представителей

человечества ведет к метафорическому универсализму. С другой стороны, концептуальные метафоры согласуются с основными культурными концептами, что определяет национальное своеобразие многих метафорических образов [Лакофф, Джонсон 1990: 402-404].

Метафора представляет собой не только часть мыслительной деятельности человека и способ выражения мыслей, но и средство воздействия на картину мира адресата. Поскольку метафора не выражает мнение о предмете открыто, а лишь порождает определенный взгляд на него, она способна «подсказывать, настраивать, наводить на определенный тип решения и поведения» [Баранов 1991: 190]. То есть метафора имеет значительный суггестивный потенциал, выступает мощным средством эмоционального воздействия на адресата, особенно в политическом дискурсе (см., напр., [Баранов, Михайлова, Шипова 2006; Желтухина 2003, 2004; Чудинов, Будаев 2007]).

1.2.4. Когнитивная семантика

Несмотря на отмеченные различия, семантический и когнитивный уровни изучения метафоры имеют много общего, «эти уровни не взаимоисключающи», поскольку «в основе семантического процесса лежит процесс когнитивный» [МакКормак 1990: 359]. Характерной особенностью работ в области метафоры последних лет является совмещение двух направлений исследования – семантического и когнитивного. Как справедливо отмечает Л. И. Ермоленкина, «при анализе метафорического структурирования исследователи обращаются к глубинным семантическим структурам языка, но с той же очевидностью исследование собственно семантических закономерностей образования метафоры предполагает выход к проблеме метафорического миромоделирования» [Ермоленкина 2005: 112]. Исследования последних десятилетий «свидетельствуют о совместимости и взаимовыгодном «сотрудничестве» методик когнитивно-семантических исследований» [Голубкова 2012: 90-91]. Совмещение семантического и когнитивного подходов позволяет через изучение семантики языковых единиц

проникать в концептосферу людей, «выяснять, что было важно для того или иного народа в разные периоды его истории, а что оставалось вне поля его зрения, в то время как для другого народа это оказывалось существенным» [Попова, Стернин 2006: 13].

Человек воспринимает и осмысливает окружающую действительность, и его опыт познания проецируется в значения языковых единиц. Изучение языковой семантики позволяет когнитологам понять, каким человек видит мир, как он отражается в его сознании, какой опыт человек фиксирует в языке в первую очередь и почему. Поэтому когнитивная семантика является одним из центральных разделов когнитивной лингвистики, она дает возможность выйти «через познание языка к познанию говорящего и думающего человека» [Кубрякова 1999а: 3], «посредством постижения языка проникнуть в формы когнитивных структур» [Болдырев 2014: 24]. Когнитивная семантика опирается на знания, накопленные лингвистической семантикой, но ее специфика состоит в том, что значения языковых знаков в ней рассматриваются в контексте не только языковых знаний, но всех знаний и опыта человека. Когнитивная семантика приписывает человеку активную роль в формировании языковых значений, а также в выборе средств для описания той или иной ситуации в языке [Там же: 33].

Для когнитивной семантики, в отличие от лингвистической семантики, характерен широкий подход при выделении метафор по формальным и содержательным признакам [Ирисханова 2011: 80; Чудинов 2013: 11-12], метафора «понимается расширительно и охватывает широкий класс случаев осмысления сущностей одной понятийной области в терминах существенно отличающейся от нее другой понятийной области» [Баранов, Михайлова, Шипова 2006: 5].

При широком подходе к рассмотрению метафоры размываются границы между метафорой и сравнением, поскольку «метафора и сравнение имеют единую когнитивную основу — операцию сравнения, или уподобления, устанавливающую отношения сходства или аналогии между двумя сущностями» [Кобозева 2001: 136]. Как демонстрирует А. П. Чудинов на примере газетных текстов, при восприятии «однотипность модели развития смысла значительно важнее различий в форме

выражения уподобления» [Чудинов 2013: 13]. В когнитивной теории не акцентируются такие различия, как имплицитность или эксплицитность аналогии, сжатость или развернутость конструкции, прозрачность или двойственность смысла. В качестве метафоры рассматриваются не только узко понимаемые традиционные метафоры и сравнения, но и гипербола, фразеологизмы.

Однако необходимо отметить, что при широком понимании метафоры, характерном для когнитивной семантики, большинство исследователей разграничивают метафору и метонимию. Признается, что метонимия, как и метафора, не просто языковой прием, а составная часть мышления, однако в ее основе лежит совсем иной когнитивный процесс [Лакофф, Джонсон 2004: 62-63]. Метафора строится на взаимодействии двух различных понятийных сфер, в результате чего новая понятийная область обогащается новыми признаками и связями. Когнитивная операция, происходящая при порождении метонимии, производится в пределах одной понятийной сферы, по этой причине метонимия «не дает никакого информационного приращения, никакого нового видения объекта речи, что является как раз самым важным свойством метафоры» [Кобозева 2001: 138].

Если для лингвистической семантики важна частеречная принадлежность метафор, глагольные, субстантивные и атрибутивные метафоры исследуются отдельно друг от друга, то при когнитивном подходе исследователь не разграничивает метафоры по частям речи. Как отмечает А. П. Чудинов, «в соответствии с общими представлениями когнитивной лингвистики язык – это единый континуум символьных единиц, не подразделяющийся естественным образом на лексикон, фразеологию, морфологию и синтаксис. Иначе говоря, смысловое уподобление воспринимается как фактор значительно более важный, чем уровневые или структурные различия» [Чудинов 2013: 12]. Так, исследуя метафору в политическом дискурсе, А. П. Чудинов выделяет метафоры по понятийным сферам, выступающим источником метафорической экспансии (например, физиологическая, морбиальную, спортивную, театральную, зооморфную и другие), что отражает естественное членение внеязыковой действительности познающим субъектом, и не

разделяет метафоры по их принадлежности к той или иной части речи, поскольку для человеческого сознания, создающего метафоры, такое разделение не характерно [Чудинов 2001].

В настоящей работе мы также придерживаемся широкого концептуального понимания метафоры. Мы учитываем, что метафоризация из понятийной сферы «Трудовая деятельность» в русском и английском языках характерна для разных частей речи. Так, продуктивным источником метафоры выступает глагольная лексика, например:

*На сцену для награждения приглашались все, кто помогал **ковать общую победу**, — от чемпионов до запасных (ковать - перен. Упорным трудом, напряженными усилиями создавать что-либо, добиваться чего-либо); Как только вы научитесь **дирижировать женой и детьми** — сможете руководить чем угодно (дирижировать - перен. Управлять, распоряжаться кем-л., чем-л.).*

*A similar **debate is brewing** on the other side of the Atlantic (Похожий спор назревает (букв. варится) по другую сторону Атлантики; to brew (варить пиво) - перен. Назревать, надвигаться); In Afghanistan, **the U.N. midwifed a political process** that gave birth to an interim Afghan government (В Афганистане Евросоюз способствовал (букв. помогал при родах) политическому процессу, послужившему созданию временного афганского правительства; to midwife (помогать при родах) - перен. Содействовать в создании, способствовать).*

Не менее продуктивны и прилагательные, относящиеся к трудовой деятельности:

*Не помогло и то, что госсекретарю США во время его визита был сделан **лакейский подарок** — Госдума ратифицировала Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (лакейский - перен. Раболопный, льстивый, угодливый); ...статья Шевырева «Словесность и торговля», горько сетующая, что **область изящной словесности становится делом торгашеским** (торгашеский - перен. Отличающийся стремлением к наживе, стяжательству).*

*He was **philosophical about losing the contract** (Он философски отнесся к расторжению контракта; philosophical (относящийся к изучению философии) - перен. Проявляющий спокойствие в трудных ситуациях); The orchestral **playing was colourful and poetic** (Игра оркестра была яркой и эмоциональной (букв. поэтической); poetic (относящийся к поэзии) - перен. Обладающий возвышенной эмоциональностью, очаровательный, изящный).*

Однако в задачи данной диссертации входит анализ только существительных, обозначающих человека по его трудовой деятельности.

1.3. Методика сопоставительного изучения метафор

Сопоставительный метафорический анализ относится к числу актуальных направлений лингвистических исследований. Приступая к сопоставительному анализу, необходимо ограничить материал для исследования и выбрать ракурс сопоставления. Э. В. Будаев выделяет несколько оснований для сопоставительного изучения метафор [Будаев 2010а]. Среди них:

- социально-дискурсивное;
- диахроническое;
- лингвокультурологическое (межкультурное).

Социально-дискурсивное сопоставление основано на «противопоставлении метафоры, актуализированной в дискурсах различных социальных групп; других внутринациональных общностей, объединяемых представлениями об идентичности» [Там же: 12]. Так, возможно сопоставление по профессиональному, гендерному, возрастному и др. критериям. Социально-дискурсивное сопоставление, как правило, происходит в границах одного языка.

Диахронический ракурс сопоставительного исследования предполагает анализ промежуточных состояний в развитии метафоры во времени. Как отмечает Э. В. Будаев, «диахронический метод априори сопоставительный» [Там же: 16]. В последние годы диахронический подход активно используется в рамках нового перспективного направления лингвистических исследований – диахронической лингво-политической метафорологии [Будаев 2010а; Anikin, Budaev, Chudinov 2015; Chudinov, Solopova 2015; Solopova 2014, 2017]. Так, О. А. Солопова и А. П. Чудинов рассматривают эволюцию метафорических образов, формирующих представление читателей о роли Советского Союза во Второй мировой войне, в британском дискурсе 1945–2000 гг. [Солопова, Чудинов 2018].

Одним из основных в сопоставительных исследованиях метафоры является лингвокультурологический ракурс. Он предполагает сопоставление закономерностей метафорического моделирования в разных странах. При таком подходе для анализа часто избираются такие метафоры, которые отражают национальное самосознание, ценности и стереотипы. В данной работе мы используем лингвокультурологический подход, сопоставляя метафоры трудовой деятельности в русском и английском языках.

В рамках лингвокультурологического подхода к изучению метафорики взаимодействуют несколько тенденций. С одной стороны, поскольку метафорическая структура основных понятий определенной культуры согласуется с фундаментальными культурными ценностями данной культуры [Лакофф, Джонсон 1990: 402-404], национальная метафорика отражает состояние общества, его культуру и менталитет. С другой стороны, определенные аспекты национальной метафорической системы оказываются типичны для определенного культурного пространства (например, Запад, Восток, Африка и пр.). В-третьих, некоторые черты могут носить общечеловеческий характер.

Несмотря на то, что универсальность в языке и мышлении – распространенное явление, Э. В. Будаев призывает исследователей метафорики не впадать в излишний универсализм, «переоценивая универсальность метафорических структур и игнорируя случаи культурной вариативности метафорики» [Будаев 2010б: 195]. С другой стороны, исследователи рекомендуют не делать поспешных выводов о национальной специфичности языковых явлений: «важно предостеречь от прямолинейности выводов о национальном характере на основе анализа одной-двух лексических единиц» [Булыгина, Шмелев 1997: 494].

Сопоставительное изучение метафорики в разных языках предполагает несколько основных направлений анализа, выделенных А. П. Чудиновым [Чудинов 2008: 180–187]. Первая методика основана на сопоставлении метафор оригинального текста и его перевода на другой язык. Такой подход дает возможность выявить факты аналогичности метафорических образов, а также их различия, когда метафора не сохраняет внутреннюю форму при переводе. Чаще различия касаются отдельных

фреймов или слотов в рамках метафорической модели. Например, в исследовании О. А. Солоповой, А. П. Чудинова и Е. Д. Шлемовой объектом изучения являются особенности перевода прецедентных высказываний в президентском дискурсе В. В. Путина на английский и китайский языки [Солопова, Чудинов, Шлемова 2017].

Вторая методика предполагает параллельное сопоставление метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорического притяжения. Лингвист выделяет интересующую его понятийную сферу и определяет метафорические модели, используемые для ее обозначения. Такой подход, например, был использован в статье Дж. Лакоффа [Lakoff 1991], где описаны основные метафорические образы, использованные в американской и иракской прессе для характеристики войны между Ираком и Кувейтом.

Третий подход заключается в параллельном сопоставлении метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии. В данном случае исследователь выделяет метафорическую модель, общую для двух языков, и подробно ее описывает, используя примеры из обоих языков одновременно. Так, исследования Л. В. Бабиной посвящены изучению переносных значений фитонимических единиц в русском и английском языках; сопоставление различных метафорических моделей в двух языках осуществляется параллельно [Бабина 2011]. Данный подход использован в нашем диссертационном исследовании и «позволяет наиболее полно выделить то общее, что наблюдается в сопоставляемых языках, и на основе этих общих свойств зафиксировать возможные различия» [Чудинов 2008: 185].

Четвертая методика состоит в последовательном сопоставлении метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии. При таком подходе сначала дается описание модели в одном языке, затем следует описание аналогичной модели во втором языке, а в заключении делаются выводы о сходствах и различиях. Данная методика наиболее эффективна при серьезных расхождениях между языками. Такой вариант сопоставительного исследования был использован в ряде диссертационных работ. Так, Н. С. Карпова использует последовательное сопоставление метафор при анализе неологизмов в русском и английском языках

[Карпова 2007]. И. В. Телешева рассматривает морбиальную метафору в политическом дискурсе России, США и Великобритании [Телешева 2006]. Исследование О. И. Мусаевой посвящено изучению флористической метафоры в русском и испанском языках и строится по принципу последовательного описания метафорической модели в каждом языке [Мусаева 2005].

Пятый подход – контрастивное описание отечественной метафорической модели и ее эквивалентов в другой культуре. Такой вариант сопоставительного анализа используется в тех случаях, когда метафорический образ используется в одном языке и отсутствует в другом, а вместо него для обозначения аналогичных ситуаций используются другие метафоры.

1.4. Системность метафоры

Признание когнитивной природы метафоры, ее связи со способностью человека к обобщению, аналоговыми возможностями разума подтверждает системный характер метафорических переносов. Вопрос о системности метафоры может быть рассмотрен с точки зрения продуктивности определенных семантических классов лексики в качестве источника метафоризации, а также с точки зрения регулярности пополнения определенных семантических сфер метафорическими номинациями.

Классификация метафор по типу семантической сферы, ставшей источником переноса, включает такие виды метафор, как биоморфные (антропоморфные, зооморфные, фитонимические/ ботанические/ флористические), пространственные, социоморфные и др. Исследования показали, что не все классы лексики одинаково продуктивны в плане формирования метафорических номинаций. Формирование переносных значений наиболее свойственно лексике, обозначающей предметы и явления, данные человеку в непосредственном чувственном восприятии. Как замечает Г. Н. Складневская, «источником метафоры должен быть чувственно воспринимаемый предмет (или явление), вычлняющий семантический компонент,

преобразующийся в символ метафоры, без которого метафора невозможна» [Склярская 1993: 100]. Основным тезисом когнитивной теории метафоры состоит в том, что мышление человека основано на его опыте, его непосредственном контакте с окружающим миром. Поэтому, осмысливая что-то неизвестное с помощью метафоры, человек обращается к тому, что ему близко и хорошо знакомо. Выделяя основные признаки области-источника метафоры по сравнению с областью-целью, А. Ченки называет следующее: область цели конкретнее, понятнее, более детально известна, чаще известна через непосредственный чувственный опыт, легче передается одним человеком другому, поскольку удобнее указывать на конкретные известные предметы или явления, чем на абстрактные понятия [Ченки 1997: 352]. Как показывают исследования, наиболее регулярными источниками метафоры являются сферы материального и животного мира, человека как физического и социального существа [Ваулина, Склярская 1995: 206–207; Ульманн 1970: 276].

Кроме того, на продуктивность определенного класса лексики как источника метафоры оказывают влияние особенности и условия жизни социальной общности в конкретный исторический период.

Трудовая деятельность играла значительную роль в жизни человека на протяжении многих столетий и занимает важное место в социальной структуре до сих пор, она хорошо знакома и понятна, поэтому мы полагаем, что номинации лиц по трудовой деятельности могут выступать регулярным источником метафорической экспансии в русском и английском языках.

С точки зрения результата процесса метафоризации могут быть выделены семантические сферы, регулярно описываемые с помощью метафоры. Большинство исследователей утверждают, что метафорический перенос осуществляется преимущественно от лексики с более конкретным значением к абстрактным понятиям, в сферу ненаблюдаемых объектов и явлений, делая их легче воспринимаемыми [Москвин 1997: 25; Маслова 2001: 91; Ульманн 1970: 278]. Как подчеркивают Дж. Лакофф и М. Джонсон, «абстрактные понятия в большинстве своем имеют метафорическую природу» [Lakoff, Johnson 1999: 3]. Например, преимущественно с помощью метафор описывается эмоциональная и

интеллектуальная деятельность человека [Зализняк 2006: 66–72], «для этой цели не всегда пригодны слова в их прямом номинативном значении, поскольку речь идет о воссоздаваемом, а не наблюдаемом мире» [Арутюнова 1999: 387]. Активность пополнения семантической сферы с помощью метафор может также зависеть от концептуальной значимости данной сферы у носителей языка, от необходимости экспрессивно-оценочных номинаций при выражении концептуализированных смыслов [Скляревская 1998: 27-33].

Изучение основных семантических сфер, выступающих источником метафоры, и направления переноса позволило сделать вывод о наличии регулярных типов метафоры. Так, Г. Н. Скляревская выделяют следующие типы переноса в русском языке: *предмет* → *предмет*; *предмет* → *человек*; *предмет* → *физический мир*; *предмет* → *психический мир*; *предмет* → *абстракция*; *животное* → *человек*; *человек* → *человек*; *физический мир* → *психический мир* [Скляревская 1993: 80-95]. Кроме того, исследователь выявляет некоторые закономерности образования метафор в зависимости от направления переноса. Если перенос осуществляется в пределах одной понятийной сферы (например, *человек* → *человек*; *предмет* → *предмет*), то метафора строится на основании какого-то эмпирического признака. Когда перенос выходит за рамки одной сферы, «коннотативный признак все более утрачивает чувственный характер и на передний план выдвигаются элементы социальной, психологической, ситуационной характеристики» [Скляревская 1988: 66].

Однако единственного направления переноса нет почти нигде: не существует строго установленной схемы пополнения лексики определенной семантической сферы исключительно за счет переносных значений лексики другой семантической сферы. В этом проявляется сложность ассоциативной деятельности человеческого сознания, поскольку «каждый объект, каждое понятие обладает бесконечным числом связей с другими объектами и понятиями» [Гак 1998: 43].

Область-реципиент чрезвычайно динамична, что связано с изменчивостью концептуальной картины мира: появление новых концептов, расширение уже

существующих диктует необходимость именовать новые концептуальные структуры [Боярская 1999б].

Ряд исследователей полагает, что изучение регулярных переносов с учетом лишь источника и результата переноса имеет существенный недостаток с когнитивной точки зрения: «метафора принимается за конечный продукт лингвистического анализа, и собственно семантическая мотивация того, почему та или иная метафора ассоциируется» с тем или иным основным субъектом, отсутствует [Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. 1993: 29]. Считается, что более плодотворные результаты может дать установление конкретных моделей метафоризации, в которых помимо источника и результата переноса учитывается основное направление, аспект переноса. Подчеркивается также, что путь решения проблемы регулярности метафоры – «не от широких семантических категорий к семантическим подклассам, группам и значениям лексем, а обратный ему – от лексико-семантических групп. Такой путь представляет картину более дробной. Но он позволяет получить более адекватные языковой действительности результаты, вскрыть и систему семантических категорий, лежащих в основе образования метафор» [Бахмутова 1993: 94].

1.5. Полисемия и метафора

Изучение метафоры по данным словарей предполагает анализ структуры значения многозначных слов и выделение ЛСВ, образованных путем метафорического переноса. Поэтому нам представляется необходимым подробнее рассмотреть проблему многозначности и механизмов языкового расширения.

Проблема полисемии всегда была и остается в фокусе внимания лингвистов, поскольку многозначность есть конститутивное свойство всех естественных языков [Никитин 2001: 176]. Естественные языки не могут не развивать многозначность, поскольку она позволяет им выражать большое число значений за счет ограниченного числа единиц [Ульманн 1970: 267; Виноградов 1972: 18]. Полисемию можно рассматривать как проявление принципа экономии и принципа оптимизации.

Во-первых, максимально используя потенциал исходного значения, человек получает огромную экономию лексических средств. Во-вторых, благодаря тому, что разные ЛСВ многозначного слова не изолированы друг от друга, а связаны между собой, достигается оптимизация хранения разных значений и доступа к ним. В работах большинства авторов выделяются четыре основных типа семантической деривации и соответствующих им производных значений в русском и английском языках: метафора, метонимия, генерализация и специализация (см., напр. [Nerlich, Clarke 2003; Арутюнова 1980; Виноградов 1977]).

Вопрос многозначности активно изучался в рамках лексической семантики, исследованию различных аспектов полисемии посвящен ряд монографий [Арнольд 1966; Ольшанский 1987; Селиверстова 1975 и др.]. Отечественными лингвистами была отмечена тенденция к образованию у семантически близких слов однотипных производных значений, что получило название регулярности в полисемии [Апресян 1971, 1995а; Багичева 2000; Васильев 1971; Новиков 1982; Петрова 1989; Шмелев 1964, 1973; Чудинов 1986 и др.]. По мнению Д. Н. Шмелева, регулярной считается такой вид многозначности, при котором «вторичное значение слова, входящее в определенный лексико-семантический ряд, предопределено общей семантической характеристикой всего данного ряда, т.е. первичными значениями соответствующих лексических единиц» [Шмелев 2002б: 148]. Таким образом, типовое соотношение первичных и вторичных значений близких по значению слов может служить моделью для модификации значений других слов той же лексико-семантической группы. Модель многозначности - это «существующее в сознании носителей языка типовое соотношение семантики находящихся в отношениях мотивации первичных и вторичных значений, являющееся образцом для возникновения новых вторичных значений» [Чудинов 2001: 38]. Указанные модели подразделяются на метафорические и метонимические, причем степень регулярности первых выше, чем вторых.

Однако стоит согласиться с Г. И. Кустовой, которая отмечает, что «наряду с регулярной многозначностью, которая обслуживает какие-то закономерности в сфере полисемии и потому является наиболее привлекательным объектом описания,

существует огромное количество «нерегулярных» значений, которые практически не поддаются систематизации» [Кустова 2004: 17].

Утверждение когнитивной парадигмы в лингвистике вызвало очередной всплеск интереса к полисемии [Cuyskens, Zawada 2001: ix; Nerlich, Clarke 2003: 5; Боярская 1999а: 13]. Полисемия занимает особое и важное место в когнитивных механизмах языка, и без разрешения проблемы многозначности невозможно воссоздать механизм работы когнитивной системы человека. По словам Г. И. Кустовой, «причина самого существования полисемии в языке – когнитивная: полисемия – одно из основных средств концептуализации нового опыта» [Кустова 2004: 11]. Человек не может понять нового, не имея возможности опираться на «старые» знаки и приспособлять их к новым ситуациям. Как отмечает Л. Г. Бабенко, в настоящее время в когнитивной лингвистике активно развивается когнитивная лексикология, «предметом которой является изучение того, как в семантике слова закрепляются и хранятся знания человека о мире, как слова участвуют в формировании языковой картины мира, осуществляя его категоризацию и концептуализацию» [Бабенко 2008: 9].

Полисемия представляет собой реализацию гибкости, подвижности значения и заложенного в нем потенциала [Fauconnier, Turner 2003: 80]. Г. И. Кустова вводит понятие «*семантический потенциал*», под которым исследователь понимает «те возможности, которые предоставляет говорящим исходное значение и связанная с ним ситуация для осмысления, концептуализации других ситуаций» [Кустова 2004: 29]. Семантический потенциал слова почти никогда не реализуется полностью, реализуется только какая-то его часть в виде отдельных значений полисеманта. В ходе семантического развития слов один тип значения может реализовываться многократно, а другие – ни разу.

Известно, что человек не придумывает новых корней и новых слов, но придумывает новые значения. Носители языка располагают механизмом семантической деривации, который обеспечивает их потребности в новых значениях. Количество значений не ограничено ничем, кроме возможности людей хранить эти значения в памяти. Количество способов образования новых значений,

напротив, ограничено, и эти стратегии не могут быть любыми, иначе образованные значения окажутся непонятны слушающим. Носители языка ощущают единство многозначного слова, даже если у каких-то пар значений не обнаруживается общих компонентов. Существование нескольких значений у одного слова не воспринимается говорящими как неудобство и не вызывает путаницы, в то время как в сфере машинной обработки текста проблема полисемии до сих пор остается неразрешенной [Asher, Lascarides 1995; Taylor 2003; Wilks 2003].

По данным Краткой энциклопедии семантики 38% слов в словаре Longman Dictionary of Contemporary English являются многозначными, усредненный индекс полисемантизма равен 3,83 значения на многозначное слово [Concise Encyclopedia of Semantics 2009: 226]. По нашим подсчетам, основанным на 10% словарных статей, выбранных случайным образом, доля многозначных слов в МАС составляет 27,2%. Среди слов, включенных в БАС, только 22% являются многозначными [Кропотова 2006: 108]. Краткие и средние по объему словари содержат больший процент полисемичных слов, нежели большие словари. Многозначность развивает лексика из основного фонда, описывающая наиболее освоенные, фундаментальные ситуации и действия. Такая лексика включается в состав любого словаря, с увеличением объема словника к ней добавляется все больше однозначных слов. В словаре С. И. Ожегова многозначные слова имеют в среднем 2,5 значения [Денисов 1984: 147]. Таким образом, в английском языке уровень развития полисемии и число значений у многозначного слова выше, чем в русском, что типично для аналитического языка в сравнении с синтетическим [Ульманн 1970: 268; Кропотова 2006: 109]. «Относительная бедность словообразовательных средств в английском языке» [Арнольд 2012: 134] приводит к тому, что названия новым объектам и явлениям даются путем развития новых значений у существующих лексем.

Согласно закону Дж. К. Ципфа, уровень полисемии выше у более частотных слов. По данным, полученным на основе английского WordNet, первые 5000 наиболее частотных слов английского языка имеют от 3 до 8 значений, остальные полисеманты имеют в среднем 2 значения. По этой причине доля многозначных слов в языковых корпусах существенно выше показателей по словарям: в Британском

национальном корпусе около 84% слов многозначны [Concise Encyclopedia of Semantics 2009: 227].

В современном английском языке наиболее многозначными являются глаголы – 62% всех глаголов имеют более одного значения, затем существительные – 50%, а многозначные прилагательные составляют только 44% [Кропотова 2006: 108]. По данным, полученным на основе русского Викисловаря, доля многозначных глаголов в русском языке составляет 61%, прилагательных – 41,5%, существительных – 34% [Смирнов и др. 2012: 241]. То есть в английском языке существительные более многозначны, чем прилагательные, а в русском – наоборот.

Для естественных языков характерно увеличение многозначности с течением времени. Однако наблюдается и противоположная тенденция: некоторые значения слов перестают восприниматься как связанные с основным значением и переходят в разряд омонимов [Nerlich, Todd, Clarke 2003]. Кроме того, слово может войти в состав устойчивого сочетания, потеряв часть своей исходной семантики. Фразеологизм начинает функционировать как самостоятельная единица.

Большинство авторов относят к фразеологизмам такие сочетания, которые характеризуются неоднословностью, устойчивостью и идиоматичностью [Баранов, Добровольский 2008: 67; Гак 1998: 137; Телия 1996б: 56]. По мнению В. Н. Телия, особенность фразеологизмов состоит в том, что «они не столько называют обозначаемое, сколько характеризуют его», «фразеологизмы дополняют и обогащают номинативный инвентарь языка недостающими в нем оценочно-экспрессивными средствами, а кроме того – еще и средствами, способными описать такие “подробности” обозначаемого, которые “не укладываются” в рамки лексической номинации» [Телия 1996б: 79]. Считается, что в языке закрепляются и фразеологизируются такие словосочетания, которые «так или иначе связаны с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому могут свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [Там же: 215]. Сопоставительное изучение фразеологии на материале нескольких языков позволяет выявить национальные особенности осмысления мира (см., напр. [Гусева 2008; Дронов 2014, 2015, 2018]).

Для аналитических языков более характерны наименования в виде устойчивых словосочетаний, чем для синтетических, где преобладают производные слова [Brinton, Akimoto 1999: 1; Гак 1977: 55]. Хотя многие авторы отмечают усиление аналитизма и широкое употребление аналитических конструкций и в русском языке на современном этапе развития [Бондаревский 2009; Брызгунова 2007; Зеличенко 2012].

Помимо четырех основных направлений естественного семантического развития, существуют и другие способы образования новых значений слов. Расширение семантики отдельных слов может происходить под влиянием семантики соответствующей единицы иностранного языка. Данное явление получило название *семантического калькирования*. Калькирование представляет собой «образование нового фразеологизма, слова или нового значения слова путем буквального перевода» [ЛЭС: 211] без заимствования материальной формы иноязычной единицы. Как отмечают многие исследователи, на рубеже XX-XXI веков резко усилилось иноязычное контактное влияние на русский язык [Ваганова 2005: 12; Голанова 2007: 117; Костомаров 1999: 111; Крысин 2000: 142, 2008: 106]. Важным аспектом данного процесса является калькирование, преобладающий тип которого на современном этапе – семантическое калькирование [Горбов 2015: 88].

Обязательной предпосылкой семантического калькирования является переводная эквивалентность на уровне исходных значений лексических единиц языка-источника и языка-реципиента [Горбов 2015: 93]. Так, русский глагол *трогать* приобрел значение «волновать чувства» под влиянием метафорического ЛСВ французского глагола *toucher* («трогать»). Возможны также случаи применения семантического калькирования к ранее заимствованным словам. Такие примеры могут рассматриваться как расширение многозначности уже существующего в языке слова, а не как отдельные слова.

Исследователь Л. П. Крысин вводит термин «вторичное заимствование», под которым понимаются случаи, когда «наряду с ранее заимствованным и ассимилированным в языке словом появляется слово, по форме совпадающее с ранее заимствованным, но имеющим иное значение, вплоть до полной омонимии»

[Крысин 2008: 106]. В качестве примера дается анализ семантики русского слова *пилот*: в своем первом значении «специалист, управляющий летательным аппаратом» слово было заимствовано из французского языка, недавно появившееся значение «пробный выпуск печатного издания» - заимствование из английского. Слова совпадают по форме, но не имеют семантической связи, поэтому должны рассматриваться как омонимы. То есть в случае вторичного заимствования форма в новом значении акцептируется вновь (иногда с фонетическими различиями), а при семантическом калькировании заимствуется только значение.

Также нередки случаи *фразеологического калькирования*, когда заимствуется семантика устойчивого словосочетания и выражается словами языка-реципиента. Так, словосочетание *лежащий полицейский* представляет собой фразеологическую кальку от английского *sleeping policeman*.

Таким образом, полисемия представляет собой отражение когнитивных механизмов и процессов. В языке регулярно появляются новые значения и исчезают неактуальные. Существует четыре основные типа естественного семантического расширения слова, ведущую роль среди них занимает метафора.

1.6. Интерпретация трудовой деятельности в русской и британской лингвокультурах

Восприятие трудовой деятельности национальным сознанием рассматривается в лингвистических исследованиях, посвященных реконструкции смыслового наполнения концепта «Труд» (см., напр., [Банкова 2007; Вапник 2015; Гоннова 2003; Еремина 2003, 2016; Кочемасова 2012; Пучкова 2018; Смирнова 2016; Токарев 2003; Чернова 2004]). Значительная часть таких исследований основана на изучении паремий и устойчивых сочетаний, вербализующих концепт «Труд» (см., напр., [Басова 2004; Борщева 2011а, 2011б; Галявиева 2018; Каримова 2006; Кудратова 2016; Кудряшова 2016; Погорелова 2015]), поскольку «в них хранится отражение глубинных мифологем и архетипов человеческого сознания» [Басова 2004: 3].

Концепт «Труд» является базовым и одним из самых устойчивых в концептосфере этноса, но существует специфика его интерпретации в отдельных национальных лингвокультурах. Исторические и географические условия существования этноса накладывают отпечаток на характер восприятия труда национальным сознанием. Так, Г. В. Токарев отмечает, что сложные природные условия, короткое лето сформировали у русского народа такие качества как терпеливость, энергичность, умение выполнять большой объем работы за короткий промежуток времени, максимально напрягая силы. Долгая зима, в свою очередь, давала время для занятия ремеслом, стимулировала творческое мышление. В то же время, зависимость от смены сезонов породила чувство безответственности за свои поступки. Коллективные формы ведения хозяйства тормозили индивидуализм. Ценность трудовой деятельности поддерживалась также христианством, где труд осмыслился как нравственное деяние, средство спасения души [Токарев 2003: 13-14].

В британском обществе, где одной из главных ценностей является богатство, трудовая деятельность рассматривается не только как средство выживания, но и как источник материального благополучия, поэтому «английская культура отражает общую идею порочности лени, приводящей человека к бедности» [Погорелова 2015: 56]. Исторические условия развития английского общества стимулировали развитие индивидуализма, труд меньше оценивается с точки зрения вклада в общее дело [Кудратова 2016: 26].

Анализ лексических единиц позволил исследователям сделать вывод о том, что в большинстве случаев наблюдается уважительное отношение к труду русского и британского этносов, труд характеризуется со знаком «+», воспринимается как благо [Басова 2004: 6; Банкова 2007: 17; Кочемасова 2012: 75]. Заслуживает одобрение умение и желание трудиться, наличие профессиональных навыков, мастерство [Гоннова 2003: 6; Еремина 2003: 16; Кудратова 2016: 26]. Однако в обеих лингвокультурах негативно оценивается чрезмерный труд, крайнее физическое напряжение в процессе трудовой деятельности, а также принудительный труд и эксплуатация [Борщева 2011а: 8, 2011б: 35; Гоннова 2003: 6; Пучкова 2018: 118; Смирнова 2016: 177; Чернова 2004: 14]. В то же время большое значение придается

практическому результату труда: неодобрительно воспринимается бесцельная, безрезультативная деятельность, труд, не приносящий пользы [Банкова 2007: 17; Басова 2004: 12; Еремина 2003: 8; Пучкова 2018: 119]. Порицается недобросовестный труд, уклонение от труда, леность [Банкова 2007: 17; Басова 2004: 11; Гоннова 2003: 6; Кудратова 2016: 29; Смирнова 2016: 177].

В паремиях русского языка труд предстает как более тяжелое и изнуряющее явление, нежели в английском языке; в русских пословицах и поговорках присутствует мысль о том, что нет нужды слишком усердно трудиться и спешить выполнить работу [Кудратова 2016: 31], русскому человеку свойственна бóльшая умеренность в работе [Кочемасова 2012: 75]. В британской лингвокультуре ценится размеренный, систематичный, добросовестный, кропотливый, качественный труд, работа, доведенная до конца [Кудратова 2016: 31]. Исследователи отмечают, что англичане нейтрально относятся к степени развития умственных способностей у работника, но ценят такие качества, как прилежание, умение, мастерство. Русские склонны уделять большее внимание отрицательным характеристикам трудящегося: например, в русском языке среди существительных, называющих лицо в соответствии с его склонностью и способностью к трудовой деятельности, существительные, именующие трудолюбивых людей (*труженик, трудоголик* и пр.), в количественном отношении существенно уступают номинациям лентяев и тунядцев [Смирнова 2016: 175].

Языковой материал и данные лингвистических экспериментов дают основания полагать, что в русской культуре высоко ценится трудовой энтузиазм, энергия, заинтересованность, талант, негативно оценивается монотонный труд, необходимость многократного воспроизведения известных стандартов, работа по шаблону [Еремина 2016: 28; Смирнова 2016: 177]. Изучая идеологизацию концепта «Труд» в русском языке во времена СССР, О. Е. Чернова замечает, что до сих пор при осмыслении труда наблюдается влияние идеологических установок, поскольку распад все еще не затронул глубинную структуру тоталитарной идеологии, сохранился прежний культурный каркас [Чернова 2004: 19]. По-прежнему велико

влияние установки на проявление энтузиазма в процессе трудовой деятельности, утверждения об особой социальной значимости результатов труда.

Многие лингвисты подчеркивают, что в русской лингвокультуре акцентируется моральная ценность труда и меньше значения придается материальному вознаграждению за выполненную работу, в некоторых поговорках труд и богатство предстают несовместимыми явлениями; русскому человеку свойственно довольствоваться похвалой в качестве награды за труд [Борщева 2011а: 7; Кочемасова 2012: 75; Кудратова 2016: 32]. В британской лингвокультуре, напротив, труд напрямую связывается с богатством, большое значение придается материальному вознаграждению за работу [Банкова 2007: 18; Кудратова 2016: 32].

Метафора профессионально-трудовой деятельности рассмотрена в монографиях Л. В. Балашовой в рамках изучения исторической динамики русской метафорической системы в целом [Балашова 2011, 2014а, 2014б]. Однако исследователь отмечает, что не ставит перед собой задачу полностью охарактеризовать данную метафорическую подсистему, а выделяет лишь основные тенденции в диахроническом развитии [Балашова 2011: 333].

В своих работах Л. В. Балашова проводит диахронический анализ больших семантических группировок, в том числе социальной лексики, элементом которой является лексика трудовой деятельности. Исследователь заключает, что метафорические переносы в сфере социальной лексики являются наиболее динамичными [Балашова 2011: 336]. Социальная метафорическая модель динамична, поскольку трансформируется под влиянием быстро изменяющихся экстралингвистических факторов: она эволюционирует вслед за изменением социальной структуры, развитием производства, усложнением системы общественных связей и отношений. Как справедливо замечает А. П. Бабушкин, «социальное моделирование влечет за собой языковое моделирование» [Бабушкин 1999: 76]. Однако, несмотря на это, в языке могут сохранять продуктивность метафорические модели, основанные на архаической картине мира. В современной социальной метафорической модели можно обнаружить элементы социальной системы отношений прошедших эпох, в то время как новые явления в социальной

жизни общества могут оставаться невостребованными как источник метафорической экспансии [Балашова 2011: 336-337].

Анализируя регулярные направления переноса из сферы профессионально-трудовой деятельности, Л. В. Балашова приходит к выводу, что наиболее типичным является перенос в сферу межличностных, межгосударственных, социальных отношений. Достаточно регулярно также лексика трудовой деятельности используется для характеристики интеллектуальной и творческой деятельности человека [Там же: 328].

Еще одной важной особенностью социальной метафорической модели в русском языке Л. В. Балашова называет тенденцию «к постоянной оценочной характеристике именуемых явлений» [Там же: 336], поскольку в метафоре социальной лексики носитель языка выражает свою оценку различных социальных явлений и процессов. Важно, что характер оценки может меняться с изменением самого общества. В метафорах профессионально-трудовой деятельности положительная или отрицательная оценка, как правило, ассоциируется с характером труда, его результатами, уровнем квалификации работника. Например, метафоры с положительной оценкой развивает лексика из сферы земледелия, строительства, рукоделия. В то же время, отрицательный оценочный компонент содержат метафоры из семантической сферы «игра», метафоры лексики, обозначающей низкоквалифицированный, непрестижный труд. Преимущественно негативно оценивается деятельность, не связанная с процессом производства – купечество и сбор податей: «получать материальные блага, не затрачивая физических усилий, – признак безнравственности, духовной низости и т.д.» [Там же 2011: 331].

Зарубежные изыскания, посвященные метафорам трудовой деятельности в английском языке, можно разделить на две группы: исследования метафоризации различных концептов из сферы-мишени «Трудовая деятельность» и изучение метафор, восходящих к данной семантической сфере как сфере-источнику.

К первой группе относится публикация К. Фаст и ее коллег [Fast et al. 2016], предложивших типологию метафор, доминирующих в концептуализации бесплатного труда. Как отмечают исследователи, в английском языке

словосочетание *free labor* представляет собой оксюморон – существительное *labor* обозначает оплачиваемый труд, в то время как лексема *work* может обозначать любой труд. Из этого следует, что концептуализация бесплатного труда (*free labor*) изначально содержит значимый потенциал для метафорического осмысления.

Исследователи выделили семь метафор, используемых для осмысления бесплатного труда:

- The Slave (раб);
- The Carer (лицо, осуществляющее уход за больным или ребенком);
- The Apprentice (подмастерье);
- The Prospector (старатель);
- The Hobbyist (человек, увлечённый своим хобби);
- The Volunteer (волонтёр, доброволец);
- The Patsy (простофиля).

В сопоставительном аспекте способы фигурального осмысления трудовой деятельности (лексемы *work* и *labour*) были рассмотрены в публикации О. Фрайсе [Frayssé 2014]. Исследователь выделил шесть моделей осмысления труда, основанных на метафорических и метонимических проекциях (деятельность; боль; результат деятельности; пытка; статус рабочих; специфическая деятельность), в древнеанглийском, иврите, суахили, санскрите, арабском, английском, русском и гэльском языках.

Вторая группа зарубежных исследований рассматривает трудовую деятельность в целом и субъектов трудовой деятельности в частности как концепты сферы-источника. Рассмотрению трудовой деятельности как концепта сферы-источника посвящено исследование Д. Берхо [Berhó 2000], которая изучала причины высокой популярности аргентинского президента Х. Д. Перона, анализируя его политический дискурс. Сопоставление метафор, используемых президентом, с метафорами аргентинских элит, недолюбливаемых народом, позволило выяснить, что метафорический дискурс политического истеблишмента Аргентины отражал презрение высших слоев общества к основной массе населения, в то время как образы Х. Д. Перона концептуально «сближали» его с народом. Основным

инструментом это сближения была метафора POLITICS IS WORK (ПОЛИТИКА – ЭТО ТРУД). Регулярное употребление этой концептуальной метафоры принесло Х. Д. Перону большую популярность среди миллионов работающих в тяжелых условиях аргентинцев, которые и привели политика к власти.

Метафоры, восходящие к образам конкретных профессий, также регулярно фиксируются зарубежными лингвистами. В монографии А. Мусолффа [Musolff 2016] рассмотрены метафорические номинации *lawyer* (юрист) и *doctor* (доктор) в речи носителей английского, немецкого и испанского языков. По мнению автора, эти метафоры реализуют концептуальную модель строгого отца (Strict Father Model), предложенную Дж. Лакоффом в качестве одной из базовых моделей для осмысления политики.

По данным Дж. Чартериса-Блэка [Charteris-Black 2000], метафоры *doctor* (доктор) и *surgeon* (хирург) – типичные образы в английском экономическом дискурсе. Эти метафоры помогают концептуализировать экономику как пациента, состояние которого можно улучшить, если принимать правильные экспертные решения. Типичные концепты сферы-мишени для подобных метафор – экономисты, чьи способы решения экономических проблем авторы текстов считают правильными. Дж. Чартерис-Блэк относит рассматриваемые медицинские образы к высокочастотным метафорам английского языка, которые можно включать в содержание обучения английскому экономическому языку.

В обстоятельном исследовании М. Александра [Alexander 2016] показано, что в английском языке исторически укоренены метафоры профессий при описании власти. Человек, обладающий властью, традиционно осмысляется в понятиях *shepherd* (пастух), *inspector* (надзиратель), *overseer* (надсмотрщик), *captain* (капитан). Представление о сакральном происхождении власти, характерное для подавляющего большинства культур мира, неизбежно проявляется в метафорах, поэтому номинация *shepherd* (пастух) используется в английском языке не только для описания земного властителя, но и Бога [Avis 1999].

В политологическом английском дискурсе распространены платоновские метафоры государственного деятеля как художника (*painter*), строителя (*builder*),

ремесленника (craftsman), сапожника (cobbler), врача (physician), кораблестроителя (shipwright) [Ankersmith 1993]. Метафоры профессий активно используют в своей речи студенты в процессе дизайнерской работы: *climber* (альпинист), *clown* (клоун), *skydiver* (парашютист), *tightrope walker* (эквилибрист) [Cila 2013].

Особый интерес представляет изучение метафор из неевропейских языков, предоставляющих материал для типологического сопоставления переносных значений номинаций трудовой деятельности в генетически далеких языках. Так, широкий спектр метафор, используемых для осмысления педагога в китайском языке, рассмотрен в исследовании Л. Джин и М. Кортацци [Jin, Cortazzi 2008]. Как выяснилось, самые распространенные образы для концептуализации учителя связаны с названиями профессий из других областей деятельности: *садовник*, *консультант*, *сторож*, *служанка*, *уборщик*, *артист*, *клоун*, *секретарша*, *коллектор (специалист по взысканию долгов)*.

К метафорам трудовой деятельности обращались Ж. Фоконье и М. Тернер при демонстрации эвристик нового подхода к когнитивной метафоре – теории концептуальной интеграции (блендинга). Авторы детально анализировали особенности концептуальных проекций между входящими пространствами, общим пространством и блендом на примере метафор *death is the grim reaper* (смерть – угрюмый жнец) [Turner, Fauconnier 2000] и *this surgeon is butcher* (этот хирург – мясник) [Fauconnier, Turner 2002].

Объединяющая черта данных публикаций заключается в спорадическом характере изучения метафор трудовой деятельности. Исследователи рассматривают отдельные аспекты метафоризации, в которых к сфере-источнику относятся концепты, связанные с субъектами трудовой деятельности, но эти наблюдения делаются попутно при решении иных исследовательских задач.

Вторая общая черта рассмотренных исследований – дискурсивная обусловленность выводов. Анализируемые метафоры связаны с конкретным нарративом (война, политические выборы, скандал, экономический кризис и т.п.), что делает затруднительными какие-либо выводы об особенностях метафоризации в языке в целом. Вместе с тем известно, что особенности метафоризации сильно

зависят от дискурсивных условий их актуализации [Баранов 2014; Anikin, Budaev, Chudinov 2015; De Landtsheer 1991; Musolff 2016], поэтому выводы, полученные на примере отдельных нарративов или дискурсов, плохо применимы к языку в целом. Нивелировать дискурсивные искажения можно с помощью анализа сбалансированных корпусов и лексикографических источников, но как показывает обзор, ни в отечественной, ни в зарубежной лингвистике не проводилось системного сопоставительного анализа метафоризации со значением субъекта трудовой деятельности в русском и английском языках на подобном материале.

Выводы по первой главе

Языковая картина мира отражает при помощи языковых знаков существующую в сознании носителей языка когнитивную картину мира, которая является результатом непосредственного восприятия и осмысления окружающей действительности сознанием. Культурные особенности языковой общности влияют на особенности интерпретации мира сознанием, а также на то, какие элементы когнитивной картины мира вербализуются, поэтому изучение языковой картины мира позволяет обнаружить специфику национального мышления. Одним из наиболее эффективных способов выявления моментов своеобразия языковой модели мира является сопоставительное изучение нескольких языков.

Различные языковые единицы имеют различный потенциал в объективации когнитивной картины мира и формировании национальной языковой картины мира. Особая роль в процессах отражения сознания в языке принадлежит метафоре.

Мы придерживаемся подхода к метафоре, принятого в когнитивной лингвистике, рассматривающей язык в неразрывной связи с ментальной организацией человека. Согласно когнитивному подходу, метафора представляет собой осмысление сущности одной понятийной области в терминах отличающейся от нее другой понятийной области. В основе процесса метафоризации лежит

операция уподобления, устанавливающая сходство между двумя сущностями. То есть метафора является составной частью мышления.

Однако изучение метафоры как когнитивного механизма невозможно без изучения семантики языковых единиц, представляющих собой результат метафоризации. Поэтому в данной работе мы совмещаем когнитивный и семантический подход к исследованию метафоры.

Устанавливая отношения сходства или аналогии между двумя сущностями, метафоры часто опирается на неочевидные признаки, отсутствующие в словарном значении исходной лексемы. В основе метафоры лежат ассоциации, стереотипные представления говорящего об исходной понятийной области.

Важнейшая функция метафоры – когнитивная, поскольку она помогает лучше понять области, знания о которых незначительны или менее определенные, в терминах более структурированных и конкретных областей. Осмысляя что-то неизвестное с помощью метафоры, человек обращается к тому, что ему близко и хорошо знакомо, поэтому лексика, описывающая элементы социальной жизни, в том числе трудовую деятельность, оказывается востребована в плане формирования метафор.

Метафора, представляя собой универсальное орудие мышления и познания мира, дает значительный лингвистический материал для сопоставительных исследований. Сопоставительное изучение метафорических систем разных языков открывает возможность проникнуть в общие закономерности человеческого мышления и вместе с тем определить специфичные черты каждого отдельного языка и отражаемой в нем культуры.

Обзор работ, посвященных метафоре трудовой деятельности в русском и английском языках, показал, что, как правило, исследования направлены на изучение одного языка, либо ограничены каким-либо дискурсом, либо рассмотрены лишь отдельные аспекты метафоризации. Таким образом, ни отечественные, ни зарубежные лингвисты не проводили системного сопоставительного анализа метафоризации лексики со значением субъекта трудовой деятельности на лексикографическом и корпусном материале в русском и английском языках.

Сопоставительное изучение метафорики в настоящей работе основано на параллельном сопоставлении метафор трудовой деятельности в русском и английском языках: рассмотрение моментов своеобразия и общности происходит с использованием примеров из обоих языков одновременно.

Глава 2. Репрезентация метафоризации имен существительных со значением субъекта трудовой деятельности в толковых словарях современного русского и английского языков

Основная цель настоящей главы – сопоставление закономерностей лексикографического представления метафоризации имен существительных со значением трудовой деятельности в словарях русского и английского языков. Для достижения этой цели необходимо последовательно решить следующие задачи:

– теоретически обосновать выбор лексикографических источников для исследования закономерностей метафоризации имен существительных со значением трудовой деятельности в русском и английском языках;

– теоретически обосновать принципы отбора имен существительных со значением трудовой деятельности для сопоставительного исследования метафоризации в русском и английском языках;

– выявить особенности метафоризации производных и непроизводных имен существительных со значением трудовой деятельности в русском и английском языках;

– рассмотреть варианты соотношения метафорических и неметафорических, основных (первых по словарной нумерации) и неосновных значений у многозначных существительных со значением трудовой деятельности в русском и английском языке;

– распределить русские и английские имена существительные рассматриваемого типа по тематическим группам и выявить особенности состава указанных групп;

- выявить основные направления метафоризации и особенности метафорического переноса в каждую из семантических сфер.

Каждое из названных направлений исследования представлено ниже в автономном параграфе.

2.1. Лексикографические основы сопоставительного исследования метафорических значений имен существительных в русском и английском языках

Лексикографический метод изучения языковых феноменов является одним из наиболее популярных в современной отечественной и зарубежной лингвистике [Kettemann, König, Marko 2003; Lozowsky 2018; Бабенко 2008, 2016; Блинова 2012: 6; Богачева 2011: 96; Голубкова 2014; Денисов 1980; Козырев, Черняк 2015; Кретов, Подтележникова 2008: 17; Крысин 2008; Складаревская 1988 и др.]. Исследование отдельных элементов языка и лексико-семантической системы в целом зачастую базируется на данных, зафиксированных в словарях. Согласно определению, данному в справочнике «Термины и понятия лингвистики: Лексика. Лексикология. Фразеология. Лексикография» *лексикографический анализ слова* – «вид функционального анализа, при котором исследуется лексикографическое слово (словарная статья): 1) слово, разделенное на лексико-семантические варианты; 2) грамматические, семантические, стилевые, стилистические пометы в словарях; 3) семантическая структура слова как совокупность ЛСВ; 4) реализованное слово (иллюстративный материал)» [Жеребило 2011: 4].

Из всего многообразия лингвистических словарей (толковые словари, словари синонимов, тезаурусы, фразеологические, орфографические и пр.) наиболее подходящими для изучения семантики языковых знаков, структуры значения полисемантов, безусловно, являются толковые словари, фиксирующие систему значений слова в определенный исторический период [Складаревская 1988: 63; Крысин 2008: 78]. Как справедливо отмечает П. Н. Денисов, «основой единицей толкового словаря становится словарная статья, структура которой в идеальном случае должна быть зеркалом смысловой структуры слова» [Денисов 1980: 117]. Одноязычный толковый словарь – стремящееся к полноте комплексное описание словарного состава – можно рассматривать как базу для изучения картины мира народа, говорящего на данном языке [Смирнов, Круглов, Крижановский и др. 2012: 231].

Одним из наиболее эффективных приемов работы со словарными данными является сплошная выборка с последующей обработкой данных, что позволяет делать выводы о наличии, характере и распространении тех или иных явлений в языке (см. напр., [Караулов 1980; Попова, Стернин 2009: 150]).

Очень важен оптимальный отбор толковых словарей для последующего анализа метафоризации. За последнее столетие в отечественной и английской лексикографии появилось множество словарей [The Oxford History 2009a, 2009b; Карпова 2010; Крысин 2008; Козырев, Черняк 2000; Салохуддинов, Карпович 1979], и весьма непросто сделать оптимальный выбор, учесть наиболее важные критерии. Словари, отбираемые для сопоставительного исследования, должны:

- иметь сходный объем лингвистического материала (количественно сопоставимый объем словника);
- иметь высокий авторитет у специалистов-лексикографов и широко использоваться в лингвистических исследованиях;
- охватывать приблизительно одинаковый хронологический период.

Согласно классификации С. И. Ожегова, толковые словари подразделяются на три основных типа: «большой», «средний» и «краткий» [Ожегов 1974: 158-182]. «Большой» словарь представляет «современный литературный язык в широкой исторической перспективе», «раскрывающей динамику исторического развития современного языка от пушкинской эпохи до наших дней», включает в себя, помимо литературного языка диалекты, просторечия, терминологию [Там же: 165, 169]. «Средний» и «краткий» словари «раскрывают с большей или меньшей полнотой актуальный словарный состав нашей эпохи в его стилистическом многообразии», содержат лексику, «необходимую для языкового обслуживания нужд современной общественности» [Там же: 169-170].

Словники разных лексикографических изданий разных типов включают в себя разную лексику. Так, в «большой» словарь входит «активный и пассивный запас лексики современного общенародного литературного языка и вышедшая из употребления, но характерная для развития словарного состава лексика». Соответственно, «средний» словарь включает активный и пассивный запас лексики,

«краткий» - «активный запас лексики с привлечением той лексики пассивного запаса, которая необходима с той или иной точки зрения для характеристики современного языка» [Там же: 178].

Особое место в русской лексикографии занимает академический семнадцатитомный «Словарь современного литературного русского языка» (Большой академический словарь - БАС) (1948-1965) под редакцией А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина и др. Словарь содержит толкования более 120 тыс. слов и относится к «большим» словарям в классификации С. И. Ожегова. В БАС максимально подробно характеризуются все значения и оттенки, он богато иллюстрирован примерами, содержит сведения об этимологии слов. «БАС – единственный из всех толковых словарей русского языка – позволяет своему пользователю увидеть историю языка, а соответственно и историю русской культуры, в хронологически расчлененном виде» [История русской лексикографии 1998: 399].

Самым авторитетным «большим» словарем английского языка является *The Oxford English Dictionary* («Большой оксфордский словарь») под редакцией Джеймса Марри: 1-е издание в 13 томах (1884-1928) и 2-е издание – в 20 томах (1989). Помимо подробного толкования значений слов, в словаре приводятся данные об их истории и этимологии. Как отмечают специалисты, в указанном словаре «фиксируется дата появления в языке каждого слова, различные варианты его форм, сдвиги в произношении слова и изменения в системе его значений» [Салохуддинов, Карпович 1979: 25].

Несмотря на то, что Большой академический словарь русского языка и Большой оксфордский словарь английского языка – наиболее авторитетные и объемные лексикографические справочники, следует учитывать, что они ориентированы на гораздо больший круг задач, чем необходимо для нашего исследования.

Вместе с тем необходимо отметить, что «краткие» (малые) словари могут не отражать всех значений многозначных слов, что исключает возможность их использования для данного исследования. «Краткие» словари, как правило,

однотомны, объем словаря накладывает ограничения на состав толкуемых единиц и определяет специфику описания их семантики: допускаются обобщенные толкования, объединение близких значений [Шведова 1981: 166-179]. Так, однотомный словарь С. И. Ожегова (1-е издание – 1949 год), который относится скорее к «кратким», чем к «средним» словарям (около 50 тыс. слов), не содержит метафорических значений некоторых лексем, номинирующих лиц по их трудовой деятельности. Например, в словаре С. И. Ожегова (1) отсутствуют переносные значения таких лексем, как *звонарь*, *маляр*, *фокусник*, присутствующие в словаре «среднего» типа - четырехтомном «Толковом словаре русского языка» (1935-1940) под редакцией Д. Н. Ушакова (2):

Звонарь

(1) Церковный служитель, который звонит в колокола.

(2) 1. Церковный служитель, на обязанности которого звонить в колокола (церк.). 2. *перен.*

Болтун, сплетник.

Маляр

(1) Рабочий, занимающийся окраской зданий, помещений.

(2) 1. Рабочий, специалист по окраске зданий, внутренних помещений и различных крупных предметов. 2. Плохой живописец, художник.

Фокусник

(1) Артист, показывающий фокусы.

(2) 1. Профессионал-эстрадник, специалист по фокусам. || Вообще лицо, показывающее фокусы. 2. *перен.* Капризник, привередливый человек.

В связи с отмеченными выше особенностями «больших» и «малых» словарей мы отдаем в рамках нашего исследования предпочтение словарям «среднего» типа, содержащих необходимую информацию о семантике языковых единиц из активного и пассивного запаса лексики, современной на момент создания словаря.

Поскольку мы изучаем метафорику на современном этапе развития языка, то необходимо было выбрать словарь, изданный в конце XX – начале XXI века. Указанный период обогатил русскую и английскую лексикографию значительным количеством словарей «среднего» типа, которые отражают именно современное состояние лексики соответствующих языков. Поэтому мы имеем возможность

выбрать именно современный (отражающий состояние языка на рубеже XX и XXI вв.) толковый словарь, уже заслуживший признание специалистов и оптимально соответствующий задачам нашего исследования.

С учетом всех высказанных соображений базой для нашего исследования метафоризации русских имен существительных со значением трудовой деятельности был избран «Новый толковый словарь русского языка» (2000) Т. Ф. Ефремовой в трех томах, который отражает современное состояние лексики и является одним из наиболее уважаемых в научных кругах современных словарей «среднего» типа. Он содержит около 140 тыс. словарных статей, но поскольку является «толково-словообразовательным» словарем и включает толкования большого числа префиксов, суффиксов, начальных и конечных частей сложных слов, объем толкуемых им самостоятельных и служебных частей речи соответствует объему словаря «среднего» типа. Кроме описания основных значений слова, в словаре Т. Ф. Ефремовой последовательно истолкованы переносные значения слов, устойчивые сочетания и фразеологизмы, в словарь включены слова и значения, пришедшие в язык в постсоветскую эпоху.

Рассматривая словари английского языка, мы отдавали предпочтение наиболее авторитетным словарям, имеющим длительную историю и вместе с тем отражающим современное состояние английского языка.

Наиболее известными словарями, пользующимися заслуженной популярностью в Великобритании и за ее пределами, являются словари серии Oxford, издаваемые с конца XIX века, и словари серии Collins, впервые вышедшие в свет в 1979 году.

Серия Collins примечательна тем, что впервые в мировой лексикографии в 1987 году выпустила словарь, построенный на данных машинного лингвистического корпуса, что в числе прочего позволило получить более актуальные и точные данные о семантике языковых единиц [The Oxford History 2009b: 436-457]. Кроме того, в связи со стремительно растущей популярностью английского языка во второй половине XX века возникла необходимость к чисто филологическому описанию слова добавить культурное описание соответствующего понятия, привлечь элементы

этнолингвистического знания. Становится менее актуальным традиционное противопоставление лингвистических и энциклопедических словарей, возникает промежуточный тип словаря – *толково-энциклопедический* [Карпова 2010: 6]. Большинство авторитетных изданий, в том числе словари серии Collins, включают в себя культурные реалии, энциклопедическую информацию.

Для анализа современного состояния английского языка мы выбрали Collins English Dictionary («Словарь английского языка Коллинз»), изданный в 2011 году. Словарь содержит толкования свыше 190 тыс. слов, однако будучи словарем толково-энциклопедического типа, он включает в себя расшифровку огромного числа аббревиатур, статьи о географических объектах, политических деятелях, спортсменах, ученых, деятелях искусства, химических элементах и соединениях, заболеваниях, животных и растениях, астрономических объектах и пр., которые занимают около половины словника. В связи с этим словарь Collins English Dictionary можно считать близким по объему к отобранному для изучения русских существительных со значением субъекта трудовой деятельности словарю Т. Ф. Ефремовой.

Энциклопедический характер словаря Collins English Dictionary хорошо виден при сопоставлении его словарных статей (1), содержащих интересные нас метафоры, например, с толкованиями в The Concise Oxford English Dictionary (1-е издание – 1911 год) (2).

Butcher's-broom («метла мясника»)

(1) a liliaceous evergreen shrub, *Ruscus aculeatus*, that has stiff prickle-tipped flattened green stems, which resemble and function as true leaves. The plant was formerly used for making brooms. (Вечнозеленый кустарник семейства лилейные, *Ruscus aculeatus*, с шипами на жестких сплюснутых стеблях, которые внешне и по своим функциям напоминают листья. Раньше растение использовалось для изготовления метл.)

(2) low, spiny-leaved evergreen. (Вечнозеленый кустарник с шипами вместо листьев).

Carpenter-bee («пчела-плотник»)

(1) any large solitary bee of the genus *Xylocopa* and related genera that lays its eggs in tunnels bored into wood or in plant stems: family *Apidae*. (Крупная одиночная пчела рода *Xylocopa* и близких родов, которая строит гнезда в норах, проделанных в древесине или стеблях растений.)

(2) *kind boring into trees. (Вид, проделывающий норы в древесине.)*

Таким образом, мы отобрали для нашего исследования словари русского и английского языков, которые близки по структуре и объему, - «Новый толковый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой и Collins English Dictionary. Они отражают современное состояние русской и английской лексики и уже заслужили признание специалистов.

2.2. Принципы отбора существительных, обозначающих человека по профессии, специальности, должности, трудовым действиям, из словарей русского и английского языков

Объект настоящего исследования – метафорические значения существительных, называющих человека по его трудовым действиям. Согласно определению, данному в словаре Т. Ф. Ефремовой, труд – это «целесообразная деятельность человека, работа, требующая умственного и физического напряжения, затраты физической и умственной энергии».

Соответственно в Collins English Dictionary имеется следующее толкование: *work* – «physical or mental effort directed towards doing or making something (физическое или умственное напряжение, направленное на выполнение чего-либо)».

В связи с этим основную часть нашего материала составляют производные и непроизводные существительные, обозначающие лиц по профессии и профессиональной специализации: например, *артист, комедиант, акробат, музыкант, барабанищик, трубач; sportsman (спортсмен), athlete (атлет), boxer (боксер), doctor (врач), allergist (аллерголог), cardiologist (кардиолог)*.

В нашем исследовании учитываются также номинации, входящие в семантическую группу «Профессиональная деятельность» и обозначающие человека по его должности, чину, рангу, званию: например, *министр, генерал, дьякон; consul (консул), archbishop (архиепископ), lieutenant (лейтенант)*. Существительные первой и второй группы в некоторых случаях настолько близки семантически, что

оказывается сложно определить их точную принадлежность к одной из групп, обозначение профессии или должности. Например, у таких лексем, как *дипломат*, *дворецкий*, *gardener (садовник)*, *street-cleaner (дворник)*, одна и та же номинация используется для обозначения как профессии, так и должности.

В словарных статьях словаря Т. Ф. Ефремовой и словаря Collins используется ряд типовых приемов семантизации обозначенных лексических единиц. Основное различие в оформлении словарных толкований в двух языках происходит из преобладания именного способа выражения в русском языке и глагольного в английском: для русского языка характерна тенденция к субстантивированию действий и процессов и, следовательно, широкое распространение отглагольных конструкций, в то время как английскому языку такое опредмечивание несвойственно (см. напр., [Бреус 2000: 34; Казакова 2001: 159-160]).

Так, типичными для обоих языков являются дефиниции со следующими конструкциями:

- с указанием на трудовые действия, вид деятельности. В русском языке это именные конструкции типа: *специалист/ мастер по + вид деятельности* (напр., *специалист по лечению малярии; мастер по изготовлению бочек*), *специалист в области + название области* (напр., *специалист в области математики*); в английском языке распространены конструкции с глаголами: *a person qualified to + действие* (напр., *a person qualified to prepare and dispense drugs* – букв. человек, квалифицированный изготавливать и отпускать медикаменты), *a person whose job is to + действие* (напр., *a person whose job is to draw cartoons* – букв. человек, чья работа – рисовать иллюстрации), *a person who works/ specializes in + вид деятельности* (напр., *a person who specializes in anthropology* – букв. человек, который специализируется в антропологии);

- толкование дается через ближайший гипероним. В дефинициях данной группы особо заметна тенденция к использованию в русском языке распространенных определений в виде причастных оборотов. Например, *спортсмен/ музыкант/ художник + причастный оборот с конкретизацией* (напр., *спортсмен, участвующий в автогонках; музыкант, играющий на органе; художник, пишущий*

акварелью); *a soldier/ a doctor/ a worker who* + трудовое действие (напр., *a soldier who served a canon* – букв. солдат, который обслуживал пушку; *a doctor who treats people suffering from mental illnesses* – букв. врач, который лечит пациентов, страдающих от психических расстройств). Иногда в толковании подчеркивается профессиональный статус работника: профессиональный исполнитель ролей в театральных спектаклях, кинофильмах и т.п.; *a person who plays football, especially as a profession* – букв. человек, который играет в футбол, особенно в качестве профессии;

- с указанием места труда. Например, *работник аптеки; сотрудник архива; a person who works in a garage/ at a desk* – букв. человек, который работает в гараже/ за стойкой.

Поскольку не всякая трудовая деятельность является профессиональной, помимо единиц, обозначающих людей по профессии, в исследование вошли лексемы более обширной семантической группы, называющие деятеля по трудовым действиям. Как правило, словарные статьи на такие лексемы имеют следующий вид: *тот, кто* + трудовое действие (*тот, кто занимается разведением голубей*); *a person who* + трудовое действие (*a person who uses magic or sorcery, especially to put someone or something under a spell* – букв. человек, который использует магию или колдовство, особенно с целью заколдовать кого-либо или что-либо). Важно, что не каждое действие является трудом, поэтому в анализ не вошли такие номинации лиц, как, например:

агрессор – тот, кто осуществляет агрессию; нападающая сторона, захватчик;

трубокур – тот, кто курит трубку;

adventurer – *a person who seeks adventure, esp one who seeks success or money through daring exploits* (букв. авантюрист – человек, который ищет авантюру, особенно тот, кто ищет успеха или денег посредством отчаянных действий);

student – *a person who follows a course of study, as in a school, college, university, etc.* (букв. студент – человек, который проходит курс обучения, в школе, колледже, университете и т.п.).

Стоит отметить, что в большинстве случаев деятельность, обозначенная интересующими нас лексемами, может быть как профессиональной, так и нет. Например, существует любительский спорт и профессиональный спорт, искусством

одни занимаются профессионально, а другие – для удовольствия и развлечения, крестьянин может быть одновременно и пахарем, и сеятелем, и жнецом, и плотником, не владея при этом ни одним из навыков профессионально. В словарных дефинициях такая двойственность отражена следующим образом:

- либо в наличии у лексемы двух значений, одно из которых передает профессиональный статус деятеля: например, *музыкант* – 1) *Тот, кто профессионально занимается музыкой.* 2) *Тот, кто играет на каком-л. музыкальном инструменте;* *critic* – 1) *A person who judges something.* 2) *A professional judge of art, music, literature, etc.* (*критик* – 1) *Тот, кто подвергает что-либо критике.* 2) *Тот, кто профессионально критикует в области искусства, музыки, литературы и т.п.);*

- либо, как это происходит в большинстве толкований, профессиональный статус деятеля вовсе не упоминается: например, *пчеловод* – *тот, кто занимается пчеловодством;* *tuner* – *a person who tunes instruments, esp. pianos* (*настройщик* – *тот, кто настраивает музыкальные инструменты, особенно пианино*).

Основным критерием для нас при включении лексемы в анализ являлось, бесспорно, содержание словарной статьи. Например, если толкование дается через гипероним, называющий человека по трудовой деятельности, то существительное включается в исследование. Это касается тех спорных случаев, когда гипоним уточняет орудие, место, условия труда, содержит оценку или является стилистически окрашенным:

гренадер - солдат или офицер отборных - по высокому росту - пехотных или кавалерийских частей, вооруженный ручными гранатами (в армии Российского государства до 1917 г. и в армиях некоторых европейских государств);

богатырь - защитник родины, воин, отличающийся необычайной силой, мужеством, удалью;

витязь - храбрый, доблестный воин (на Руси IX-XIII вв.);

инквизитор – судья инквизиции;

жён-премьер – драматический актер, исполняющий роли первого любовника;

spearman - a soldier armed with a spear (*копейщик* – воин, вооруженный копьем);

chevalier - a mounted soldier or knight (*шевалье* – воин или рыцарь на коне);

knight - a person who served his lord as a mounted and heavily armed soldier (рыцарь – воин в доспехах и на коне, служивший господину);

shopbreaker – a robber who breaks into a shop (магазинный вор – вор, совершающий магазинную кражу);

crusader – a fighter in the medieval Crusades (крестоносец – воин в средневековых крестовых походах).

Поскольку деятельность по управлению государством, руководству коллективом также причисляется к разряду трудовой, в исследование были включены следующие номинации:

государь - глава монархического государства; царь, император;

владыка - правитель, облеченный всей полнотой власти; властелин;

вождь - общепризнанный идейный, политический и т.п. руководитель;

dictator - a ruler who is not effectively restricted by a constitution, laws, recognized opposition, etc (диктатор – правитель, власть которого не ограничена конституцией, законодательством, признанной оппозицией и т.п.);

president - the chief executive or head of state of a republic (президент – глава исполнительной власти или глава государства с республиканской формой правления);

warlord - a military leader of a nation or part of a nation, esp one who is accountable to nobody when the central government is weak (военачальник – военный предводитель нации или части нации, не подчиненный никому в условиях ослабления центральной власти).

По такому же принципу проводился отбор экзотизмов. Например:

номарх - правитель административного округа - нома (в древнем Египте);

бонза - буддийский монах в странах Азии;

dragoman - (in some Middle Eastern countries, esp formerly) a professional interpreter or guide (драгоман – (в некоторых странах Среднего Востока в прошлом) профессиональный переводчик или гид);

alcaide – (in Spain or Spanish America) the commander of a fortress or castle (алькальд – (в Испании и Испанской Америке) командующий крепостью или замком).

Мы также сочли необходимым рассмотреть в исследовании номинации, описывающие лицо не по характеру трудовых действий, а по таким параметрам, как условия, время труда. К данной группе относятся, например, следующие слова: батрак, наймит, поденщик, *daysman* (тот, кто работает днем), *hireling* (наймит).

Приведем типичные примеры толкований подобных слов в рассматриваемых словарях:

батрак – наемный сельскохозяйственный рабочий;

поденщик – наемный рабочий с поденной оплатой;

daysman – a person who works during the day (тот, кто работает днем);

hireling – a person who works only for money, esp. one paid to do something unpleasant (тот, кто работает только ради денег, особенно тот, кому платят за выполнение неприятной работы).

Различия в грамматическом строе исследуемых языков накладывают определенные ограничения на отбор лексем, называющих по трудовой деятельности лиц женского пола. Большинство лингвистов полагают, что поскольку в английском языке отсутствуют формальные показатели рода существительных и существительные не согласуются с примыкающими к ним прилагательными и глаголами, то грамматической категории рода в английском языке не существует (см., напр., [Аракин 1985: 127]). Признается наличие в английском языке лексического выражения категории рода у одушевленных существительных, когда существительное передает реальные признаки биологического пола референта.

В то время как в русском языке для значительного числа номинаций мужского рода существует парная номинация женского рода (напр., *скрипач* – *скрипачка*, *гонщик* – *гонщица*), что значительно увеличивает общее количество лексем для анализа, в английском языке значительно чаще одна и та же номинация используется для обозначений лиц обоих полов. В группе исследуемых существительных в английском языке маркером женского рода выступают либо компоненты, типа *-woman*, *-maid*, *-girl* (*adwoman*, *chambermaid*, *salesgirl*), либо суффиксы женского рода: *-ess*, *-enne* (*actress*, *comedienne*). Чтобы исключить ошибки в анализе в связи с описанными различиями, в исследовании не рассматриваются существительные женского рода за исключением следующих случаев:

- в языке отсутствует парная номинация мужского рода, например: *балерина*, *пряха*, *кухарка*, *midwife* (повивальная бабка), *housemaid* (горничная), *nanny* (няня);

- номинация женского рода имеет метафорические ЛСВ, отсутствующие у парной номинации мужского рода, например:

шут - 1) Лицо при дворе государя, в домах вельмож, бояр и т.п., обязанностью которого являлось развлечение хозяев и их гостей шутками, остротами, забавными выходками и т.п. 2) Комический персонаж в старинных комедиях, ярмарочных и балаганных представлениях. 3) перен. Тот, кто паясничает, кривляется на потеху, балагурит в угоду другим (обычно с оттенком неодобрительности).

шутиха - 1. ж. устар. Женск. к суц.: шут. 2. ж. устар. Разновидность фейерверка.

king (король) – 1) Суверенный правитель независимого государства; монарх. 2) Начальник или глава. 3) Человек, животное или предмет, лучшие или наиболее важные в своем роде. 4) Одна из четырех игральных карт в колоде, по одной для каждой масти, с изображением короля. 5) Наиболее важная шахматная фигура, хотя теоретически наиболее слабая, которая может передвигаться за ход на одну клетку в любом направлении. 6) (шашки) фигура, которая пересекала все поле и была коронована, после чего она имеет право передвигаться как назад, так и вперед);

queen (королева) – 1) Женица, являющаяся суверенным правителем или главой государства. 2) Жена или вдова короля. 3) Женица или предмет, персонифицированный как женица, считающиеся лучшими или наиболее важными в своем роде. 4) Единственная фертильная особь женского пола в колонии таких насекомых, как пчелы, муравьи или термиты, из чьих яиц развивается целая колония. 5) Взрослая кошка. 6) Одна из четырех игральных карт в колоде, по одной для каждой масти, с изображением королевы. 7) Шахматная фигура, теоретически самая сильная фигура, которая может передвигаться на любое количество клеток по прямой в любом направлении).

Мы рассматриваем также морфологически измененные варианты исходных лексем, описывающих лиц по трудовой деятельности, если первые образуют метафорические ЛСВ, отсутствующие у производящих единиц. Например:

няня – 1) Женица или девушка, занимающаяся уходом за ребенком, за детьми. 2) а) разг. Санитарка в лечебном учреждении. б) Работница, занимающаяся уходом за детьми в детских садах, яслях.

нянька - 1. То же, что: няня. 2. Тот, кто заботится о ком-л., опекает кого-л.

В работе они рассмотрены не как отдельные слова, а вместе с мотивирующей лексемой.

Следует уточнить, что в ходе отбора единиц, называющих лиц по трудовой деятельности, рассматривались только номинации, представляющие собой одно

слово, или написанные через дефис и функционирующие как одно слово, например: *камер-лакей*, *генерал-директор*, *horse-trader* (торговец лошадьми), *dry-cleaner* (сотрудник химчистки). Мы не рассматриваем многословные номинации, типа *дизайнер интерьеров*, *учитель начальных классов*, *chief accountant* (главный бухгалтер), *social worker* (социальный работник). Однако если такие словосочетания были сокращены путем аббревиации и функционируют как одно слово, то они включены в анализируемый материал. Речь идет, главным образом, о советизмах в русском языке – обширной группе слов, образованных, как правило, с помощью слоговой или смешанной аббревиации, типа: *завхоз* (от *заведующий хозяйственной частью*), *командарм* (от *командующий армией*), *комсорг* (от *комсомольский организатор*), *культпросветработник* (от *культурно-просветительская работа*).

В том случае, когда в языке существует несколько однокоренных слов для выражения одного и того же значения, такие слова рассматриваются как одно слово. В качестве примера могут быть приведены следующие лексемы: *чугуноплавильщик* – *чугуницик*, *штукатур* – *штукатурицик*, *японист* – *японовед*. Аналогичные примеры обнаруживаются и в англоязычном материале. Ср.: *geometer* – *geometrician* – *geometrist* (геометр), *steelman* – *steelworker* (тот, кто обрабатывает сталь), *tollkeeper* – *tollman* (сборщик пошлины).

Следует заметить, что мы не рассматриваем лексем, относящиеся к территориальным вариантам английского языка, т.е. такие лексем, которые сопровождаются в словаре отметкой о принадлежности к американскому, канадскому, австралийскому, новозеландскому и т.п. английскому. Ограничение материала британским вариантом английского языка позволит в дальнейшем рассуждать об отраженных в нем культурных особенностях.

Основываясь на вышеописанных принципах, мы отобрали 2812 лексем, обозначающих лиц по трудовой деятельности, в русском языке и 1397 лексем в английском языке. Такие количественные различия во многом связаны с различиями в строе двух языков. Как уже отмечалось в разделе 1.5, многообразие словообразовательных средств в русском языке ведет к тому, что для передачи новых значений часто образуются новые слова, в то время как в английском языке

наблюдается тенденция к развитию новых значений у существующих слов, а также формирование устойчивых словосочетаний. В случае с номинациями лиц по трудовой деятельности для русского языка характерна передача новых значений в рамках одной и той же трудовой области путем формирования рядов однокоренных простых и сложных слов. Например:

сталевар – тот, кто занимается сталеварением;

сталелитейщик – тот, кто занимается литьем стали;

сталеплавильщик – тот, кто занимается выплавкой стали;

сталепрокатчик – тот, кто занимается прокатом стали;

шкурник – скупщик шкур;

шкурятник – охотник, убивающий зверя только из-за шкуры;

скотник – тот, кто ухаживает за скотом;

скотобоец – тот, кто занимается убоем скота и первичной обработкой туш;

скотовод – тот, кто занимается скотоводством;

скототорговец – торговец, скупающий и продающий скот для убоя.

В английском языке семантика одной лексемы может вмещать в себя значения нескольких лексем в русском, например: *steelworker – a person who works in a plant where steel is made from iron ore and rolled or forged into blooms, billets, bars, or sheets (работник завода по производству стали – тот, кто работает на заводе, где занимаются выплавкой стали из железной руды, ее прокатом или литьем блюмов, сутунок, стержней или листов)*. Либо отдельные значения выражены с помощью устойчивых словосочетаний, типа: *cattle breeder (заводчик скота)*, *cattle dealer (торговец скотом)*, *skin buyer (скупщик шкур)*, которые остаются за рамками нашего исследования.

Для выделения номинаций, образующих метафорические значения, необходимо проанализировать структуру значения многозначных слов, входящих в отобранный материал. Доля полисемантов в числе отобранных для анализа номинаций составляет 30,3% (853 лексемы) в русском языке и 33% (461 лексема) в английском языке. Среднее число значений на многозначное слово в русском языке - 2,26 (1931 значение на 853 полисеманта), в английском - 3,04 (1408 значений на 462 полисеманта).

Особую сложность при выделении и анализе метафорических значений существительных со значением трудовой деятельности представляют производные слова.

2.3. Специфика метафоризации производных имен существительных со значением субъекта трудовой деятельности

Среди отобранных номинаций, формирующих вторичные ЛСВ, значительную долю составляют производные лексемы: 79,6% в русском и 74,7% в английском языке. Многие исследователи лексической многозначности отмечают, что семантика дериватов развивается по особым правилам, отличным от семантики непродеривированных слов [Бобровская 1986; Ермакова 1977; Лещева 2014: 43; Харитончик 1971]. В связи с этим нам представляется необходимым подробнее рассмотреть проблему формирования вторичных значений у производных слов. Под производными словами мы понимаем слова с производной морфологической структурой, а также единицы, образованные путем безаффиксной деривации или путем конверсии. Причем такие слова воспринимаются современными носителями языка как производные, т.е. утрачена связь с производящей основой.

Особенности метафоризации производных слов тесно связаны с проблемой многозначности дериватов. Во многих исследованиях по семантике языковых знаков полисемия рассматривается безотносительно к производности / непродеривированности полисеманта. Если же данные два типа разграничиваются, то объектом для анализа, как правило, выбираются простые слова (см., напр., [Лещева 2014: 42-43]).

Анализ семантической структуры некоторых производных слов, называющих лиц по трудовой деятельности, показывает, что их ЛСВ не всегда находятся в отношениях семантической производности. В зависимости от особенностей формирования вторичных значений можно выделить несколько групп дериватов. Примером дериватов первой группы могут служить следующие лексемы:

(1) Утятница

1. ж. Работница, ухаживающая за утками.
2. ж. Большая щука, способная глотать утят.
3. ж. Специальная посуда с толстыми стенками, в которой готовят кушанье из утки.

(2) Травник

1. м. Тот, кто занимается сбором целебных трав и знает способы их применения.
2. м. 1) Старинная книга, содержащая описание лечебных растений. 2) разг. Настойка на травах. 3) устар. Коллекция засушенных растений, трав; гербарий.
3. м. Птица отряда куликов.
4. м. разг. Зайчонок, родившийся летом.

(1) Forester

1. a person skilled in forestry or in charge of a forest (работник лесного хозяйства, сторож леса).
2. a person or animal that lives in a forest (человек или животное, живущие в лесу).

(4) Tinman

1. someone who works with tin or makes things from tin (тот, кто работает с оловом или изготавливает изделия из олова).
2. a human figurine, such as a toy soldier, made from tin (фигурка человека, например, игрушечный солдатик, из олова).

Очевидно, что значения данных производных слов независимы друг от друга, параллельны. ЛСВ одной лексемы не имеют непосредственной семантической связи друг с другом, однако связаны опосредованно через семантическую структуру производящего слова. Не производящее слово в целом, а его отдельные ЛСВ выступают базой для формирования значений деривата. В лексемах данной группы имеет место многократное действие словообразовательной модели на основе одного и того же ЛСВ производящего слова: (1) *утята*, (2) *травы*, (3) *forest (лес)* и (4) *tin (олово)*. В данном случае разница производимых значений обеспечивается за счет полисемии суффиксов *-ниц-*, *-ник-*, *-er* и элемента *-man*.

Вторая группа может быть проиллюстрирована такими лексемами, как *точильщик*, *объездчик*, *bedder*, *pusher*. Формирование вторичных значений данных лексем отображено на схемах.

Точить	Точильщик
1. а) Делать острым в процессе трения обо что-л. б) Заострять, очинивая (карандаш).	1. м. Тот, кто занимается точкой режущих инструментов.
2. Изготавливать из дерева, металла и т.п., придавая нужную форму на токарном станке.	
3. а) Постепенно разрушать, грызя, делая дыры в чем-л. (обычно о насекомых, грызунах). б) перен. Медленно разрушать постоянным воздействием (о действии воды, ветра и т.п.).	2. м. Жук, вредитель древесины.
4. перен. Мучить, постепенно лишая сил (о тяжелых чувствах, мыслях, горестях и т.п.).	
5. перен. разг. Постоянно, по любому поводу бранить, ругать.	

Объезжать	Объездчик
1. Проезжать стороной, минуя что-л.	
2. разг. Опережать, перегонять кого-л., что-л. при езде.	
3. Ездя, бывать всюду, во многих местах.	1. Тот, кто охраняет участок каких-л. угодий, объезжая его.
4. Приучать к ходьбе в упряжи или под седлом (лошадь).	2. Специалист по объездке лошадей.

Bed (кровать)	Bedder (уборщик комнат)
1. a piece of <u>furniture</u> on which to <u>sleep</u> (предмет мебели, предназначенный для того, чтобы спать)	
4. any place in which a person or animal sleeps or rests (любое место, где человек или животное спит или отдыхает)	1. someone <u>employed</u> by a <u>college</u> to <u>clean</u> <u>students'</u> rooms (тот, кто нанят колледжем, для уборки студенческих комнат).
8. a <u>plot</u> of <u>ground</u> in which plants are <u>grown</u> (участок земли, на котором выращивают растения, клумба)	2. a plant that may be grown in a <u>garden bed</u> (растение, которое можно вырастить на клумбе).

To push (толкать)	Pusher (торговец наркотиками)
1. to <u>apply steady</u> force to (something) in order to move it (прикладывать силу, чтобы передвинуть что-либо)	3. a type of aircraft <u>propeller</u> placed behind the engine (пропеллер, помещаемый за двигателем в воздушном судне).
2. to <u>thrust</u> (one's way) through something, such as a <u>crowd</u> , by force (силой прокладывает себе дорогу, например, в толпе)	
3. to apply oneself vigorously (to <u>achieving</u> a <u>task</u> , <u>plan</u> , etc) (решительно взяться за осуществления задачи, плана)	2. <i>informal</i> an actively or aggressively <u>ambitious</u> person (<i>разг.</i> агрессивный и амбициозный человек).
10. <i>informal</i> to <u>sell</u> (<u>narcotic</u> drugs) illegally (<i>разг.</i> незаконно продавать наркотики)	1. <i>informal</i> a person who sells <u>illegal</u> drugs, esp <u>narcotics</u> such as <u>heroin</u> and <u>morphine</u> (<i>разг.</i> тот, кто занимается незаконным распространение наркотиков, например, героина и морфия).

Ввиду многочисленности значений производящих слов на схемах отсутствуют некоторые ЛСВ лексем *bed* и *to push*, не участвующие в формировании значений дериватов.

В данных примерах реализована одна словообразовательная модель на базе разных ЛСВ производящего слова. Производное слово усваивает многозначность производящего. Важно, что данные значения не подчинены друг другу, поэтому ЛСВ производного слова объединяются лишь общностью производящей основы, но не выводятся одно из другого. Первичное значение производного слова может быть мотивировано как первичным, так и вторичным значение производящего.

Возможно также сочетание двух рассмотренных типов формирования многозначности в рамках одной лексемы: часть значений образованы от различных ЛСВ производящего слова, часть - от одного ЛСВ производящего слова с помощью многозначного суффикса.

Значения производного слова оказываются разобщенными и в том случае, когда между мотивировавшими их значениями производящего существует выводимость на основе метонимии. Например:

Юбка	Юбочник
1. Женская одежда от талии книзу (прямая, суженная в подоле, расширяющаяся свободными складками и т.п.).	1. Тот, кто шьет юбки.
2. Женщина как предмет чувственного влечения мужчины.	2. Любитель ухаживать за женщинами.

Chair (стул)	Chairman (председатель)
1. a <u>seat</u> with a <u>back</u> on which one person <u>sits</u> , typically having <u>four legs</u> and often having <u>arms</u> (предмет мебели с четырьмя ножками и спинкой, часто с подлокотниками, для сидения одного человека)	2. <i>history</i> someone who carries a <u>sedan chair</u> (<i>ист.</i> тот, кто несет паланкин)
2. an <u>official</u> position of <u>authority</u> (тот, кто возглавляет что-либо)	1. a person who <u>presides</u> over a company's <u>board of directors</u> , a <u>committee</u> , a <u>debate</u> , an administrative <u>department</u> , etc (тот, кто руководит в совете директоров, комитете, департаменте, ведет заседание)

Разные ЛСВ производного слова могут быть мотивированы не одним, а разными производящими - членами одного словообразовательного гнезда. Явление мотивации производного слова более чем одним производящим названо в лингвистике термином «поливыводимость» (см., напр., [Бобровская 1984: 34; Гинзбург 1978: 96]). Так, разные значения существительных *погонщик* и *fencer* образованы от разных частей речи.

Погонять Понукать, заставлять ускорить бег, ход, движение.	Погонщик 1. Тот, кто погоняет запряженных или навьюченных животных (лошадей, ослов, быков и т.п.).
Погоня Преследование с целью поимки бежавшего или ушедшего.	Погонщик 2. устар. Преследователь, посланный в погоню.

To fence to <u>fight</u> using <u>swords</u> or <u>foils</u> (сражаться на шпагах или рапирах)	Fencer 1. a person who fights with a <u>sword</u> , esp one who <u>practises</u> the art of <u>fencing</u> (тот, кто сражается на шпагах, особенно в фехтовании)
---	---

<p>Fence a structure that serves to <u>enclose</u> an area such as a <u>garden</u> or field, usually made of <u>posts</u> of <u>timber</u>, <u>concrete</u>, or metal connected by <u>wire</u>, <u>netting</u>, <u>rails</u>, or <u>boards</u> (то, чем огорожен участок земли, обычно в виде вбитых в землю деревянных, бетонных или металлических столбиков, соединенных проволокой, сеткой, перекладинами или жердями)</p>	<p>Fencer 2. a person who <u>erects</u> and <u>repairs</u> fences (тот, кто устанавливает и чинит изгороди)</p>
--	--

Во всех вышеописанных случаях принято говорить об особом способе формирования полисемии производных слов – множественной деривации (см., напр., [Соболева 1978: 13-15]). Множественная деривация – «неоднократное осуществление деривационного акта, в результате которого складывается семантическая структура одной производной лексемы» [Бобровская 1984: 26]. Полученные значения производного слова находятся в отношениях сопроизводности (параллельной производности) и именуются содериватами [Корнилов 2003: 55].

Поскольку во всех приведенных примерах ЛСВ производного слова разобщены, не воспринимаются как выводимые одно из другого, отношения между ними никак нельзя назвать метафорическими. Иная организация многозначности при множественной деривации возникает в том случае, когда производное слово получает два значения на основе двух значений производящего, находящихся в отношениях метафорической зависимости. Например:

Лакировать	Лакировщик
1. Покрывать лаком.	1. Тот, кто занимается лакировкой каких-л. Изделий.
2. Приукрашивать, представляя что-л. в не соответствующем действительности виде.	2. Тот, кто приукрашивая, представляет что-л. в не соответствующем действительности виде.

To hunt (охотиться)	Hunter (охотник)
1. to <u>seek</u> out and <u>kill</u> or <u>capture</u> (game or <u>wild</u> animals) for food or <u>sport</u> (выслеживать зверя с целью убить или захватить ради пропитания или развлечения.	1. a person or animal that <u>seeks</u> out and <u>kills</u> or <u>captures</u> game (человек или животное, выслеживающее дичь с целью убить или захватить)
2. to <u>look</u> (for); <u>search</u> (for) (искать).	2. a person who <u>looks</u> diligently for something (тот, кто старательно ищет что-либо)

Такая организация характеризуется двойной выводимостью, двойной подчиненностью значения 2. производного слова: с одной стороны, значения производного являются содериватами от прямого и метафорического значений производящего, с другой стороны – значение 2. производного слова подчинено значению 1., получено из него путем метафорического переноса. Производное слово наследует семантическую структуру производящего. Поскольку сохраняются отношения семантической зависимости между ЛСВ производного существительного, нам представляется необходимым включить такие существительные в исследование в качестве номинаций, формирующих метафоры.

Помимо множественной деривации для производных слов также характерна «внутрилексемная семантическая деривация» [Бобровская 1984: 22], типичная для непроизводных полисемантов.

Запевала

1. Тот, кто начинает пение, исполняющий запев (начало хоровой песни или каждого ее куплета, исполняемое солистом).

2. перен. разг. Тот, кто первым начинает что-л.

Sportsman (спортсмен)

1. a man who takes part in sports, esp of the outdoor type (тот, кто занимается спортом, особенно на открытом воздухе).

2. a person who exhibits qualities highly regarded in sport, such as fairness, generosity, observance of the rules, and good humour when losing (человек, демонстрирующий качества, которые высоко ценятся в спорте, такие как честность, благородство, тот, кто соблюдает правила и умеет проигрывать).

Вторые значения рассматриваемых лексем образованы путем метафорического переноса из исходных значений и не связаны с семантической структурой производящих слов.

Возможны случаи соединения двух способов развития многозначности – множественной деривации и внутрилексемной семантической деривации - в рамках одной производной лексемы. Производное слово образует ЛСВ на основе значений производящего, но в то же время порождает вторичные переносные значения внутри собственной семантической структуры. Например:

Лапоть	Лапотник
1. Плетеная из лыка обувь, охватывающая ступню ноги.	1. Тот, кто плел или продавал лапти.
	2. Тот, кто ходил в лаптях; крестьянин.
	3. разг.-сниж. Невежественный, некультурный, отсталый человек.

Comedy (комедия)	Comedian (комедиант)
1. a funny play, film, or other work in which the story and characters are amusing and which ends happily (веселая пьеса, фильм или другое произведение со смешным сюжетом и персонажами и хорошим концом).	1. an actor who a tells jokes or does amusing things to make people laugh b acts in funny plays or films (актер, который a шутит или делает что-то веселое, чтобы рассмешить людей b играет в смешных пьесах или фильмах).
2. an even, activity, or type of behavior in real life that is funny or amusing (забавное, смешное событие, действие или манера поведения в реальной жизни).	2. a person who amuses others or who tries to be amusing (тот, веселит других или пытается быть смешным).
	3. <i>derog</i> a foolish person who cannot be taken seriously (<i>неодобр.</i> глупый человек, которого нельзя воспринимать серьезно).

Итак, существует два пути развития полисемии производных слов. Первый путь общий для производных и непроизводных лексических единиц – внутрилексемная семантическая деривация. Второй путь специфичен для

производных лексем – множественная деривация. При множественной деривации порождение значений производной лексемы происходит в ходе:

- неоднократного действия словообразовательной модели на основе одного ЛСВ производящего;
- реализации словообразовательной модели на основе нескольких ЛСВ производящего.

В процессе множественной деривации возникают значения производного слова, которые параллельны друг другу или находятся в отношениях семантической зависимости. В качестве номинаций, формирующих метафоры, мы рассматриваем лишь те лексемы, ЛСВ которых находятся в непосредственной связи друг с другом, когда одно значение образовано от другого путем метафорического переноса, будь то наследование метафорических ЛСВ производящего слова или образование метафорических ЛСВ в рамках собственной семантической структуры.

2.4. Варианты соотношения метафорических и неметафорических, основных (первых по словарной нумерации) и неосновных значений у многозначных существительных со значением субъекта трудовой деятельности в русском и английском языках

Для отбора имен существительных, формирующих метафоры, необходимо было выделить из числа полисемантов лексемы, имеющие вторичные метафорические значения. Мы рассматривали только значения, полученные путем переноса на основании сходства из первичного значения, называющего человека по его трудовой деятельности. Так, в область исследования не вошли метонимичные значения, как, например, в лексемах *дипломат* и *king* (король):

дипломат - 1. м. 1) Должностное лицо ведомства иностранных дел, уполномоченное осуществлять официальные отношения с иностранными государствами. 2) *перен. разг.* Тот, кто добивается своей цели, проявляя искусство и тонкость в отношениях с людьми. 2. м. *разг.* Небольшой плоский чемоданчик. 3. м. *устар.* Пальто особого покроя.

Значения 2. и 3. не являются метафорическими, образованы в результате переноса по смежности: чемодан и пальто названы по обозначению работника, который их носит.

king (король) - 1) Суверенный правитель независимого государства; монарх. 2) Начальник или глава. 3) Человек, животное или предмет, лучшие или наиболее важные в своем роде. 4) Одна из четырех игральных карт в колоде, по одной для каждой масти, с изображением короля. 5) Наиболее важная шахматная фигура, хотя теоретически наиболее слабая, которая может передвигаться за ход на одну клетку в любом направлении. 6) (шашки) фигура, которая пересекла все поле и была коронована, после чего она имеет право передвигаться как назад, так и вперед)

Значение 4. также является метонимическим: карта названа по нанесенному на нее изображению.

В исследование не включены ЛСВ, образованные в результате расширения или сужения исходного значения. Например, некоторые значения существительных *художник, диктатор, athlete (атлет), clown (клоун)*.

художник - м. 1) Тот, кто создает произведения искусства. 2) Тот, кто работает в области изобразительного искусства; живописец. 3) *перен.* Тот, кто достиг высшего мастерства в какой-л. сфере деятельности.

athlete (атлет) – 1) Человек, который соревнуется в сфере спорта или занимается упражнениями, требующими физической силы, скорости или выносливости. 2) Человек, имеющий природную склонность к занятию спортом. 3) (британ. вариант) Участник соревнований по легкой атлетике.

Значение 2. в слове *художник* и 3. в слове *athlete* представляют собой результат сужения производящего первичного значения.

диктатор - 1) Высшее должностное лицо, наделенное неограниченной властью, назначавшееся сенатом в случае внешней или внутренней опасности, угрожавшей государству (в Древнем Риме). 2) Правитель, пользующийся неограниченными полномочиями и неограниченной властью. 3) Тот, кто пользуется большим авторитетом в какой-л. области (обычно с оттенком шутливости или иронии).

clown (клоун) – 1) Комический актер, обычно в гротескном костюме, выступающий в цирке. 2) Любой артист, чье выступление вызывает веселье. 3) Тот, кто шутит и разыгрывает других. 4) Человек, который ведет себя комично. 5) Грубый, неуклюжий, невежественный человек; мужлан.

В данном случае, напротив, значение 2. обоих лексем образовано вследствие генерализации исходного значения.

Как было отмечено в предыдущем параграфе, в исследование не входят вторичные значения производных слов, полученные в ходе множественной деривации и находящиеся в отношениях сопроизводности. Например:

химик - м. 1) Специалист в области химии. 2) *разг.* Преподаватель химии. 3) *разг.* Студент химического факультета. 4) Тот, кто занят в химической промышленности. 5) *перен. разг.* Тот, кто склонен ко всякого рода махинациям (обычно с оттенком шутливости или иронии).

Значения 1., 2., 3. и 4. не подчинены друг другу, образованы параллельно от значений производящего слова *химия*.

fiddler (*уличный скрипач*) - 1. Человек, играющий на скрипке, особенно исполняющий народную музыку. 2. *Fiddler-crab* (*краб-скрипач*) – вид краба, мужская особь которого имеет сильно увеличенную переднюю клешню. 3. Тот, кто впустую тратит время или действует бесцельно. 4. *разг.* Обманщик или жулик.

Значения 1. и 3. мотивированы разными производящими: существительным *fiddle* (*скрипка*) и глаголом *to fiddle* (*тратить, растрачивать*) и не выводимы одно из другого. Значение 4., являясь производным от значения 3., не связано с исходным значением.

В ходе отбора лексем, формирующих метафоры, мы столкнулись со случаями, когда метафорическое значение в связи с большей частотой употребления вытеснило исходное значение, называющее лицо по виду трудовой деятельности. В словарях такие метафорические значения занимают первое место в перечне значений слова, что, конечно, отражает статус соответствующих значений. Например:

атлет - 1) Человек крепкого телосложения, обладающий большой физической силой. 2) Спортсмен, занимающийся легкой или тяжелой атлетикой. 3) Артист цирка, демонстрирующий силовые упражнения. 4) *перен. устар.* Выдающийся, незаурядный в каком-л. отношении человек.

Исходное значение слова, в котором оно было заимствовано в русский язык, «цирковой артист или спортсмен, занимающийся силовыми упражнениями» не указано в качестве первого.

коновал - 1) *разг.* Плохой, невежественный врач. 2) *устар.* Лекарь-самоучка, занимавшийся лечением лошадей.

Устаревшее значение вытеснено более актуальным, метафорическим значением.

Аналогичная структура словарной статьи в ряде случаев наблюдается и в словаре английского языка. Ср.:

henchman – 1) a faithful attendant or supporter. 2) *archaic* a squire; page. (оруженосец – 1) преданный последователь или сторонник 2) *устар.* оруженосец, паж).

Значение «оруженосец, паж», ставшее историзмом, оказывается менее востребованным, чем образованная от него метафора, и вытесняется ею с первого места в словарной дефиниции.

advocate – 1) a person who upholds or defends a cause; supporter 2) a person who intercedes on behalf of another 3) a person who pleads his client's cause in a court of law (адвокат – 1) тот, кто поддерживает, защищает что-либо; сторонник 2) тот, кто выступает от имени другого 3) тот, кто представляет интересы клиента в суде).

В данном случае исторически первое значение слова становится менее популярным в языке из-за обилия лексем, обозначающих различные проявления адвокатской деятельности (напр., *solicitor, barrister, attorney*).

Однако в таких лексемах по-прежнему осознается направление семантической деривации, поэтому мы сочли необходимым включить такие единицы в анализ как номинации, в своем исходном значении называющие лиц по трудовой деятельности и формирующие метафорические ЛСВ. В слове русского языка Т. Ф. Ефремовой встретилось 3 таких номинации, в словаре английского языка Collins – 11.

Отдельно стоит сказать о случаях семантического калькирования, когда лексема образует новые ЛСВ под влиянием семантики слова иностранного языка. В некоторых словарях такие значения описаны как омонимы, однако наличие общих семантических компонентов между ними позволяет рассматривать их как проявление многозначности. Так, в словаре Т. Ф. Ефремовой встречаем слова *стрелец* и *Стрелец*:

стрелец - устар. 1) Военнослужащий особого постоянного войска (на Руси XVI-XVII вв.). 2) То же, что: стрелок (1).

Стрелец - 1) Одно из двенадцати зодиакальных созвездий, расположенное в Южном полушарии. 2) а) Название одного из двенадцати знаков зодиака, соответствующего месяцу, в котором Солнце находится в такой созвездии. б) перен. Тот, кто рожден в такой временной период (23 ноября - 21 декабря).

Исходное значение лексемы *Стрелец* воспринимается как производное от значений лексемы *стрелец*, метафорический перенос построен на внешнем сходстве представителя профессии и очертаний созвездия, что подкрепляется многочисленными изображениями соответствующего знака зодиака.

В словаре Collins омонимами являются слова *sculptor* и *Sculptor*, где:

sculptor – a person who practices sculpture (скульптор – тот, кто занимается скульптурой).

Sculptor – a faint constellation in the S hemisphere between Phoenix and Cetus (Скульптор – слабое созвездие в южном полушарии между созвездиями Феникса и Кита).

Очертания созвездия напоминают скульптора за работой. Значение «созвездие» развивается под влиянием латинского языка, однако присутствует семантическая связь между лексемами *sculptor* и *Sculptor*.

Когда случаи семантического калькирования даны как ЛСВ в рамках семантической структуры одной лексемы, они не сопровождаются пометой *перен.* и оформлены как отдельное значение, не являющееся производным от других ЛСВ. Поскольку в словаре Collins метафорические значения не маркированы пометами, приводим примеры только из русского языка:

проститутка - 1. Женщина, занимающаяся проституцией. 2. *разг.* Тот, кто продажен, бесчестен.

психолог - 1. Специалист в области психологии. 2. *разг.* Тот, кто хорошо разбирается в характерах, переживаниях, поведении людей.

В то же время оба значения имеют общие семантические компоненты, второе значение выглядело бы органично и как результат естественного семантического развития слова. Кроме того, не всегда можно точно определить, является ли значение результатом семантического саморазвития слова или результатом калькирования. Поэтому в исследование в качестве метафор были включены значения, образованные под влиянием семантики слов другого языка и воспринимаемые как семантически связанные с уже существующими в языке значениями, в том числе представленные в словарях как омонимы.

Отдельно стоит сказать о пометах *перен.* в словаре Т. Ф. Ефремовой. Не все значения, включенные в анализ, маркированы в словаре как переносные. Например, переносы в сферу животного и растительного мира, артефактов в словаре не

сопровождаются пометой *перен.*, однако воспринимаются как выводимые из исходного значения.

капуцин - 1. м. Монах римско-католического нищенствующего францисканского ордена, носящий плащ с остrokонечным капюшоном. 2. м. *устар.* Растение, цветок которого напоминает капюшон; настурция. 3. м. Американская обезьяна с длинными волосами на голове, образующими подобие капюшона.

хирург - 1. м. Специалист в области хирургии. 2. м. Морская хищная рыба семейства хирургов, у которой с каждой стороны хвоста имеется шип с острием, направленным вперед.

дворник - 1. Тот, кто поддерживает чистоту и порядок во дворе и на улице около дома. 2. *разг.* Дворники - устройство для механической очистки стекол автомашины от грязи, влаги и т.п.

Вероятно, такие значения не отмечены как переносные, поскольку являются семантическими кальками или вторичными заимствованиями из других языков, а также по причине того, что лишены образности.

Поскольку мы придерживаемся широкого подхода к рассмотрению метафоры, то включаем в анализ наряду с однословными номинациями устойчивые сочетания и фразеологические единицы, одним из членов которых является номинация, называющая человека по трудовой деятельности. Примерами таковых могут служить следующие словосочетания: *покорный слуга*, *housemaid's knee* (колено горничной - воспаление колена, возникающее по причине длительного контакта колен с полом), *busman's holiday* (выходной водителя автобуса - выходной, проведенный за теми же делами, что на работе).

Отдельного обсуждения заслуживают английские устойчивые сочетания, где номинация лица по трудовой деятельности употреблена в атрибутивной функции, типа: *bishop sleeve* (*епископ* + *рукав*): *рукав епископа* - длинный рукав, расширяющийся книзу и собранный на запястье, *carpenter moth* (*плотник* + *моль*): *моль-плотник* - крупная моль, личинки которой наносят урон коре деревьев. Мы склонны рассматривать первый элемент таких сочетаний как существительное, а не как прилагательное, поэтому подобные устойчивые сочетания могут быть включены в анализ в качестве сочетаний с существительным, называющим лицо по труду. Как полагают многие исследователи данного феномена, «вследствие бедности форм

словоизменения существительное приобретает способность выступать в качестве препозитивного определения» [Арнольд 2012: 155].

Учитывая все особенности, описанные в настоящей главе, мы отобрали из числа непроеводных и производных полисемантов, называющих лиц по трудовой деятельности, 188 единиц с метафорическими ЛСВ в русском языке и 150 единиц в английском. Отобранные имена существительные и их первичные и переносные метафорические значения приведены в Приложении 1 в Таблице № 13.1 и Таблице № 13.2. Доля метафор в общем числе номинаций лиц по трудовой деятельности и в общем числе полисемантов отражена в Таблице №1.

Табл. №1. Доля метафор в общем числе существительных со значением субъекта трудовой деятельности и в общем числе полисемантов

	Русск. язык	Англ. язык
Метафоры в общем числе номинаций	6,9%	10,7%
Метафоры в числе полисемантов	22,1%	32,5%

Бóльший процент однозначных слов и значительно более низкий индекс полисемантизма в русском языке в сравнении с английским приводят к тому, что доля метафор в английском существенно выше такого показателя в русском языке. Однако в целом стоит заключить, что процент метафор среди многозначных номинаций лиц по трудовой деятельности велик в обоих языках: метафоры составляют треть полисемантов в английском и пятую часть в русском. Таким образом, существительные, называющие лиц по трудовой деятельности, являются продуктивным источником метафоры в исследуемых языках.

Производные слова составляют более половины лексем, формирующих метафоры: 62,8% (118 слов) в русском языке и 56% (84 слова) в английском. Причем только 40,8% из них в русском и 30,2% в английском языке имеют метафорические ЛСВ, наследованные от производящих лексем. Остальные номинации формируют метафорические значения на основании собственных ЛСВ. То есть из всех производных полисемантов, не формирующих метафорических ЛСВ путем внутрилексемной деривации, только 8,1% единиц в русском языке и 8,8% единиц в английском наследуют от производящих лексем метафорические значения,

воспринимаемые как метафоры в рамках их собственной семантической структуры. Значения остальных производных полисемантов сформированы либо в процессе параллельной деривации от одного или нескольких ЛСВ производящего слова и не находятся в семантической зависимости друг от друга, либо являются результатом генерализации, специализации имеющихся значений внутри лексемы, а также метонимического переноса. Причем формирование метонимических значений у производных полисемантов отмечается крайне редко: 0,3% случаев в русском и 1,7% в английском языке.

Отличительной чертой английского языка является то, что значительный процент метафор приходится на устойчивые сочетания: 26,9% всех отобранных для исследования лексем входит в состав устойчивых сочетаний, причем только треть (34,1%) таких лексем развивает также метафорические ЛСВ, две третьих (65,9%) входит в анализ исключительно в составе устойчивых сочетаний. Причем нередко одна и та же лексема входит в состав сразу нескольких устойчивых сочетаний: среднее число устойчивых сочетаний для лексем, входящих в них, составляет 1,6. Для сравнения среди отобранных номинаций в русском языке по данным словаря Т. Ф. Ефремовой доля входящих в состав устойчивых сочетаний составляет 1%.

По наблюдениям исследователей, изучающих семантику производных слов, чем сложнее словообразовательная структура слова, тем менее сложна его семантическая структура, непроизводные слова более склонны к развитию многозначности, чем слова производные (см., напр., [Ермакова 1977: 160-161; Соболева 1980: 183]).

Подсчет количества метафорических значений у производных и непроизводных слов, рассмотренных нами, показал следующие результаты. В русском языке производные и не производные слова в среднем имеют сходное количество метафорических значений, которое приближается к единице: 1,08 метафорических ЛСВ у производных слов и 1,15 – у непроизводных. Непроизводные слова превосходят производные по количеству метафорических значений, однако эта разница очень незначительна, что объясняется низким индексом полисемантизма в русском языке в целом.

В английском языке различия более существенны. Среднее количество метафорических ЛСВ у производных слов составляет 1,24 значения, у непроизводных – 1,88. Представленный материал свидетельствует о том, что английские полисеманты в среднем образуют больше метафорических ЛСВ, чем русские, для непроизводных существительных в английском языке характерно большее количество метафорических ЛСВ в сравнении с производными.

2.5. Семантический анализ метафор имен существительных со значением субъекта трудовой деятельности по данным лексикографии

2.5.1. Семантическая классификация производящих значений русских и английских имен существительных, называющих лиц по трудовой деятельности и имеющих вторичные метафорические значения

Выделенные для анализа номинации лиц по трудовой деятельности представляют собой единицы нескольких тематических групп (ТГ) в рамках семантической сферы «Трудовая деятельность». При разделении единиц на тематические группы мы опирались на классификацию, представленную в Русском семантическом словаре под редакцией Н. Ю. Шведовой [Русский семантический словарь 2002]. Распределение производящих значений по тематическим группам отражено в Таблице №2.

Табл. №2. Распределение производящих значений по тематическим группам.

Тематическая группа	Русский язык, %	Английский язык, %
1. Хозяйственная и экономическая деятельность	26,1	36,0
2. Искусство и творчество	23,9	16,6
3. Наука и ее практическое применение	8,5	8,7
4. Спорт и туризм	2,1	5,3
5. Религия и культуры	10,6	7,3
6. Власть, служебная, официальная, должностная деятельность	17,0	16,0
7. Военная и военизированная сфера деятельности	9,0	8,7
8. Общественно-политическая деятельность	0,5	0,7
9. По кругу дел и занятий, соответствующих разным	0,5	0

сферам		
10. Общие обозначения	0,5	0,7
11. По условиям труда, характеру оплаты труда	1,6	0

Как показывает Таблица №2, наиболее активна в плане формирования метафор ТГ «Хозяйственная и экономическая деятельность». Она включает более четверти рассматриваемых номинаций в русском языке и более трети в английском. Данная тематическая группа представлена несколькими подгруппами. Процентное распределение единиц по подгруппам представлено в Таблице №3.

Табл. №3. Распределение производящих значений по подгруппам ТГ «Хозяйственная и экономическая деятельность»

Подгруппа	Русск. язык, %	Англ. язык, %
1. Промышленное и кустарное производство, изготовление, обработка, переработка, техническое обслуживание	26,5	20,4
2. Строительство	6,1	1,9
3. Сельское, лесное хозяйство, работа с животными	8,2	9,3
4. Промысел	6,1	7,4
5. Транспорт и связь	8,2	14,8
6. Предпринимательство, торговля, финансы	14,3	16,7
7. Обслуживание, ведение хозяйства, неквалифицированный труд	30,6	29,6

Как отмечалось в параграфе 1.4., осмысляя что-то незнакомое при помощи метафоры, человеческое сознание стремится опереться на что-то близкое и хорошо знакомое. Поскольку хозяйственные и экономические отношения сопровождают человека ежедневно, являются неотъемлемой частью его жизни, работники данной сферы оказываются лучше всего знакомы носителю языка, что обуславливает представленность ТГ «Хозяйственная и экономическая деятельность» значительным числом номинаций.

Кроме того, активность единиц ТГ «Хозяйственная и экономическая деятельность» объясняется тем, что метафорическая система языка складывается не одно десятилетие и во многом отражает традиционный взгляд на мир (см., напр.,

[Балашова 2007, 2011]). По этой причине на современном этапе развития языков регулярно образуют переносные значения лексемы, описывающие сферы деятельности, значимые для патриархального быта, и обозначающие представителей традиционных ремесел (напр., *кузнец*, *сапожник*, *hatter* - *шляпник*, *potter* - *горшечник*), работников сельского хозяйства (напр., *батрак*, *сеятель*, *farmer* - *фермер*, *shepherd* - *пастух*), торговцев (напр., *купец*, *мясник*, *fishwife* – *торговка рыбой*, *horse-trader* – *торговец лошадьми*) и лиц, занятых обслуживанием господ в частном доме, ведением хозяйства (напр., *лакей*, *приказчик*, *gatekeeper* - *привратник*, *housemaid* - *горничная*).

Активно метафоризируются члены ТГ «Искусство и творчество», причем в русском языке процент метафор в данной группе лишь незначительно ниже, чем соответствующий показатель в ТГ «Хозяйственная и экономическая деятельность». Анализ метафор ТГ «Искусство и творчество» как в русском, так и в английском языке свидетельствует о том, что наиболее значимыми для языкового сознания являются зрелищные виды искусства: театр, цирк, музыка и пр. Номинации представителей зрелищных видов искусств чаще становятся источником метафоры: 72,3% от всех метафор ТГ «Искусство и творчество» в русском языке и 58,3% - в английском. Творческая деятельность актеров, певцов, музыкантов, циркачей доступна непосредственному восприятию зрителя, что делает ее более понятной и знакомой и рождает большое число метафорических переносов с номинациями представителей зрелищных видов искусства. В то же время деятельность в сфере изобразительного, прикладного искусства, литературы и публицистики скрыта от наблюдения и менее близка среднему носителю языка, что приводит к относительной немногочисленности метафор. Этим же, по-видимому, объясняется и тот факт, что метафоры, мотивированные номинациями представителей зрелищных видов искусств, чаще основаны на особенностях поведения и внешнего вида деятелей, в то время как метафорическое использование номинаций представителей незрелищных видов искусств строится на предмете и результате их творчества. Ср.:

клоун - перен. Тот, кто разыгрывает в обществе роль шута;

prosaic - перен. Тот, кто лишен возвышенных интересов, занят повседневной, бытовой материальной стороной жизни;

actor – a person who puts on a false manner in order to deceive others (актер – тот, кто притворяется с целью обмануть других);

fabulist – a person who lies or falsifies (баснописец – тот, кто обманывает или искажает факты).

Сходными экстралингвистическими факторами вызвана, на наш взгляд, высокая активность видовых обозначений творческих профессий в отличие от родовых. Так, чаще в качестве источников метафоры выступают существительные, обозначающие артистов, музыкантов, писателей, художников конкретного жанра (напр., *балерина, трубадур, летописец, карикатурист, juggler - жонглер, fiddler – скрипач, poet – поэт, gladiator - гладиатор*), о которых средний носитель языка имеет более ясное представление. Родовые обозначения составляют лишь 17% в русском языке и 29,2% в английском.

Среди членов ТГ «Наука и ее практическое применение» преобладают номинации, связанные с практическим применением научных знаний (62,5% и 76,9% в русском и английском языке соответственно). Это, главным образом, существительные, имеющие отношение к области медицины и просвещения (напр., *лекарь, учитель, midwife – повивальная бабка, rhetorician - ритор*). Не образуют метафор номинации, именующие представителей научных областей, далеких от среднего носителя языка. Метафоризируются лишь некоторые лексемы, обозначающие ученых из наиболее известных отраслей научного знания, знакомых носителю языка из школьной программы (напр., *психолог, химик, philosopher – философ, technician - техник*).

Значительным числом единиц представлена ТГ «Власть, служебная, официальная, должностная деятельность», причем более трети из них (38,1% в русском языке и 33,4% в английском) составляют номинации верховных правителей (напр., *властелин, царь, monarch - монарх, queen - королева*). Остальные единицы называют служащих при дворе, в правительственных, административных и судебных

учреждениях, в органах безопасности, сыска и надзора, в хозяйственных организациях и службах.

В обоих языках достаточно продуктивна ТГ «Военная и военизированная сфера деятельности», которая представлена номинациями лиц по воинским чинам и званиям, по роду войск, по функции, по их связи с каким-либо видом оружия или доспехов (напр., *богатырь*, *стрелец*, *admiral* – адмирал, *knight* - рыцарь).

Отличительной особенностью метафоры трудовой деятельности в русском языке является представленность ТГ «Религия и культы» заметно большим числом единиц по сравнению с английским языком. В отличие от английского языка среди слов данной группы в русском языке значительную долю составляют номинации служителей древних культов, участников иностранных религиозных движений и объединений (30%, напр., *бонза*, *иезуит*), а также существительные, называющие колдунов и участников оккультных действий (35%, напр., *ведьма*, *чародей*).

Остальные ТГ («Спорт и туризм», «Общественно-политическая деятельность», «По кругу дел и занятий, соответствующих разным сферам», «Общие обозначения», «По условиям труда, характеру оплаты труда») включаются в метафорическую систему языка менее активно и представлены менее чем 5% единиц, что объясняется слабым присутствием соответствующих сфер деятельности в повседневной жизни среднего носителя языка, а также обобщенным характером обозначений.

Обращает на себя внимание тот факт, что в системе лексем, формирующих метафорические ЛСВ, практически отсутствуют номинации деятельности, появившейся в обществе недавно, относительно новой для носителя языка. Как правило, источником метафоры выступают номинации лиц, занятых трудовой деятельностью, которая имеет длительную историю существования в рассматриваемом обществе. Такой состав источников метафоры подтверждает консервативный, традиционный характер метафорической системы языка и доказывает тот факт, что модели метафоризации человек усваивает вместе с языком, отражающим опыт предыдущих поколений, а не создает самостоятельно.

Следует отметить, что в русском и английском языках в качестве источника метафоризации используются как номинации привычной и распространенной в

современном обществе профессиональной деятельности, так и устаревших, неактуальных занятий. Поэтому нам представляется возможным разделить изучаемые номинации лиц по труду на несколько подгрупп в зависимости от характера называемой ими деятельности.

По виду обозначаемой деятельности рассмотренные наименования можно разделить на следующие группы:

1) характер деятельности не претерпел существенных изменений за время ее существования, номинация активно используется в настоящее время (напр., *актер, сторож; artist - художник, teacher - учитель*);

2) в связи с изменившимися условиям труда данные лексемы не употребляются по отношению к современному производству, но продолжают функционировать при номинации традиционной деятельности в сельской местности и традиционном быту (напр., *кузнец, лапотник; miller - мельник, potter - горшечник*);

3) обозначаемая трудовая деятельность не встречается в современном обществе (напр., *извозчик, лакей; herald – глашатай, valet – камердинер*).

Примечательно, что устаревшие и устаревающие занятия составляют около трети всех производящих значений в обоих языках: 32,3% в русском языке и 32,9% в английском.

Кроме того, в систему метафор трудовой деятельности вовлекаются лексемы, характеризующие социальную систему иностранных государств, как прошлых эпох, так и современности. Примерами таких лексем могут служить существительные *бонза, кондотьер, матадор, burgomaster (бургомистр), gendarme (жандарм), gladiator (гладиатор)*. В русском языке такие номинации составляют 12,5% от общего числа метафор, в английском – 5,9%. Наиболее часто лексика такого типа встречается в ТГ «Власть, служебная, официальная, должностная деятельность», «Искусство и творчество», «Военная и военизированная сфера деятельности», в русском языке также в ТГ «Религия и культуры». Судя по всему, мотивация метафорических переносов в данном случае связана с влиянием художественной литературы, кинематографа, школьного курса истории; метафора также может являться результатом семантического калькирования.

2.5.2. Семантический анализ производных метафорических значений русских и английских имен существительных, называющих лиц по трудовой деятельности

Большой интерес представляет изучение семантических сфер, на которые направлен метафорический перенос. Как было отмечено в параграфе 2.3., на одно производящее значение среди отобранных нами лексем может приходиться более одного производного метафорического значения. Поэтому каждый метафорический ЛСВ мы рассматриваем отдельно. Таким образом, на 188 производящих значений в русском языке приходится 213 производных метафорических значений, в английском языке на 150 производящих – 233 производных. Стоит оговориться, что в анализ сфер метафорической экспансии не вошли значения, реализованные во фразеологизмах. Исключение фразеологизмов из анализа затрагивает, главным образом, материал английского языка, где более четверти номинаций входят в состав устойчивых сочетаний. Исключаются фразеологизмы типа:

go for the doctor (*пойти за врачом*) – to make a great effort or move very fast, esp in a horse race (прикладывать значительные усилия или двигаться очень быстро, особенно на скачках);

be in the driver's seat (*быть на сиденье водителя*) – be in control in a situation (контролировать ситуацию).

В таких случаях невозможно определить, к какой семантической сфере относится значения фразеологизма в целом.

Однако мы сочли необходимым включить в анализ устойчивые сочетания терминологического характера, которые в английском языке часто используются для обозначения животных (напр., *pilot bird* – *птица-пилот*, *carpenter bee* – *пчела-плотник*), растений (*shepherd's purse* – растение *кошелек настуха*, *policeman's helmet* – растение *шлем полицейского*), артефактов (*nun's cloth* – *ткань монахини* (вид тонкого мягкого шелка или шерстяной ткани для изготовления вуалей, платьев и т.п.), *sleeping policeman* – *лежащий полицейский*), болезней (*housemaid's knee* – *колени горничной* (воспаление сумки надколенника, особенно вследствие

регулярного стояния на коленях на твердой поверхности), *boxer's ear* – ухо боксера (утолщение и деформация внутреннего уха в результате разрыва кровеносных сосудов)), игр (*postman's knock* – игра стук почтальона). Иногда отдельное слово и устойчивое сочетание равнозначны в языке, например, одна и та же птица может быть названа *adjutant* (адъютант) либо *adjutant bird* (птица-адъютант). В перечисленных случаях сфера метафорической экспансии определяется без труда.

Метафорические значения в русском и английском языке распределяются по семантическим сферам следующим образом (см. Таблицу №4):

Табл. №4. Распределение метафорических значений по семантическим сферам

Семантическая сфера	Русск. язык, %	Англ. язык, %
1. Человек	85,5	53,6
2. Фауна	7,5	19,7
3. Флора	0,5	3,4
4. Артефакты	3,7	12,9
5. Неживая природа	0,5	2,1
6. Наука, искусство, культура	0,5	3,0
7. Абстракция	1,4	5,2

2.5.2.1. Семантическая сфера «Человек»

Как показывает таблица, подавляющее большинство метафорических переносов с номинаций лиц по трудовым занятиям в обоих языках направлено на семантическую сферу «Человек». Как отмечает Г. Н. Складневская, «лексика, обозначающая людей по разнообразным характерным признакам, в процессе метафоризации не выходит за пределы «своей» сферы, здесь осуществляется только один регулярный тип переноса: ЧЕЛОВЕК → ЧЕЛОВЕК. Признак лица, наделенного какими-либо характерными особенностями, переносится на другое лицо, характеризуя его» [Складневская 1993: 93]. Изучая социальную метафорическую макросистему в диахронии, Л. В. Балашова также приходит к выводу, что «при формировании переносных значений, как правило, не происходит решительной смены сферы «приложения» метафоры: социальная метафора

преимущественно функционирует внутри той же макросистемы» [Балашова 2011: 306].

Более понятные и доступные характеристики работников, такие как внешний вид, трудовые функции и особенности трудового поведения, служат основой для метафор, описывающих более сложные сферы – интеллектуальную, эмоциональную деятельность человека. Характер рассматриваемых метафор таков, что зачастую невозможно определить, какое проявление человека в них представлено: человек как биологический вид, человек как часть социума, человек как личность. Например:

бонза – надменное, высокомерное должностное лицо, чиновник;

diplomat (дипломат) – a person who deals with people tactfully or skillfully (тот, кто искусно и тактично ведет себя с другими).

С одной стороны, данные значения характеризуют личные качества человека, с другой стороны – его взаимодействие с другими членами общества.

В другом примере из русского языка соединяется характеристика внешности человека, т.е. человека как биологического вида, и его личных качеств:

ведьма – злая, сварливая или безобразная женщина.

Стоит заметить, что основная часть переносов в семантическую сферу «Человек» дает характеристику человека в целом: его личностных качеств, социальных функций, внешнего вида. Лишь одно метафорическое значение в русском языке используется для обозначения части тела человека: *привратник* – место перехода желудка в двенадцатиперстную кишку. В английском языке 5 из 125 значений, относящихся к сфере «Человек», используются для наименования болезней.

Анализ словарных дефиниций показывает, что метафорический перенос в семантическую сферу «Человек» строится на одном из трех оснований:

1) типичные действия, трудовые функции, условия труда работника, напр., *жрец* – тот, кто полностью посвятил себя какой-либо деятельности; *advocate (адвокат)* – a person who defends a cause, supporter (тот, кто выступает в защиту чего-либо, сторонник);

2) стереотипные представления о личных качествах лиц, занятых той или иной трудовой деятельностью, напр., *рыцарь* – самоотверженный, благородный, великодушный человек; *cowboy (ковбой)* – a person who is an irresponsible or unscrupulous operator in business (безответственный или беспринципный участник бизнеса);

3) внешнее сходство, напр., *богатырь* – рослый, крепкого сложения, сильный человек; *гвардеец* – тот, кто имеет высокий рост, крепкое сложение, молодеватый вид. В английском языке перенос на основе внешнего сходства не встречается.

Распределение метафорических значений в зависимости от основания переноса отражено в Таблице №5.

Табл. №5. Основания метафорического переноса в семантическую сферу «Человек»

Основание переноса	Русск. язык, %	Англ. язык, %
1. Типичные действия, трудовые функции, условия труда	59,3	62,5
2. Стереотипные представления о личных качествах	38,5	37,7
3. Внешний вид	2,2	0

Таким образом, наибольшее число метафор рассматриваемой группы мотивировано действиями работника в процессе труда, условиями труда, а иногда в совокупности с оценкой этих действий и условий, например, *кустарь* – тот, кто действует примитивно, неорганизованно; *juggler (жонглер)* – a person who fraudulently manipulates facts or figures (тот, кто манипулирует фактами или цифрами с целью мошенничества). Поскольку каждая трудовая деятельность отличается от другой именно характером выполняемых действий и условий труда, то вполне естественно, что большая часть метафорических ЛСВ мотивированна этими особенностями.

Примечательно, что более трети антропоцентрических метафор строятся на качествах, приписываемых языковым сознанием представителям той или иной трудовой деятельности. Причем эти качества могут быть как предсказуемыми, напр.,

живодер – жестокий человек, мучитель;

поэт – тот, кто поэтически воспринимает действительность, поэтически относится к окружающему;

butcher (мясник) – an indiscriminate or brutal murderer (неразборчивый и жестокий убийца);

chevalier (шевалье) – a chivalrous man, gallant (благородный человек, галантный кавалер),

так и весьма диффузными, напр.,

сапожник – неумелый, неискусный в работе человек;

наемник – тот, кто продался кому-либо, кто из низких, корыстных побуждений защищает чужие интересы;

gigman (извозчик на двуколке) – a philistine (филистер);

trouper (опытный актер) – a reliable or uncomplaining person (надежный и терпеливый человек).

В таких метафорах особенности трудового поведения нейтрализуются, на первое место выходит характеристика человека как личности. Характер трудовой деятельности и ее результаты нередко приводят к формированию устойчивых представлений о личных качествах работников: их интеллекте, чертах характера и пр. В процессе метафоризации происходит актуализация данной системы стереотипов.

Согласно словарным данным, достаточно редко в русском языке формируются переносы на базе стереотипных представлений о внешности и физиологических особенностях представителей различных видов трудовой деятельности. В английском языке такие переносы не зафиксированы вовсе.

2.5.2.2. Семантические сферы «Флора» и «Фауна»

Интересно, что как в русском, так и в английском языке лексика трудовой деятельности выступает продуктивным источником пополнения семантических сфер «Флора» и «Фауна». Однако подавляющее большинство метафорических значений описывает область животного мира, а переносы в область растительного мира представлены единичными примерами. Это объясняется наличием большего числа сходств между людьми и животными в силу физиологического подобия, а также тем, что животные, в отличие от растений, демонстрируют определенную модель поведения.

Практически все метафоры данной группы являются номинативными, лишенными образности. В словарях встретилась лишь одна образная метафорическая номинация: *певец* / *singer* – певчая птица. Как правило, номинативные метафоры предлагают более простую замену уже существующему научному, часто латинскому обозначению какого-либо животного или растения. Например,

бургомистр (вместо лат. *Larus hyperboreus*) – полярная чайка;

капуцин (вместо *настурция большая*) – растение, цветок которого напоминает капюшон; настурция;

adjutant (адъютант) (вместо лат. *Leptoptilus dubius*) – a carrion-eating stork, which are closely related to the marabou (аист-падальщик, близкий родственник марабу);

water soldier (водяной солдат) (вместо *stratiotes*) – an aquatic plant, having rosettes of large leaves and large three-petalled white flowers (водное растение с розетками крупных листьев и крупными трехлепестковыми белыми цветами).

Таким образом, метафора трудовой деятельности служит оформлению научной картины мира средствами национального языка.

Следует, однако, заметить, что многие метафоры данной группы представляют собой семантические кальки либо вторичные заимствования из других языков. Это подтверждается единообразием наименований некоторых видов животных и растений сразу в нескольких языках. Так, согласно «Пятиязычному словарю названий животных» Р. Л. Бёме и В. Е. Флинта [Бёме, Флинт 1994], в латинском, русском, английском, немецком и французском языках название птицы-кардинала имеет сходное звучание, а название птицы-монашенки имеет одинаковое значение в латинском, русском, английском и немецком – «монашка».

Модулем сравнения при метафорическом переносе в сферу животного мира служат две группы характеристик: статичные качества и особенности поведения. Под статичными качествами, свойственные работнику, мы имеем в виду внешность, атрибуты трудовой деятельности, место труда, звуковые характеристики, статус. В большинстве случаев внешнее сходство состоит в подобии расцветки или частей тела животного и костюма представителя той или иной трудовой деятельности, например:

капуцин – американская обезьяна с длинными волосами на голове, образующими подобие капюшона (сходство с плащом монаха францисканского ордена);

монашенка – ночная бабочка семейства волнянок с черными полосами и пятнами на крыльях и брюшке, гусеницы которой являются вредителями древесных растений (сходство окраски с костюмом монахини);

footman (лакей) – any of several arctiid moths with yellowish hind wings and brown forewings with a yellow front stripe (бабочка семейства Медведицы с желтыми нижними крыльями и коричневыми верхними крыльями с желтой полосой) (сходство расцветки с костюмом лакея);

policeman bird (птица-полицейский) – a large Australian stork having a white plumage, dark green back and tail, and red legs (большой австралийский аист с белым оперением, темно-зеленой спиной и хвостом и красными ногами) (сходство расцветки и униформы полицейского).

Помимо этого, внешнее сходство может проявляться также в подобии позы, например, положение руки скрипача при игре на скрипке и клешни краба: *fiddler crab (краб-скрипач)* - вид краба, мужская особь которого имеет сильно увеличенную переднюю клешню (быстрые движения этой клешни для привлечения самок напоминают движения руки скрипача); подобии черт лица, например, усы юриста и налима: *lawyer (юрист)* - пресноводная рыба из семейства тресковых с усиками у рта.

На сходстве каких-либо характеристик животного с атрибутами трудовой деятельности построены следующие метафоры: *хирург* – морская хищная рыба, у которой с каждой стороны хвоста имеется шип, направленный вперед (части тела рыбы подобны ланцету хирурга); *water boatman (водный лодочник)* - вид водных жуков с плоским тельцем и задними лапками в форме весел. Совпадение места труда привратника и места обитания бабочки мотивирует метафору: *gatekeeper (привратник)* – бабочка, которая обитает на изгородях. Подобие звуков, извлекаемых работником в процессе труда, и звуков, издаваемых животными, также становится базой для образования метафорического переноса, например: *кузнечик* – прыгающее насекомое, издающее стрекочущие звуки; *coppersmith (медник)* - птица с металлической ноткой в голосе. Сходство может улавливаться и между высоким статусом, величиим представителя определенной трудовой деятельности и животным, отличающимся красотой либо крупным размером: *monarch (монарх)* –

крупная бабочка; *emperor penguin* (пингвин-император) – самый крупный пингвин на Планете.

Часто в основу метафоры ложится поведенческое сходство, например:

звездочет – хищная рыбы, глаза которой расположены на верхней стороне головы (сходство со звездочетом, который рассматривает небо);

лоцман - небольшая морская рыба отряда окунеобразных, сопровождающая на далекие расстояния корабли или крупных рыб (сходство с лоцманом, который знает местные условия плавания и проводит суда в опасных районах);

butcherbird (птица-мясник) - птица, которая убивает жертву, насаживая ее на шипы растений (сходство с мясником, закалывающим животное);

worker (рабочий) – особь, не способная к размножению, в колонии пчел, муравьев или ос, которая добывает пищу и ухаживает за потомством.

Процентное соотношение метафор, основанных на статических и поведенческих особенностях, отражено в Таблице №6.

Табл. №6. Основания метафорических переносов в семантическую сферу «Фауна»

Основание переноса	Русск. язык, %	Англ. язык, %
1. Статические характеристики	62,5	58,7
2. Поведение	37,5	41,3

Переносы в сферу растительного мира мотивированы, как правило, сходством частей растения и элементов внешности работника либо атрибутов труда, например: *капуцин* – растение, цветок которого напоминает капюшон монаха; *miller* (мельник) – моль бледной расцветки (сходство с мельником, испачкавшимся мукой). Поскольку метафоры данной группы немногочисленны, любая их классификация не имеет смысла.

2.5.2.3. Семантическая сфера «Артефакты»

Количественный анализ метафорических переносов в семантическую сферу «Артефакты» обнаруживает существенные различия между русским и английским языками. Если русский язык превосходит английский по регулярности антропоцентрических метафор, то английский язык отличается бóльшим

количеством метафор в сферу предметного мира. На наш взгляд, такие различия обусловлены как культурными особенностями, так и разницей в грамматическом строе двух языков.

Многие современные исследования по межкультурной коммуникации опираются на теорию культурных измерений, разработанную социальным психологом Г. Хофстеде [Hofstede 1991] (обзор теории см. в работах [Куликова 2004: 88-110; Персикова 2002: 47-53]). Ученый предложил параметрическую модель, по которой возможно сопоставлять системы ценностей различных культур. Одним из таких параметров является степень маскулинности / феминности. Культуры маскулинного типа ориентированы на материальные блага, предметы, в то время как в культурах феминного типа важнее оказывается человек и отношения между людьми. Индекс маскулинности для Великобритании составляет 66 из 110, для России – 36 [Hofstede, Hofstede, Minkov 2010: 141-143].

В то время как в английском языке многие устойчивые сочетания, именующие артефакты, представляют собой соединение двух существительных, одно из которых – номинация работника, в русском языке тот же смысл выражается сочетанием прилагательного и существительного, например: англ. *cowboy boots* (*сапоги ковбоя*) – рус. *ковбойские сапоги*. Поскольку мы ограничили исследование существительными, сочетания с прилагательными трудовой деятельности не вошли в анализ.

Существительные, называющие работников, могут использоваться для метафорической номинации самых разнообразных предметов, созданных человеком. Например:

1) предметов интерьера: *холоп* – приспособление в виде наклонной скамеечки с вырезом для задника, использовавшееся при снятии сапог; *dumb waiter* (*немой официант*) – сервировочный столик на колесиках;

2) систем и механизмов: *дворники* – устройство для механической очистки стекол автомашины от грязи, влаги и т.п.; *pilot* (*пилот*) – вспомогательный, направляющий механизм;

3) предметов быта: *монашка* – курительная свечка, распространяющая при горении ароматный дым; *housewife* (*домохозяйка*) – небольшой швейный набор, выдаваемый солдатам.

Основанием при переносе служит либо внешнее сходство с работником, либо функциональное сходство. Внешнее сходство, как правило, заключается в подобии очертаний (*балеринка* – маленький циркуль в готовальне; *bishop* (*епископ*) – шахматная фигура, которая ходит по диагонали на любое число полей одинакового цвета). В английском языке также распространены устойчивые сочетания, где номинация работника использована в тех случаях, когда предметы одежды напоминают элементы костюма представителя той или иной трудовой деятельности, например, *sailor hat* (*шляпа моряка*) – шляпа с низкой тульей и поднятыми вверх полями; *nun's cloth* (*ткань монахини*) – вид тонкого мягкого шелка или шерстяной ткани для изготовления вуалей, платьев и т.п.

Метафорический перенос на основании сходства функций работника и артефакта может быть продемонстрирован следующими примерами: *шутиха* – разновидность фейерверка (развлекает публику подобно шуту), *sleeping policeman* (*спящий полицейский*) – искусственная неровность на дороге, ограничивающая скорость движения (регулирует движение подобно полицейскому).

2.5.2.4. Малочисленные семантические сферы

Метафорический перенос в другие семантические сферы носит спорадический характер.

Метафорические ЛСВ существительных, именующих лиц по трудовой деятельности, могут быть использованы для номинации объектов неживой природы. Среди слов данной группы чаще других встречаются наименования созвездий, в очертаниях которых усматривается сходство с представителем той или иной профессии, например: *Стрелец*, *Hunter* (букв. *охотник*, созвездие *Орион*), *Sculptor* (*Скульптор*).

Встречаются метафорические употребления анализируемых существительных в названиях настольных игр, например: *мельники* – карточная игра со взятками, которые снова разыгрываются (игра происходит по кругу, что напоминает вращение крыльев мельницы); *hangman* (*палач, казнивший через повешение*) – игра «Виселица» для двух и более игроков, в которую играют с помощью бумаги и карандаша (игра заканчивается, когда на бумаге появляется схематичное изображение повешенного человека).

Немногочисленны метафоры, обозначающие абстрактные явления, например: *поставщик* – источник чего-либо; *царь* – употребляется как приложение, указывая на исключительность, превосходство определяемого среди ему подобных; *breeder* (*заводчик*) – источник, причина чего-либо; *harbinger* (*тот, кого посылали вперед королевского экипажа или армии для поиска жилья*) – предвестник.

Выводы по второй главе

Таким образом, в настоящей Главе описаны основные принципы, которыми мы руководствовались при отборе из словарей существительных, называющих лиц по трудовой деятельности, а также при выделении среди них единиц, образующих метафоры. Особое внимание уделено проблеме формирования метафорических значений у производных слов. На основе формальных подсчетов сделаны выводы о составе метафор в русском и английском языках, не затрагивающие семантику исследуемых единиц. Основные различия в двух языках вызваны разницей в грамматическом строе: преобладанием синтетического способа выражение отношений между словами в русском языке и выраженной тенденцией к аналитизму в английском. Так, уровень развития полисемии в аналитическом английском языке выше, чем в русском, что приводит к более высокому проценту метафор трудовой деятельности в языке и большему количеству метафорических значений на слово. Для английского языка, в сравнении с русским, характерно большее количество

устойчивых сочетаний, содержащих в себе номинацию лица по трудовой деятельности.

Анализ лексикографического материала русского и английского языков показывает, что с точки зрения семантики метафор трудовой деятельности рассматриваемые языки имеют больше общего, чем различного. Этим подтверждается универсальный характер некоторых семантических процессов.

Как в русском, так и в английском языке наибольший процент лексем, выступающих источником метафоризации, приходится на тематические группы, описывающие те сферы трудовой деятельности, которые наиболее близки и понятны носителям языка: ТГ «Хозяйственная и экономическая деятельность», ТГ «Искусство и творчество», ТГ «Религия и культы», ТГ «Власть, служебная, официальная, должностная деятельность».

Подавляющее большинство переносов в обоих языках осуществляется в семантическую сферу «Человек», т.е. обозначения работников, как правило, используются для метафорической номинации человека: его социальной, интеллектуальной деятельности. Причем более трети антропоцентрических метафор основаны на стереотипных представлениях о качествах работника как личности.

Кроме того, имена существительных со значением субъекта трудовой деятельности выступают продуктивным источником пополнения семантических сфер «Флора» и «Фауна», т.е. служат оформлению научной картины мира средствами национального языка.

Глава 3. Сопоставительное исследование метафоризации русских и английских имен существительных со значением субъекта трудовой деятельности на материале корпусов

Данная глава посвящена сопоставительному изучению метафоризации русских и английских имен существительных со значением субъекта трудовой деятельности на материале анализа корпусов русского и английского языков. Исследование включает несколько этапов, материалы которых отражены в соответствующих разделах.

На первом этапе исследования стояла задача определить, материалы каких именно корпусов целесообразно отобрать для сопоставительного изучения метафоризации существительных с семантикой субъекта трудовой деятельности, и выделить из этих корпусов имена существительные указанной семантики для дальнейшего исследования.

На втором этапе исследования мы стремились максимально полно представить методику и результаты сопоставления закономерностей метафоризации существительных со значением субъекта трудовой деятельности на основе материалов русского и английского корпусов, в том числе выделить существительные, для которых характерна высокая частотность метафорического использования, а также определить факторы, влияющие на частотность.

На третьем этапе стояла задача сопоставить результаты исследования данных о метафоризации существительных трудовой деятельности, полученные на основе рассмотрения, с одной стороны, материалов словарей, а с другой – материала корпусов.

На следующем этапе предполагалось охарактеризовать общие закономерности и национальные особенности метафорического использования русских и английских существительных трудовой деятельности и их использования в составе сравнительных конструкций

Заключительным этапом исследования в данной главе стало выявление регулярных моделей, характерных для метафоризации существительных трудовой

деятельности, ранее отобранных на основе исследования толковых словарей и корпусов английского и русского языков.

3.1. Корпусы русского и английского языков как материал для сопоставительного исследования метафоризации существительных со значением субъекта трудовой деятельности

В предыдущей главе материалом для нашего исследования стали лексикографические данные, и это позволило нам выделить ряд общих закономерностей и национальных особенностей метафоризации. Однако, по мнению многих специалистов, занимающихся исследованиями в области лексикографии, словарный материал не всегда объективно отражает язык. Так, толкования одних и тех же слов в разных словарях могут существенным образом отличаться друг от друга [Белоусова 1988, Кнорина 1988; Кретов, Подтележникова 2010], «одной из отличительных особенностей толкования является широкая вариативность определения слова при тождестве его денотата, что доказывается большим разнообразием толкований одних и тех же слов в разных словарях» [Богачева 2011: 61]. Считается, что словарная статья какого-то одного словаря не фиксирует семантику слова абсолютно точно [Селиверстова 2004; Сулейманова, Лукошус 2017]. Как отмечает очень авторитетный лексикограф, «перегруженность задачами делает словарную статью очень сложным лингвистическим жанром», и каждый лексикограф ищет свои пути разрешения этих сложностей [Шведова 1988: 6]. Словарь не бесстрастен и неизбежно несет на себе отпечаток личности автора [Агафонова 1996: 44], эпохи, духа времени, господствующей идеологии [Караулов 1988; Паламарчук 1988]. Еще один парадокс словарной статьи состоит в том, «что она показывает развивающееся, движущееся явление как стабильное» [Шведова 1988: 10], не может в полной мере отразить гибкий, динамичный характер семантики языковых единиц [Никитин 1983: 23; Лещева 2014: 39]. Любой словарь, по мнению М. Я. Цвиллинга, есть не более чем приближенное отражение объективно

существующего словарного состава языков и имеющихся между ними эквивалентных связей, поскольку сам он создается субъективным творческим актом достаточно ограниченной по сравнению со всем языковым коллективом группы людей, с учетом реально существующих условий времени, средств и иных факторов, соотносимых с характером и интенсивностью соответствующих общественных потребностей [Цит. по: Будыкина 2011: 25].

В своем диссертационном исследовании Е. В. Дзюба последовательно доказывает различия между профессиональной языковой картиной мира (одной из вариаций которой является лексикографическая картина мира) и наивной языковой картиной мира [Дзюба 2015]. Исследователь показывает, что картина мира, зафиксированная в словарях, далеко не всегда является отражением наивной картины мира этноса. По этой причине в работах последних десятилетий ученые-лингвисты все чаще обращаются к большим массивам языковых (а точнее - текстовых) данных – электронным корпусам. Как отмечает Е. Е. Голубкова, «важным способом преодоления ненадежности и недостоверности результатов когнитивно-лингвистических исследований является все более практикуемый с середины 1990-х гг. эмпирический подход с опорой на данные корпусов» [Голубкова 2012: 93], «не покидает ощущение, что граница между когнитивной и компьютерной лингвистикой давно стерта, - настолько естественной частью когнитивных исследований стали корпусный анализ и статистическая обработка данных» [Голубкова 2015: 51-52].

Однако традиционный подход к сбору языкового материала (на основе лексикографических источников) продолжает использоваться во многих современных исследованиях, поскольку «на первых этапах лингвистических изысканий основой предположений и изысканий по-прежнему является словарь», «корпус задействуется исследователями на этапе верификации теории или на этапе сбора примеров и статистических данных» [Голубкова 2014: 74]. Специалисты признают, что словарные и корпусные данные качественно различаются и являются взаимодополняющими при изучении языковых феноменов [Kettemann, König, Marko 2003: 135].

Мы приняли решение на втором этапе работы подключить к исследованию электронные лингвистические корпуса русского и английского языков. В соответствии с современными представлениями, лингвистический корпус – это большой, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения лингвистических задач [Захаров 2005: 4-5]. Опора на корпуса дает возможность получить принципиально новую информацию о том, как устроен язык и как он функционирует. По справедливому замечанию В. А. Плунгяна, «лингвистика корпусов позволяет нам понять, каков язык на самом деле, а не каким мы хотим, чтобы он был» [Плунгян: эл.ресурс].

Корпус – это «уменьшенная модель языка или подязыка» [Захаров 2005: 5], поэтому достоверность данных, полученных на его основе, определяется его репрезентативностью. Одним из критериев репрезентативности корпуса является его объем. По современным требованиям универсальный языковой корпус должен состоять из текстов общим объемом не менее 100 млн слов (о репрезентативном объеме корпуса см., напр., [Nelson 2010; Reppen 2010]). Кроме того, в корпусе различные фрагменты речевой действительности должны быть представлены пропорционально их представленности в языке [Nelson 2010: 60; Богоявленская 2016:163; Ганиева 2007:105], «относительная частота явления в корпусе должна быть близка его относительной частоте в проблемной области» [Баранов 2014: 247]. Поэтому важна тщательная выборка текстов при составлении корпуса.

По характеру отбора текстов различают два типа корпусов:

- общезыковые корпуса;
- корпуса, относящиеся к какому-либо подязыку, в терминологии У. Э. Френсиса – сознательно смещенные корпуса [Фрэнсис 1983: 334] (тексты определенного жанра, стиля, язык определенной социальной группы, «учебный корпус» и др.).

Корпуса второго типа создаются для отражения какого-либо культурного или лингвистического феномена. Примерами таких корпусов в русском языке могут служить Корпус русских публицистических текстов второй половины XIX века,

Электронная библиотека русских народных говоров, Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов, подкорпуса Национального корпуса русского языка: Корпус поэтических текстов, Газетный корпус (корпус современных СМИ), Корпус устной речи и др. Для английского языка это Medical Web Corpus (база интернет-текстов медицинской направленности), British Law Reports Corpus (база юридической документации), Brexit Corpus (база текстов на тему выхода Великобритании из состава Евросоюза) и др.

Задачам нашего исследования отвечает общеязыковой (универсальный) корпус. Большинство крупных языков мира имеет свои национальные корпуса.

Для решения различных лингвистических задач необходимо, чтобы тексты содержали в себе дополнительную информацию, или разметку (аннотацию). Наличие разметки определяет широту исследовательских возможностей, предоставляемых корпусом. Так, текстам приписываются экстралингвистические метки: сведения об авторе, год и место издания, жанр, тематика, тип текста. Большую ценность для ученых представляет также собственно лингвистическая разметка, содержащая информацию о лексических, грамматических и прочих характеристиках слов в текстах. Большинство крупных корпусов содержат морфологическую разметку, включающую информацию о частеречной принадлежности слова и его грамматических категориях. Благодаря наличию морфологической разметки мы смогли выбрать для рассмотрения только существительные, номинирующие лиц по труду. Особенно облегчила работу разметка в английском языке, где распространен такой способ словообразования как конверсия, что приводит к наличию большого числа омонимичных форм у различных частей речи (напр., сущ. *advocate* – адвокат, гл. *advocate* – выступать в поддержку; сущ. *butcher* – мясник, гл. *butcher* – забивать скот). Помимо морфологической, выделяют также синтаксическую и семантическую разметку. Безусловно, ввиду значительного объема массива текстов, лингвистическая разметка осуществляется автоматически.

Однако при всем многообразии существующих сегодня типов аннотации исследование метафорической системы языка не может опираться на размеченные

корпуса, поскольку «концептуальное отображение не привязано ни к какой лингвистической форме» [Stefanowitsch 2006: 2]. О сложностях идентификации метафор в корпусах см., напр., [Charteris-Black 2004; Deignan 2005; Хахалова, Третьякова 2014]. Семантическая разметка многомиллионных корпусных словоупотреблений не представляется возможной. Существует ряд работ, предлагающих параметры для автоматической аннотации метафор и облегчения поиска переносных употреблений в корпусе (см., напр., [Бадрызлова, Керимов, Шехтман 2013; Deignan 2005, 2006; Sardinha 2011; Stefanowitsch 2006; Steen и др. 2010]). Однако такая разметка пока не реализована ни в одном общезыковом корпусе. Идентифицировать метафору, которая относится не столько к сфере формы, сколько к сфере мышления человека, пока может только исследователь, поэтому работа по отбору метафорических употреблений существительных трудовой деятельности проводилась нами вручную.

Исследования метафор на базе корпусов текстов широко распространены в современной лингвистике (см., напр., [Баранов 2014; Баранов и др. 2004; Бардовская 2013; Будаев 2010б; Allan 2006; Charteris-Black 2004; Chun 2002; Deignan 2005; Stefanowitsch 2006]).

Одним из наиболее известных корпусов английского языка является Британский национальный корпус / British National Corpus (BNC), насчитывающий около 100 млн словоупотреблений. На сайте Национального корпуса русского языка этот корпус назван «общепризнанным образцом», на который «ориентированы многие другие современные корпуса». BNC является представительным и включает устные и письменные тексты британского варианта английского языка. Основной объем BNC представлен текстами за период с 1980 по 1993 гг. Поскольку цель нашего исследования – изучение метафорики на современном этапе развития языка, база BNC не подходит нам в качестве источника языкового материала.

Еще одним авторитетным корпусом английского языка является Оксфордский корпус английского языка / Oxford English Corpus (OEC), используемый создателями Оксфордского словаря английского языка (Oxford English Dictionary) и специалистами Издательства Оксфордского университета (Oxford University Press) в

лингвистических исследованиях. Объем корпуса составляет более 2,5 млрд словоупотреблений из различных вариантов английского языка: британского, американского, австралийского, канадского и пр. Функция сортировки дает возможность проводить работу только с одной или несколькими разновидностями языка. ОЕС состоит из массива текстов различной стилистической и жанровой принадлежности, созданных в XXI веке, а поэтому наилучшим образом отвечает нашим требованиям.

По количеству корпусов и по их объему русский язык современно уступает английскому языку, а поэтому возможности выбора не столь велики, как хотелось бы. Наиболее авторитетным универсальным корпусом русского языка является Национальный корпус русского языка (НКРЯ), объем которого в настоящее время составляет более 600 млн слов. Тексты, входящие в НКРЯ, датируются серединой XVIII – началом XXI века. НКРЯ, как сказано на официальном сайте корпуса, «характеризуется представительностью, или сбалансированным составом текстов. Это означает, что корпус содержит по возможности все типы письменных и устных текстов, представленные в данном языке (художественные разных жанров, публицистические, учебные, научные, деловые, разговорные, диалектные и т.п.), и что все эти тексты входят в корпус по возможности пропорционально их доле в языке соответствующего периода».

Поскольку мы исследуем современное состояние языка и выбранные для исследования корпусы – ОЕС и НКРЯ - охватывают разные хронологические промежутки, в область изучения включены только такие тексты из НКРЯ, которые соответствуют материалу ОЕС, т.е. были опубликованы с 2000 года по настоящее время.

Отметим, что и при лексикографическом, и при корпусном исследовании мы сознательно обращались только к материалам собственно английских (британских) источников, и исключали тексты, ориентированные на другие варианты английского языка. Поэтому в ОЕС нас интересовал только массив текстов, созданных носителями британского варианта английского языка.

В процессе анализа мы руководствовались рядом стратегий, которые позволили представить объективную картину функционирования метафор трудовой деятельности в двух языках.

Необходимо было решить, какое количество вхождений лексемы в корпус окажется репрезентативным для изучения метафорики, поскольку репрезентативность выборки определяет достоверность полученных результатов. Репрезентативный объем выборки позволяет выявить метафоры с низкой частотой, а также определить, является ли рассматриваемое метафорическое значение типичным для языка или индивидуально-авторским. Логично предположить, что разные метафоры имеют разную частоту употребления, поэтому в каждом отдельном случае достаточным для исследования окажется разный объем выборки. На наш взгляд, правильнее исходить не из фиксированного количества вхождений лексемы в корпус, а из количества встретившихся метафорических употреблений данной лексемы. Как правило, достаточным мы считали массив текстов, где встретилось от 7 до 15 метафорических употреблений существительного со значением трудовой деятельности. Если при изучении 1000 и более словоупотреблений, зафиксированных корпусом, не удавалось обнаружить метафорических значений, то мы считали, что единица практически не используется в метафорическом значении, что, впрочем, не исключает возможности ее окказионального использования в том или ином контексте.

Важным аспектом корпусного изучения метафоризации существительных трудовой деятельности стало для нас рассмотрение не только тех существительных, которые имеют метафорические вторичные значения, отраженные в лексикографических источниках, но также тех номинаций, у которых в словаре не зафиксированы метафорические лексико-семантические варианты. Такой подход позволяет выявить различия между метафорической системой языка, представленной в словарях, и данными о метафоризации указанных существительных, полученными при изучении корпусных материалов. При выборе существительных для анализа мы руководствовались списком, составленным в начале работы на основе сплошной выборки из словарей.

Необходимо еще раз отметить, что мы понимаем метафору широко, поэтому включаем в исследование не только словоупотребления, имеющие формальные признаки метафоры, но также сравнительные конструкции, устойчивые сочетания.

На основе анализа корпусного материала для русского и английского языков были составлены таблицы метафор трудовой деятельности, в которые вошли лексемы, отобранные в ходе работы со словарями, а также лексемы, обнаруженные в корпусах. В данных таблицах содержится информация о том, насколько метафорическое значение, обнаруженное при анализе материалов корпуса, соответствует лексикографическим данным. Для каждой лексемы указан процент метафорических употреблений относительно общего числа вхождений данной лексемы в корпус. Таблица №14.1, составленная для русского языка, содержит 213 метафор, Таблица №14.2, включающая англоязычные единицы, – 165 метафор. Описанные таблицы приведены в Приложении 2.

Когда мы сопоставили эти таблицы с теми, которые были составлены на основе материалов лексикографии, то оказалось, что учет данных корпусов позволил добавить 25 русских существительных трудовой деятельности к списку таких существительных, ранее выявленных на основе анализа словаря Т. Ф. Ефремовой. К числу русских существительных, метафорические значения которых обнаружены в корпусе, относятся, например, следующие: *архитектор, жандарм, надзиратель, режиссер, санитар*.

При сопоставлении списков английских существительных трудовой деятельности, выявленных на основе словарей и корпусов, выяснилось, что учет данных корпусов позволил добавить 15 английских существительных трудовой деятельности к списку таких существительных, ранее выявленных на основе анализа словаря. К числу английских существительных, метафорические значения которых обнаружены в корпусе относятся, например, такие номинации, как: *alchemist (алхимик), bodyguard (телохранитель), courier (курьер), gardener (садовник), jester (шут)*.

Не менее важным для нас стало определение группы существительных трудовой деятельности, которые ранее были обнаружены в толковом словаре

русского языка, но не были зафиксированы во вторичных значениях при анализе национального корпуса русского языка (32 имени существительных). К их числу относятся, например, такие номинации: *буффон*, *врач*, *лоскутник*, *самовластитель*, *скорописец*.

При обращении к корпусу английского языка не нашли подтверждения данные о возможностях метафоризации ряда существительных трудовой деятельности, которые ранее были включены в список на основе данных толкового словаря английского языка (19 имен существительных). К их числу относятся, например, следующие лексемы: *barber* (*цирюльник*), *burgomaster* (*бургомистр*), *designer* (*дизайнер*), *postman* (*почтальон*), *priest* (*священник*).

Итак, материалом для исследования в последующих разделах настоящей главы стали 213 имен русских существительных, которые были выделены на основе исследования материалов толкового словаря (188 существительных) и материалов НКРЯ (25 существительных); 165 имен английских существительных, выделенных на основе толкового словаря (150 существительных) и ОЕС (15 существительных).

3.2. Методика и результаты сопоставления закономерностей метафоризации существительных со значением субъекта трудовой деятельности на основе материалов русского и английского корпусов

Начальным этапом нашего исследования стало выявление имен существительных со значением трудовой деятельности, для которых наиболее характерно метафорическое использование. Для пояснения нашей методики обратимся к русскому существительному *кукловод*, которое изначально имело значение «актер кукольного театра, управляющий куклами при помощи тростей, нитей и т.п.». Однако в современных текстах названное существительное используется преимущественно в новом метафорическом значении, которое словарь формулирует следующим образом: «тот, кто руководит чьими-л. действиями». Названному значению полностью соответствуют следующие словоупотребления,

отраженные в корпусе: ...начиная с конца 80-х годов Заир стал потихоньку оттирать **американских кукловодов** и прибирать к рукам контроль за распределением сырьевых ресурсов; Подполковник КГБ или **его кукловоды** дело знают. Вместе с тем в современных текстах эпизодически встречается и использование существительного *кукловод* в исторически первичном значении. Ср.: Я долго смотрел, как **кукловоды** выбирали нужных персонажей, подносили их к белому полотнищу, произносили за них диалоги, пели. Поскольку предмет нашего исследования – принципы формирования метафорических значений, то мы посчитали возможным не указывать конкретные источники и авторов приводимых в качестве примеров высказываний.

Подобное встречается и в британских текстах. Например, существительное *torchbearer* (*факельщик*) исторически, согласно словарю, имело значение «тот, кто несет факел», но со временем в связи с изменяющимися условиями жизни, данная лексема развила новое, метафорическое значение, использующееся в подавляющем большинстве случаев: «тот, кто ведет за собой либо вдохновляет». Второму названному значению соответствуют текстовые употребления: *Many torch-bearers of human rights and social activists paid the price of fearlessly treading the path of political justice with their lives* (*Многие факельщики прав человека и социальные активисты заплатили своими жизнями за то, что бесстрашно прокладывали дорогу политической справедливости*); *But they are wrong to believe he was a torch-bearer of post-existentialist philosophy* (*Они ошибаются, что полагают, будто он был факельщиком пост-экзистенциальной философии*). Однако по-прежнему встречаем современные употребления в исходном значении: *The silver medalist at the Atlanta Games four years ago was the final torch-bearer entrusted with lighting the Olympic cauldron* (*Серебряный медалист игр в Атланте четыре года назад был завершающим факелоносцем, которому доверили зажечь олимпийский огонь*).

Следующая таблица содержит сведения о частотности метафорического употребления в корпусе русских и английских имен существительных со значением трудовой деятельности.

Табл. № 7. Существительные трудовой деятельности с высокой долей метафорических употреблений

Русск. язык	Метафоры (в % от общего числа словоупотреблений)	Англ. язык	Метафоры (в % от общего числа словоупотреблений)
богатырь	42,3	advocate (адвокат)	89,3
бонза	97,2	alchemist (алхимик)	37,5
борец	92,2	apostle (апостол)	36,7
вакханка	39,5	apparatchik (аппаратчик)	50,0
ведьма	19,4	arbiter (арбитр)	30,8
властелин	52,0	axeman (лесоруб)	34,0
вождь	75,9	boffin (исследователь)	60,0
волшебник	26,2	buffoon (буффон)	70,0
гастролер	27,7	busman (водитель автобуса)	63,3
глашатай	33,7	captain (капитан)	29,0
деспот	58,3	clown (клоун)	24,4
живодер	46,4	contortionist (человек-змея)	30,0
жнец	60,0	cowboy (ковбой)	19,3
закоперщик	100,0	crusader (крестоносец)	65,0
запевала	37,0	demagogue (демагог)	63,0
застрельщик	96,7	fabulist (баснописец)	21,3
затворник	50,0	fishwife (торговка рыбой)	21,7
извозчик	20,4	gatekeeper (привратник)	91,7
инквизитор	22,2	gladiator (гладиатор)	17,9
искатель	65,6	gold-digger (золотоискатель)	95,0
канцелярист	27,5	harbinger (вестник)	98,0
капуцин	22,9	hatter (шляпник)	48,0
кондотьер	41,9	henchman (оруженосец)	97,0
коновал	84,2	herald (глашатай)	30,0
корифей	100,0	huckster (мелочной торговец)	75,3
кудесник	42,7	juggler (жонглер)	23,0
кукловод	88,0	king (король)	30,0
лазутчик	20,2	knave (прислужник)	60,0
лакировщик	52,9	lackey (лакей)	60,0
лапотник	39,6	magician (маг)	23,8
легионер	27,6	monarch (монарх)	20,9
лирик	63,6	peddler (торговец вразнос)	18,3
лицедей	19,4	prophet (пророк)	27,0
лоцман	22,8	puppeteer (кукловод)	36,7
мастер	30,0	queen (королева)	70,0
матадор	19,1	scavenger (уборщик улиц)	87,5
монашка	23,5	servant (слуга)	58,0
наймит	71,0	shepherd (пастух)	20,7
оруженосец	42,9	showman (шоумен)	38,3

паж	32,1	slave-driver (погонщик рабов)	70,0
паладин	51,6	sower (сеятель)	66,7
палач	32,0	tailor (портной)	46,7
панегирист	80,0	torchbearer (факельщик)	85,0
паяц	63,0	trouper (опытный актер)	28,3
поденщик	31,4	wizard (волшебник)	45,0
прислужник	19,4		
пророк	20,0		
рулевой	47,8		
рыцарь	27,4		
сатрап	74,4		
сеятель	81,6		
сказочник	25,0		
скоморох	27,1		
следопыт	23,5		
слуга	27,5		
служитель	33,3		
статист	52,8		
стрелец	24,8		
талмудист	31,3		
творец	54,1		
трубадур	27,1		
трубочист	26,6		
тряпичник	40,0		
фигляр	100,0		
флагман	79,6		
фокусник	35,0		
чародей	20,9		
чернорабочий	24,4		
чудодей	37,5		
штамповщик	20,0		
шут	29,4		
шутиха	64,9		
эквилибрист	32,4		

Как показывает таблица, чаще других в качестве метафор употребляются номинации-историзмы и номинации-архаизмы (напр., *глашатай*, *извозчик*, *скоморох*, *alchemist* – *алхимик*, *lackey* – *лакей*, *slave-driver* – *погонщик рабов*), лексемы, описывающие деятельность, почти вытесненную современным производством (напр., *жнец*, *следопыт*, *axeman* – *лесоруб*, *hatter* – *шляпник*), существительные, обозначающие трудовую деятельность в иностранных государствах (напр., *легионер*,

наж, cowboy – ковбой, gladiator – гладиатор). Безусловно, это объясняется тем, что подобные номинации все реже используются в своем первичном значении в связи с нехарактерностью соответствующей трудовой деятельности для современных условий или же в связи с появлением новой номинации. Отметим, однако, что изменение условий и характера трудовой деятельности, как правило, не препятствует использованию соответствующих существительных в метафорических значениях. В своем первичном значении такие существительные используются, как правило, при описании жизни в других странах и предыдущих эпох в исторических текстах, художественной литературе.

Любопытно, что частоту метафорических употреблений 1:5 (одна метафора на 5 вхождений единицы в корпус) и выше имеют именно номинации устаревших или устаревающих, иностранных, непопулярных трудовых занятий, поэтому порог в 20% был взят за основу при отборе лексем с высокой частотой метафоризации для Таблицы №7. Высокий процент метафор в корпусе (от 20%) имеют 73 имени существительных в русском языке и 45 имен существительных в английском, что составляет 34,3% и 27,3% от всех номинаций, формирующих метафоры, соответственно.

Безусловно, на высокую частотность метафорических употреблений лексемы в корпусе влияет не только ее широкое использование в переносном значении, но также относительно редкое использование в первичном значении. Так, высокая популярность певческой, актерской деятельности, постоянный интерес общества к сфере строительства, образования, медицины, спорта приводит к созданию значительного объема текстов, где номинации соответствующих видов деятельности употреблены в прямом значении. По этой причине метафорические значения соответствующих существительных, несмотря на активное их использование носителями языка, составляют относительно небольшую долю в общем числе языковых употреблений (напр., *певец* 10%, *строитель* 6,5%, *учитель* 8,5%, *санитар* 8,9%, *actor – актер* 3,1%, *architect – архитектор* 6%, *doctor – врач* 2,4%, *sportsman – спортсмен* 1%).

Лексемы, номинирующие деятельность, которая не вызывает большого общественного интереса, напротив, реже встречаются в текстах в своем прямом значении, поэтому процент метафорических употреблений в таких случаях оказывается высок (напр., *запевала, эквилибрист, juggler – жонглер, puppeteer – кукловод*).

Доля метафор возрастает, если лексема входит в состав устойчивых сочетаний, в том числе прецедентных выражений. Например:

«физики и лирики»: *В те годы спор между **физиками и лириками** ещё даже не начинался. Физики, создавшие атомную и водородную бомбу, главенствовали безраздельно.*

«ваш покорный слуга»: *В Доме кино **вашим покорным слугам** улыбнулась удача, и мы встретили среди остальной празднующейся публики нескольких настоящих кинематографистов.*

«tailor-made»: *We may be able to provide industry with genetically altered canola plants **tailor-made** to tolerate freezing temperatures.* - Мы сможем создать генетически модифицированный рапс, идеально подходящий (букв. **сшитый портным**) для низких температур.

«busman's holiday»: *Ambulance driver Harold Smith ended up **on a busman 's holiday** when he treated crash victims shortly after landing in Malta.* – Водитель машины скорой помощи Гарольд Смит выполнял профессиональные обязанности даже в отпуске (букв. **имел выходной водителя автобуса**), когда помог спасти жертв аварии сразу после своего приземления на Мальте.

В отдельных случаях доля метафор превышает 50% от общего числа вхождений лексемы в корпус, т.е. обнаруживается тенденция к вытеснению исходного значения переносным. Как показывают наши материалы, 12,2% из рассматриваемых лексем в русском языке и 12,1% в английском чаще используются в переносном значении, нежели в прямом. Несколько номинаций трудовой деятельности в современных текстах русского языка вообще не встретились в прямом значении, то есть функционируют исключительно как метафоры: *закоперщик, корифей, фигляр* («*Не слишком ли снисходительно решили они судьбу **закоперщика** злодеяния, совершенного к тому же при отягчающих обстоятельствах?*»); «*Академик Владимир Елиферьевич Накоряков — ученый с мировым именем, **корифей в теплофизике***»; «*Разочарованный, успокаивал себя, что я по задаткам **не фигляр из самодеятельности, а серьезный артист***»). В

английском языке доля метафорических употреблений некоторых лексем стремится к 100%, например: *gold-digger, harbinger, henchman* («*Being a gold-digger at heart, she soon dumps him for his rich daddy* – Будучи в душе **золотоискательницей**, она скоро бросила его ради его богатого папочки»; «*We see this project as a bright harbinger of the future of dense infill housing* – Этот проект видится нам ярким предвестником (букв. **гонцом**) **расцвета** уплотнительной застройки»; «*Renault orders him killed and sends two of his henchmen to do the job at the nearest inn* - Рено заказывает его убийство и посылает двух своих приспешников (букв. **пажей**) выполнить работу в ближайшем трактире»). Первичное значение слова становится не востребуемым ввиду отсутствия именуемой деятельности, метафора оказывается нужнее, поскольку отражает более актуальные для носителей языка понятия. Можно предположить, что со временем исторически первичное значение лексемы может быть утрачено.

3.3. Сопоставительный анализ лексикографических и корпусных данных о метафоризации существительных со значением субъекта трудовой деятельности, полученных на материале рассмотрения словарей и корпусов

Сопоставление метафор, отобранных на основе лексикографического материала, и метафор, обнаруженных в языковых корпусах, демонстрирует значительные расхождения между двумя группами данных. Количественные различия отражены в Таблице №8. Необходимо заметить, что процент высчитывался относительно того количества метафор, которые были найдены в словарях.

Табл. №8. Количественные различия словарных и корпусных данных

Параметр	Русск. язык	Англ. язык
1. Значение метафоры в корпусе полностью совпадает с толкованием словаря	57,4% (108 лексем)	56,7% (85 лексем)
2. Значение метафоры в корпусе частично совпадает с толкованием словаря	26,1% (49 лексем)	30,6% (46 лексем)

3. Метафоры, соответствующие толкованию словаря, отсутствуют в корпусе	16,5% (31 лексема)	12,7% (19 лексем)
4. Существительное не имеет метафорических значений в словаре, но используется как метафора в корпусе	13,3% (25 лексем)	10,0% (15 лексем)

Материалы таблицы свидетельствуют о значительном сходстве данных о метафоризации существительных в русском и английском языках. Так, и в русском, и в английском языке преобладающая часть существительных, имеющих метафорические ЛСВ в словарях, зафиксированы корпусом в том же вторичном значении (соответственно 57,4% и 56,7%). Например, согласно данным словаря русского языка *жрец* (в метафорическом значении) – это «тот, кто полностью посвятил себя какой-либо деятельности», в НКРЯ находим употребления, которые полностью соответствуют указанному значению: «*Звезды, жрецы гламура — одиночки, которых характеризует нарциссическая привязанность к себе*». Другой пример: по данным словаря русского языка *проповедник* (в метафорическом значении) – это «тот, кто пропагандирует какие-л. взгляды, чьи-л. идеи, выступает поборником чего-л.». Этому значению полностью соответствует пример из НКРЯ: «*В моей компании **политический проповедник** с Первого канала, зевая, вывихнет челюсть, а отставной военный почувствует себя безродным космополитом*».

В английском языке существительное *fabulist* (*баснописец*) имеет вторичное значение «тот, кто обманывает или искажает действительность». Этому значению полностью соответствует следующий пример из корпуса английского языка ОЕС: *Bialik <...> writes that there are four conditions that allow fabulists within journalism to work undetected* (*Биалик пишет, что есть четыре условия, позволяющих баснописцам от журналистики работать незамеченными*); *chieftain* (*вождь*) – «глава группы людей»: *This has to be discomfiting to the chieftains of the Democratic Party* (*Это должно привести в замешательство **вождей демократической партии***).

Важно отметить, что уподобление кого-/ чего-либо представителю соответствующей профессии может быть выражено как имплицитно (при помощи метафоры), так и эксплицитно – с помощью сравнительной конструкции. В данном случае важно, чтобы в тексте сохранялось основание уподобления, отмеченное в словаре. Показательны следующие пары примеров, в одном из которых имя существительное с исходным значением трудовой деятельности использовано как собственно метафора, а в другом – представлена компаративная конструкция, включающая то же самое имя существительное. По существу, в данных примерах представлены одинаковые смыслы, а различия между ними лишь формальные – в способе выражения:

«Но есть в том немалая также заслуга старательных ювелиров шахматного анализа, которые тщательно шлифуют шахматный алмаз, превращают его в бриллиант» - «Хирург должен быть подобен самому искусному ювелиру, иметь чуткие руки, математический склад ума».

«You are a born diplomat with a well-developed sense of justice (Ты – прирожденный дипломат с хорошо развитым чувством справедливости)» - «But this time, he was very selective. He avoided many questions. He was behaving like a diplomat (Но в этот раз он был очень разборчив. Он избегал многих вопросов. Он вел себя как дипломат)».

В строке 3 Таблицы №8 представлены данные о том, какой процент лексем, имеющих метафорические ЛСВ в словарях, не встречается в этих значениях в корпусах. Данный параметр объединяет несколько вариантов.

Вариант 1. Существительное встречается в корпусе, однако в нем не зафиксированы его метафорические словоупотребления. Например, согласно словарю русского языка, существительное *врач* имеет вторичное значение «кто-либо, кто приносит облегчение, исцеление», а существительное *химик* имеет вторичное значение «тот, кто склонен ко всякого рода махинациям». Однако в проанализированных нами материалах корпуса соответствующие вторичные значения не обнаружены.

В словаре английского языка у существительного *designer* (*дизайнер*) зафиксировано вторичное значение «тот, кто что-то замышляет, разрабатывает хитрые схемы, интриган». В том же словаре у существительного *housewife* (*домохозяйка*) зафиксировано вторичное значение «небольшой швейный набор,

выдаваемый солдатам». Однако в проанализированных нами материалах корпуса английского языка соответствующие вторичные значения не обнаружены: во всех рассмотренных примерах названные существительные используются в своем прямом значении.

Вариант 2. Существительное с первичным значением трудовой деятельности не используется в метафорическом значении, указанном в словаре, но употребляется в других переносных значениях. Например, в словаре русского языка у существительного *жонглер* отмечено переносное значение «тот, кто ловко, но произвольно обращается с фактами, словами и т.п.», но в рассмотренных материалах корпуса русского языка подобные значения слова *жонглер* нами не обнаружены. Вместе с тем в указанном корпусе представлен следующий контекст: *Он взбивает его большой деревянной ложкой в чане, обложенном льдом, и время от времени поднимает в воздух, как жонглер, мешалку с огромным, сияющим на солнце куском мороженого.* В данном случае в метафоре акцентирована значительная физическая сила и ловкость человека, а не зафиксированная словарем способность «ловко, но произвольно» обращаться «с фактами, словами и т.п.».

В толковом словаре русского языка у существительного *монашка* зафиксировано два вторичных значения: первое – «ночная бабочка семейства волнянок с черными полосами и пятнами на крыльях и брюшке, гусеницы которой являются вредителями древесных растений», второе – «курильная свечка, распространяющая при горении ароматный дым». В рассмотренных материалах корпуса русского языка существительное *монашка* в указанных значениях не зафиксировано, но в корпусе представлены контексты, где указанное существительное используется для характеристики скромной женщины. Ср.: *У нас почти все курят тайком. А сами строят из себя монашек; Мужу не нравятся короткие юбочки, а жена не хочет ходить как монашка.*

Подобные случаи наблюдаются и при анализе материалов английского языка. В корпусе английского языка лексема *gladiator* (*гладдиатор*) часто называет очень сильного, мощного, выносливого, выдающегося человека, но не встречается в словарном значении «тот, кто поддерживает идею, дело и публично борется за это»:

Man Utd and the other gladiators of the European championship (Манчестер Юнайтед и другие гладиаторы европейского чемпионата).

В словаре английского языка вторичное значение существительного *sculptor* (*скульптор*) сформулировано следующим образом: «созвездие южного полушария неба». Подобное значение не встретилось в рассмотренных нами материалах корпуса ОЕС. Однако в указанных материалах содержатся контексты, где указанное существительное обозначает того, кто старательно, со вкусом создает что-либо прекрасное: *It remains <...> a gripping mood piece from one of the greatest living sculptors of sound (Это остается захватывающим дух творением одного из величайших ныне живущих скульпторов звука).*

Необходимо заметить, однако, что несмотря на отсутствие некоторых значений в корпусе, они входят в семантический потенциал слова, будут понятны носителю языка и легко могут быть образованы под влиянием семантики слов других частей речей. Например, под влиянием семантики глаголов *жонглировать* (1. Искусно и ловко подбрасывать и ловить одновременно несколько предметов. 2. *перен.* Ловко, но произвольно обращаться с фактами, словами и т.п.), *лечить* (1. Заниматься лечением (обычно средствами народной медицины). 2. *перен.* Исцелять, облегчать душевные страдания, приносить освобождение от чего-л. неприятного, тяжелого и т.п.) существительные *жонглер* и *врач* могут быть использованы в словарных метафорических значениях: «тот, кто ловко, но произвольно обращается с фактами, словами и т.п.» и «кто-либо, кто приносит облегчение, исцеление».

Отсутствие в корпусе большого количества номинативных метафор, называющих представителей животного, растительного мира, объекты неживой природы, артефакты и пр., не является свидетельством их отсутствия в языке, а лишь выступает доказательством их невостребованности в повседневной речи.

Вариант 3. Существительное со значением трудовой деятельности, включенное в словарь, вообще не представлено в корпусе. Как правило, это номинации устаревших или устаревающих занятий. Их отсутствие в современных корпусных текстах свидетельствует о том, что данные существительные выходят из употребления. В частности, в словаре Т. Ф. Ефремовой представлены следующие

словарные статьи на многозначные имена существительные, которые отсутствуют в НКРЯ:

лоскутник – 1. а. Тот, кто собирает лоскутья для продажи; тряпичник. б. Тот, кто торгует лоскутьями. 2. *перен.* Тот, кто одет в ветхую, изодранную одежду; оборванец, нищий;

скорописец – 1. Писец, переписчик, обладающий навыком писать скорописью. 2. *перен.* Плохой писатель, пишущий быстро и много.

Аналогичные факты обнаруживаются и при сопоставлении толкового словаря Collins и корпуса английского языка ОЕС. Следующие имена существительные не имеют словарных употреблений:

balladmonger (продавец баллад) - 1. тот, кто продает баллады, особенно в авторитетных газетах. 2. автор бездарной поэзии;

gigman (извозчик на двуколке) – 1. тот, кто управляет двуколкой. 2. филистер.

Вариант 4. Существительное со значением трудовой деятельности, включенное в словарь, зафиксировано корпусом и даже может иметь метафорические употребления, однако количество вхождений этого существительного в корпус современных текстов настолько мало, что не позволяет объективно судить о возможностях его метафоризации. В данном случае речь также идет об обозначениях устаревших трудовых занятий. Рассмотрим следующие примеры:

буффон – «1. Актер, играющий комические роли в опереттах и водевилях; шут, паяц. 2. *перен. устар.* Тот, кто грубо шутит, насмехается над кем-л.». Лексема имеет только 4 вхождения в корпус, среди которых 1 метафора;

чаровник – «*устар.* 1. Волшебник, колдун. 2. *перен.* Обаятельный человек». Существительное имеет 3 употребления в корпусе, одно из которых – метафора;

horse – trader (торговец лошадьми) – «1. Тот, кто покупает и продает лошадей. 2. Тот, кто уверенно и результативно проводит переговоры». Встречаем лишь 5 употреблений в корпусе и 1 метафору;

ditch-digger (канавокопатель) – «1. Тот, кто нанят, чтобы копать канавы. 2. Тот, кто выполняет очень тяжелую физическую работу». Лексема имеет 1 метафору из 8 употреблений в современных текстах.

Представляется, что такое количество примеров не позволяет делать объективные выводы о закономерностях метафоризации рассматриваемых имен существительных.

Важно заметить, что не прослеживается никакой регулярной зависимости между наличием помет *устар./archaic* у словарных значений и количеством употреблений данного значения в корпусе или частоты его использования относительно других значений. Так, многие из тех лексем, которые вообще не встретились в современных текстах или встретились в малом количестве, не помечены как устаревшие ни в одном из своих словарных значений (ср.: *канительщик, надувальщик, gigman – извозчик на двуколке, lion-hunter – охотник на львов*). В некоторых случаях, помета *устар.* сопровождает первичное значение слова и отсутствует у метафорического значения, однако по частоте употребления в корпусе первичное значение существенно превосходит метафоры. Например:

комедиант – 1) *устар.* актер, позднее - исполнитель ролей в балаганных представлениях (в Российском государстве XVI-XVII вв.). 2) *перен.* притворщик, лицемер. (доля метафор – 10,3%)

fishwife – 1. *archaic* a woman who sells fish. 2. a coarse scolding woman. (1. *устар.* женщина, торгующая рыбой. 2. грубая, сварливая женщина) (доля метафор – 21,7%)

Иное соотношение обнаруживается при анализе имени существительного *паж*. Здесь вторичное значение («*перен. устар.* мужчина, преданно ухаживающий за женщиной»), хоть и отмеченное как устаревшее, оказывается очень частотным: доля метафор – 32,1%.

Часть словарных статей все же совпадает с корпусными данными (5 из 29 случаев употребления пометы *устар.* в русском языке и 5 из 9 случаев в английском): устаревшие значения употребляются реже других или вышли из употребления.

Кроме того, устаревшее первичное значение может быть указано не на первом месте в словарной статье, что отражает реальное вытеснение исторически первого значения производным. Однако стоит отметить, что словарь английского языка Collins оказывается точнее в отражении ситуаций преобладания переносного значения над первичным.

Анализ материалов национального корпуса русского языка позволил выделить следующие 25 имен существительных трудовой деятельности, которые чаще употребляются не в прямом значении, а в метафорическом: *бонза, борец, властелин, вождь, деспот, жнец, закоперщик, застрельщик, затворник, искатель, коновал, корифей, кукловод, лакировщик, лирик, наймит, паладин, панегирист, паяц, сатрап, сеятель, статист, творец, фигляр, флагман, шутиха*. Однако в словаре Т. Ф. Ефремовой только у двух из перечисленных существительных трудовой деятельности метафорическое значение указано на первом месте (*вождь, коновал*). Показательно, что первичное значение указано в словаре первым даже в тех случаях, когда в корпусе соответствующее существительное (*закоперщик, корифей, фигляр*) функционирует исключительно как метафора.

В словаре Collins порядок значений в словарных толкованиях соответствуют данным корпуса почти в половине случаев (9 из 20), и, как правило, это номинации с очень высокой долей метафорических употреблений в корпусе. Ср.:

huckster (*мелочной торговец*) (75,3% метафорических употреблений) – 1. тот, кто использует агрессивные или сомнительные методы торговли. 2. продавец мелочей или фруктов на улице;

knave (*мужчина-слуга*) (60% метафорических употреблений) – 1. *устар.* нечестный человек, жулик. 2. *устар.* слуга мужского пола;

lackey (*лакей*) (60% метафорических употреблений) – 1. подхалим, прихлебатель. 2. ливрейный слуга, камердинер. 3. человек, с которым обращаются, как с прислугой.

Интересно, что часто в корпусе отсутствуют или имеют низкий процент употреблений номинативные словарные метафоры, т.е. переносные значения существительных трудовой деятельности, используемые для первичной номинации животных, растений, артефактов, болезней и пр. Так, 41,7% номинативных метафорических значений в русском языке и 43,6% в английском не встречаются в корпусе (напр., «птица» у *адъютант*, «циркуль» у *балерина*, «грибковая инфекция на ногах» у *athlete – атлет*, «рыба» у *schoolmaster – школьный учитель*), остальные имеют низкое количество употреблений, используются реже других метафорических

значений этой же лексемы, если таковые имеются (напр., значение «рыба» у лексемы *лоцман* употребляется гораздо реже образной метафоры «тот, кто сопровождает, указывает путь»; номинация *queen* – *королева* в значении «женщина или предмет, персонифицированный как женщина, считающиеся лучшими или наиболее важными в своем роде» используется носителями языка значительно чаще, чем в значении «шахматная фигура»). Такие номинативные метафоры имеют узкую сферу применения, поэтому характеризуются низкой частотой использования в объеме корпуса. Исключение составляют только названия популярных пород собак (напр., *боксер*, *водолаз*, *German shepherd* – (букв. *немецкий пастух*) *немецкая овчарка*) и нескольких других распространенных предметов и явлений (напр., *дворники* в значении «устройство для механической очистки стекол автомашины от грязи, влаги и т.п.», *Archer* – *Стрелец* в значении «знак зодиака»). Следовательно, корпусный материал показал, что носители языка значительно чаще используют образные метафоры существительных трудовой деятельности, поскольку они имеют более широкую сферу применения в сравнении с номинативными метафорами.

Таким образом, анализ функционирования метафоры трудовой деятельности на базе корпусного материала показывает, что наиболее востребованным является перенос в семантическую сферу «Человек», в подавляющем большинстве случаев исследуемые нами метафоры используются для характеристики человека и социальных отношений.

Отдельно стоит сказать о тех случаях, когда номинация лица по труду имеет в словаре несколько метафорических ЛСВ, часть из которых встречается в корпусе, другая – нет. Например, *сторож* употребляется в корпусе только в метафорическом значении «тот, кто, оберегая, наблюдает за кем-л., чем-л» и не встречается в значении «приспособление для того, чтобы молоко при кипении не переливалось через край», а номинация *queen* (*королева*) встречается во всех словарных значениях, кроме значений «шахматная фигура» и «взрослая кошка».

Строка 4 в Таблице №8 показывает, насколько увеличивается количество существительных трудовой деятельности, образующих метафоры, если учитывать не

только материалы словарей, но и материалы корпусов. Количественное приращение составило 12,9% в русском языке и 10,4% в английском.

Приведем несколько примеров имен русских существительных трудовой деятельности, метафорические значения которых не зафиксированы в словаре, но представлены в корпусе: *архитектор* – «творец, создатель», *надзиратель* – «тот, кто строго, сурово контролирует что-либо», *сказочник* – «обманщик, фантазер». Примерами из английского языка могут служить следующие существительные: *courier* (*курьер*) – «проводник, носитель», *missionary* (*миссионер*) – «тот, кто предан каким-либо новым идеям и занимается их распространением», *preacher* (*проповедник*) – «тот, кто распространяет какие-либо взгляды, пропагандирует».

Помимо обогащения нашего исследования новыми номинациями, использование материала корпусов позволяет существенно уточнить зафиксированную словарями семантическую структуру многих существительных трудовой деятельности.

Строка 3 в Таблице №8 показывает, что структура значения существенного числа (26,1% в русском и 30,6% в английском языке) номинаций трудовой деятельности, имеющих метафоры согласно словарным данным, корректируется в процессе работы с корпусами. Изменения могут быть нескольких типов: словарное метафорическое значение уточняется под влиянием корпусных данных, в структуре значения слова появляются новые метафоры, в текстах обнаружено новое устойчивое выражение с участием данной лексемы. Причем мы сочли необходимым разделить новые значения на те, где аналогия с работником имплицитна (метафоры), и те, где уподобление выражено эксплицитно, с помощью сравнительной конструкции (сравнения).

Таблица №9 показывает, каким образом изучение корпусных употреблений уточняет и корректирует словарные значения отобранных лексем и какой процент лексем подвержен этим изменениям. Одна лексема может иметь сразу несколько изменений в структуре значения.

Табл. №9. Возможные изменения в структуре словарного значения лексемы под влиянием корпусных данных

Тип изменения	Русск. язык, %	Англ. язык, %
1. Уточнение имеющегося значения	3,2	1,9
2. Новая метафора	11,6	8,4
3. Новое сравнение	12,6	14,9
4. Новое устойчивое выражение	6,8	2,6

В некоторых случаях значение, в котором метафора функционирует в корпусе, несколько отличается от того, которое указано в словаре. Так, метафора может использоваться в более широком значении, чем говорит словник. Например, в словаре Т. Ф. Ефремовой метафорическое значение лексемы *трубадур* – «тот, кто воспевает, прославляет что-л., посвящая свое творчество какой-л. определенной теме», однако в примерах из корпуса метафора используется не только в отношении творческих личностей: *...один из трубадуrow новой механики Э. Кондон попытался рассчитать в рамках квантовой теории скорость частицы v или её пролётное время; ...допускаем возможность избрания в государственные органы трубадуrow невежества, социальных демагогов*. Поэтому мы полагаем, что более корректным будет следующий расширенный вариант значения: «тот, кто своими действиями, творчеством воспевает, прославляет что-л.».

Согласно словарю Collins, *juggler* (жонглер) – «тот, кто манипулирует данными, фактами с целью обмана», но для описания значения метафор, встретившихся в корпусе, скорее, подходит более широкое толкование «тот, кто ловко управляет с чем-либо»: *Echenoz is that inimitable stripe of literary juggler who shows us a wholly different way of thinking about ourselves and our predicament, a juggler of verbal knives* (Эшноз – неподражаемый пример литературного жонглера, который дает нам абсолютно иначе взглянуть на себя и трудности, жонглер вербальными ножами); *Bismarck has been described by historians as a political juggler who could keep swinging half a dozen balls in his hands simultaneously* (Историки описывали Бисмарка как политического жонглера, который мог одновременно управлять полдюжиной мячей).

Информация, полученная в корпусе, может уточнять, дополнять словарные толкования. К примеру, переносное значение лексемы *батрак* «наемный работник» после изучения корпусных употреблений дополняется новыми компонентами ‘много работающий’, ‘работающий без творческой инициативы’, ‘тот, с чьим мнением не считаются, к кому относятся презрительно’: *Какой писатель остановит свой выбор на этом ставшем классическим имени-отчестве? Никто и никогда! Мало, что ли, других женских имен? А если пишет литературный батрак, раб?; В лучшем случае батраки [о бригадах молдован и таджиков] работают за еду. В худшем — остаются должны.*

Согласно словарному толкованию, номинация *courtier* (*придворный*) в переносном значении характеризует «того, кто угодничает с целью получить расположение». В корпусе данная метафора встречается именно в таком значении, однако описывает не любого заискивающего человека, а только того, кто входит в окружение глав государств или пытается угождать политикам: *Some obsequious, self-serving, obedient courtiers in the media have given her the longest honeymoon in the country's political history* ([о недавно избранном премьер-министре Новой Зеландии] *Подобострастные, своекорыстные, послушные придворные в СМИ подарили ей самый долгий период спокойствия в политической истории страны*); *And all the while Yeltsin, alternately indecisive and headstrong, cultivated competing clans of courtiers, each with its own commercial interests* (*Тем временем Ельцин, то нерешительный, то авторитарный, вырастил противоборствующие кланы придворных, каждый со своими коммерческими интересами*).

Особый интерес представляет изучение новых метафор и сравнений, не упомянутых в словаре, но встречающихся в корпусе. Они обогащают наши знания о картине мира носителей языка, способах мышления, стереотипах, связанных с представителями различной трудовой деятельности.

Новые метафорические значения, обнаруженные в корпусах, качественно не отличаются от словарных. Перенос по-прежнему направлен преимущественно в семантическую сферу «Человек» (см. Глава 2), доминирует перенос на основании типичных действий и функций, выполняемых работником, например:

звездочет – ирон. тот, кто занимается прогнозированием, аналитикой: *Вместе с тем грибничество <...> обеспечивает человеку автономность существования, сводит до минимума его зависимость от наших кремлевских звездочетов и недотеп; Группа независимых звездочетов* — любителей «капусты» из инвестиционной компании «Денег нет» по заказу правительства составила секретную аналитическую записку;

кузнец – трудолюбивый создатель чего-либо: *На чудо надеяться не хочу, и хочется все-таки быть кузнецом своего счастья; Именно самоотверженным кузнецам очарования предназначается уникальный проект “Библиотека салона красоты”;*

contortionist (человек-змея, акробат) – тот, кто творит сложные, невообразимые вещи с музыкой, психикой, лицом и пр.: *Paul Kaye's acting could be described as liquid: he is an impressive facial contortionist* (букв. *Игру Пола Кэя можно сравнить с жидкостью: он – впечатляющий акробат лица*); *Welcome to the world of Michael Santos - Psychic contortionist! Visionary! <...> Your mind is his playground* (*Добро пожаловать в мир Майкла Сантоса – Психологический акробат! Провидец! <...> Ваше сознание – его игровая площадка*);

enchanter (чародей) – тот, кто совершает нечто удивительное, необычное, очаровывает: *Meetings are led by a popular ringleader, usually the president or vice president of the corporation. These successful company enchanters are defined by their expertise with patting backs, shaking hands and telling tales* (*Совещания ведет вожак, обычно президент или вице-президент корпорации. Этим успешных чародеев компании отличает умение похлопывать по спинам, жать руки и рассказывать басни*); *Rushdie is an enchanter with words* (*Рушди – чародей слов*).

Функциональное подобие нередко в одной и той же метафоре оказывается неразрывно связано с уподоблением на основе качеств, необходимых работнику для выполнения той или иной трудовой деятельности. Например, в метафоре существительного *борец* уподобление строится на основе действия ‘ведение борьбы’ и черты характера ‘стойкость’, получаем значение «тот, кого невозможно сломить, кто готов бороться до конца»: «**Я — не борец...** У меня была схема, я привыкла жить по схеме: школа, институт, семья».

В метафорическом значении английского существительного *gendarme* (*жандарм*) перенос происходит на основании типичного действия работника ‘осуществление контроля, надзора’ и присущих ему профессиональных качеств ‘строгость, жесткость’ – «тот, кто жестко контролирует, ведет военный контроль; строгий человек»: *During the Cold War years, the USA looked upon the state of Israel as*

its gendarme in the Middle East (В годы Холодной войны США смотрели на Израиль как на своего жандарма на Ближнем Востоке); He was, of course, married. But Madame Koenig <...> was a bit of a gendarme (Он, конечно, был женат. Но мадам Кёниг <...> была немного жандармом).

В отдельных случаях метафорический перенос основан исключительно на реальных или приписываемых качествах работника. Например,

трубадур – романтический поклонник: «Он прислал мне объяснение в стихах. Стихи были чудовищно бездарны. Любовь к поэзии одолела во мне порыв к любви плотской. Когда я, путаясь в оправданиях, что-то проямлила **моему госстроевскому трубадуру**, он произнес скорбно и гордо: – А ведь я рисковал ради Вас жизнью»;

gladiator (гладиатор) – очень мощный, сильный, выносливый человек: «*Tiger has a tremendous amount of talent. He's a gladiator. He's the most talented player and he's a very hard worker* ([об игроке в гольф] У Тайгера невероятное количество таланта. **Он – гладиатор**. Он – самый талантливый игрок и много работает)».

Встретились в корпусе и новые метафоры семантических сфер-мишеней «Флора» и «Фауна», преимущественно называющие породы и виды животных и растений. Причем в русском языке таких метафор больше. Видимо, это связано с тем, что в словаре Т. Ф. Ефремовой такие значения отражены в меньшей степени, чем в словаре Collins. В качестве примеров можно привести следующие метафоры:

кардинал – вид ската: «*Красота-а, надо сказать, предстала мне неопишная: рыбки-медузы плавают, висеают, шевелятся, **скат-кардинал** промахал капюшоном*»;

nurse (медсестра) - дерево или агрокультура, которая служит защитой, ограждением для других растений: «*In an organic situation, this **nurse crop** helps eliminate weed pressure on the slowly germinating hay* (В случае органического земледелия эта **культура-медсестра** помогает снизить натиск сорняков на прорастающий стебель)».

Сравнения, в основе которых лежит уподобление работнику по признакам, не затронутым в словарном толковании, в большинстве случаев относятся к одной из следующих групп:

1) сравнение строится по той же аналогии, что и привнесенная корпусом метафора. То есть вместе с метафорой, не зафиксированной в словнике, в корпусе встречается сравнение, метафорический смысл в котором развивается по той же модели. Как правило, отношения сходства между двумя сущностями в данном

случае построены на подобии действий, функций. Приведем примеры как с метафорой, так и с параллельным ему сравнением:

1.1. *Рядом кошачий цирк, где **лохматые акробаты** ползают по шестам вниз головой.* – 1.2 *...она с ловкостью акробата шныряла между бесконечно длинными рядами пресс-центра;*

2.1. *В ситуации свободного капитализма финансовые институты **играют роль привратников**, которые оберегают покой богатых.* – 2.2. *Сами клетки получили название замыкающих клеток устьиц. Они **похожи на двух «привратников»**, которые поставлены для того, чтобы открывать и закрывать «ворота» (т. е. устьичную щель);*

3.1. *The cast members of Remnants are **contortionists**, transforming instantaneously as they tackle multiple roles within the play (Актеры «Оставленных» - **акробаты**, способные мгновенно трансформироваться, входя в многочисленные роли в процессе игры).* – 3.2. *That's when he realized how confusing the table's organization was <...>. He looked **like a contortionist** trying to point to different elements in different places (Именно тогда он понял, насколько запутанно был организован стол <...>. Он **походил на акробата**, пытаясь указывать на разные элементы в разных местах);*

4.1. *Walters is one of the best **jugglers in the business** today, but this time she has too many balls in the air at one time (Уолтерс – одна из лучших **жонглеров в бизнесе** сегодня, но на этот раз у нее слишком много мячей в воздухе).* – 4.2. *He has a gift for throwing ideas in the air and keeping them moving, **like a juggler**, while sustaining a monologue (Он умеет талантливо бросать идеи в воздух и заставлять их двигаться, **как жонглер**, одновременно ведя монолог).*

2) сравнение не имеет параллельной метафоры, то есть выражает уникальное значение. В подавляющем большинстве случаев перенос строится на сходстве внешних атрибутов, черт характера. Такие сравнения в количественном отношении значительно превосходят сравнения первой группы. Так, грация, изящество, красота, легкость балерины лежат в основе многочисленных сравнений, например: «**Стройная, как балерина на пенсии, в неизменном сером костюме, с неизменно сверкающими белоснежными манжетами, она выглядела на пятьдесят, но на самом деле ее возраст приближался к семидесяти**», «Ну вы молодцы! **точно балерина будет длинноногая, все мальчишки будут ваши**». Представление об изощренной жестокости инквизитора рождает следующие употребления: «**Перчатка на левой руке, где нет мизинца, и взгляд инквизитора, от которого бросает в дрожь. В конце урока он встает и смотрит на нас**», «**Хосе терзал несчастный брусок, словно инквизитор нераскаянного еретика**». Уподобление кого-либо

монашке (nun) основано на представлении о скромности женщин, принявших постриг: «*You girlfriends wear skirts smaller than band-aids. I look like a nun next to them* (Твои девушки носят юбки, которые уже бинтов. Я выгляжу как монашка рядом с ними)», «*I am now two years on the transplant list. I'm like a nun at this stage-I don't drink and I don't smoke* (Я уже два года стою в очереди на трансплантацию. Я сейчас как монашка: не пью, не курю)». Солдатская выправка, собранность, сосредоточенность на конкретной цели лежат в основе сравнений с лексемой *soldier* (солдат): «*Mom sat up straight, like a soldier on guard* (Мама сидела прямо, словно солдат на посту)», «*We entered Forever 21, and she was like a soldier on a mission. She roamed the whole store looking for the newest trend* (Мы зашли в “Forever 21”, и она действовала, как солдат на задании. Она обошла весь магазин в поисках последних трендов)».

Помимо того, что благодаря изучению корпусных текстов корректируются имеющиеся метафорические значения номинаций трудовой деятельности и добавляются новые, также выявляются не зафиксированные в словарях устойчивые выражения, содержащие в себе номинации лиц по трудовым занятиям. В НКРЯ новых устойчивых выражений встретилось больше (см. Таблица №9), это, по всей видимости, объясняется тем, что фразеологизмы представлены в словаре Т. Ф. Ефремовой не так широко, как в словаре Collins. Устойчивые сочетания часто используются для описания семантической сферы «Человек». Например: *жандарм в юбке* – «строгая, привыкшая командовать женщина» («*Еще не хватало, чтобы приехал папа и застал вместо мамы какого-то жандарма в юбке*»), *armchair general* (букв. кресельный генерал) – «тот, кто считает себя экспертом в военных вопросах, хотя сам не имеет военного опыта» («*He's frustrated when armchair generals or members of his own team express doubts about the country's military strategy* (Он раздражается, когда кресельные генералы или члены его собственной команды выражают сомнения относительно военной политики страны)»).

В русском языке встретившиеся в корпусе фразеологизмы нередко представляют собой пословицы и поговорки в полной или усеченной форме: «*Функции этих органов переплетаются, накладываются одна на другую, а*

происходит то, что хорошо выражено известной поговоркой: у семи нянек дитя без глазу», «Как известно, сапожник всегда без сапог. Для жены у Стивакова времени на репетицию всё не находилось», «Молодежь, честно сказать, не слишком приятная. Не то чтобы агрессивная гопота — и на том уже большое спасибо! — но видно, что без царя в голове, с основательно сбитыми жизненными ориентирами».

Как было отмечено в начале данной главы, при изучении корпусов нас интересовало не только функционирование словарных метафор, но и выявление новых, не зафиксированных в словаре лексем, образующих метафоры. Такие номинации отражены в Таблице №10.

Табл. №10. Существительные трудовой деятельности, употребляющиеся как метафоры в корпусах, но не имеющие метафорических ЛСВ в словарях

Русск. язык	Доля употреблений, %	Англ. язык	Доля употреблений, %
алхимик	12,3	alchemist	37,5
архитектор	0,1	ballerina	1,5
баскетболист	3,5	bodybuilder	0,7
воин	1,6	bodyguard	1,3
гимнаст	10,7	courier	6,7
дирижер	9,7	dancer	0,1
жандарм	9,0	director	0,1
жнец	60,0	gardener	0,1
извозчик	20,4	geisha	1,3
каскадер	4,8	headmaster	0,9
коммерсант	10,6	missionary	5,0
манекенщица	5,5	preacher	1,5
надзиратель	3,5	puppeteer	36,7
пахарь	10,6	sower	66,7
пианист	5,6		
полицейский	5,0		
режиссер	0,5		
ростовщик	3,0		
санитар	8,9		
трубочист	26,6		
тюремщик	15,1		
учительница	2,0		
флагман	79,6		
фото модель	18,7		

За счет новых лексем список метафор увеличивается на 13,3% в русском языке и 10% в английском (см. Таблица №8). Новые лексемы представляют собой

номинации из различных тематических групп, причем нет существенного количественного перевеса в пользу какой-то ТГ: «Хозяйственная и экономическая деятельность» (*извозчик, трубочист, gardener – садовник, sower – сеятель*), «Искусство и творчество» (*дирижер, фотомодель, ballerina – балерина, puppeteer – кукловод*), «Наука и ее практическое применение» (*санитар, учительница, alchemist – алхимик, headmaster – директор школы*), «Спорт и туризм» (*баскетболист, гимнаст, bodybuilder – бодибилдер*), «Религия и культуры» (*missionary – миссионер, preacher – проповедник*), «Военная и военизированная сфера деятельности» (*жандарм, тюремщик, bodyguard – телохранитель*).

Можно было бы предположить, что лексемы, отсутствующие в словаре, но обнаруженные в корпусе, обозначают исключительно современные трудовые занятия, распространившиеся в обществе относительно недавно, а поэтому на момент составления словаря они еще не были активны в плане формирования метафор. Однако большинство рассматриваемых имен существительных номинируют вполне традиционную трудовую деятельность (напр., *извозчик, трубочист, тюремщик, учительница, ballerina – балерина, gardener – садовник, headmaster – директор школы, sower – сеятель*).

Более чем в половине случаев метафорическое значение выражено только через сравнение, в остальных случаях – через метафору либо фразеологизм. Иногда метафора имеет параллельное ей сравнение со сходным значением. Как и в случае с метафорами и сравнениями у лексем, зафиксированных в словарях, метафоры и параллельные им сравнения из корпусов преимущественно строятся на функциональном сходстве, сравнения, не имеющие сходных метафор, – на подобии качеств и внешних признаков.

Стоит заметить, что в русском языке метафорические значения рассматриваемых лексем имеют более высокую частотность использования, чем в английском языке. В английском языке более трети переносных значений имеют долю употреблений в корпусе менее 1%. В обоих языках переносные значения, выраженные с помощью сравнения в целом имеют более низкую частоту употреблений, чем те, которые реализованы в метафорах. Отсутствие описываемых

метафорических значений в словарных толкованиях обусловлено тем, что бóльшая их часть в корпусе реализуется только в сравнительных конструкциях или имеет низкий процент употребления.

В то же время некоторые из метафор, обнаруженных в корпусе, имеют высокую частотность использования и могут быть включены в словарь. Например:

дирижер – «тот, кто руководит каким-либо действием»: *Леонид Гайдай, являясь дирижером всего действия, невероятно слаженно смог соединить в одно целое все три новеллы; ...у дирижера праздника одна функция: направлять ход действия по сценарному пути;*

флагман – «тот, кто стоит во главе, на передовой»: *Впрочем, Красноярский край сейчас боится не столько выходцев с юга, сколько собственных флагманов индустрии; Флагманом паралимпийского движения у себя на родине стал 17-летний подросток, который в начале 2012 года даже не умел плавать;*

alchemist (алхимик) – «творец, создатель, соединяющий воедино разрозненные, разноплановые элементы»: *Singer, composer, arranger, piano player and sonic alchemist, Ray Charles combined jazz, country, gospel and blues to create soul music itself (Певец, композитор, аранжировщик, пианист и алхимик звука, Рей Чарльз соединил джаз, кантри, госпел и блюз и создал музыку соул); ...good writers, being largely unknown in Hollywood, will be cheaper than the unimaginative alchemists who chuck together the stock blockbuster ingredients according to the same exhausted formula (...хорошие писатели, в большинстве своем неизвестные в Голливуде, обойдутся дешевле, чем бесталанные алхимики, соединяющие вместе заезженные элементы из блокбастеров по избитой схеме);*

courier (курьер) – «проводник, носитель»: *There is very little evidence for face-to-face interaction between Hugh of Saint-Cher and Juliana - surprising since he and the Dominican order were the main couriers of her idea (Существует очень мало доказательств того, что Хью из Сент-Шера и Джулиана встречались лично, что удивительно, ведь он и Доминиканский орден были главными курьерами ее идей); MTV markets itself as being the couriers of new music greatness (MTV позиционирует себя на рынке как курьер нового музыкального величия).*

В целом проведенный сопоставительный анализ метафоризации русских и английских существительных трудовой деятельности, проведенный по материалам толковых словарей и корпусов, позволяет сделать следующие выводы:

– в большинстве случаев (57,4% в русском и 56,7% в английском языке) вторичные значения метафор по данным толкового словаря соответствуют тем, которые обнаруживаются в корпусе;

– учет материалов корпусов во многих случаях позволяет уточнить формулировки метафорических значений, используемые в словарях;

– учет материалов корпусов во многих случаях свидетельствует о целесообразности расширить словарные статьи за счет включения в них новых значений, в том числе тех, которые охарактеризованы в данном разделе.

– как в русском, так и в английском языке встречаются случаи, когда метафоры, соответствующие толкованию словаря, отсутствуют в корпусе (соответственно 16,5% и 12,7%).

Изучение национальных корпусов позволяет скорректировать данные о доле метафор в общем числе существительных с семантикой трудовой деятельности, найденных в языке: из 2812 существительных, называющих человека по его трудовой деятельности, в русском языке 182 лексемы (6,5%) используются в метафорическом значении, в английском языке – 146 имен существительных из 1397 номинаций (10,5%).

Необходимо подчеркнуть, что сравнение словарных и корпусных метафор демонстрирует удивительное сходство русского и английского языков по всем параметрам, представленным в Таблице №8. Такая картина свидетельствует о наличии универсальных языковых процессов и явлений: язык регулярно пополняется новыми значениями, в то время как невостребованные значения уходят из него, в процессе функционирования метафорические значения могут модифицироваться, подстраиваясь под нужды языкового коллектива. Жанр словарной статьи дает возможность охватить большой объем материала и рассмотреть его системные характеристики, однако он не позволяет отразить в толковании всех оттенков значения слова.

3.4. Сопоставительное исследование закономерностей метафорического использования существительных со значением субъекта трудовой деятельности и их использования в составе сравнительных конструкций

В первой главе мы рассматривали широкий подход к метафоре, принятый в когнитивной лингвистике, когда для исследователя важна не форма выражения аналогии (наличие или отсутствие сравнительного союза или иных подобных единиц), а когнитивная операция уподобления сущности одного вида сущности другого вида. Поэтому в сферу исследования когнитивной лингвистики попадают не только собственно метафоры, но и сравнения, когда метафорический смысл выражается специальным грамматическим или лексическим средством (см., напр., [Чудинов 2013: 11-12]).

В ходе изучения функционирования существительных, называющих лиц по трудовой деятельности, было замечено, что языковое сознание прибегает к разным формам выражения аналогии – метафоре или сравнению – в зависимости от выражаемого смысла. Таким образом, метафора и сравнение не могут быть рассмотрены как идентичные явления, различающиеся только формой выражения.

Как было отмечено в предыдущем параграфе, в корпусах русского и английского языков было обнаружено два вида сравнений: те, которые имеют параллельную им метафору со сходным значением, и те, которые существуют самостоятельно, т.е. лексема не формирует метафор с аналогичным смыслом. В сравнениях первого типа отношения подобия построены преимущественно на сходстве функций, типичных трудовых действий, нередко сюда примешиваются также качества, отличающие представителей данной профессии. Сравнения второго типа, как правило, основаны на внешнем сходстве (выражение лица, положение тела, костюм, атрибуты труда), чертах характера, стереотипных представлениях о поведении представителей определенной трудовой деятельности.

Изучая словарные данные, мы пришли к выводу, что метафорический перенос крайне редко основан на стереотипных представлениях о внешности и физиологических особенностях работника. Однако корпусные данные обогатили

наш материал сравнительными конструкциями, которые демонстрируют, что языковое сознание при установлении аналогий достаточно часто опирается на представления о внешних качествах представителей той или иной трудовой деятельности.

Все сравнения, встретившиеся в корпусах, разделены нами на группы в зависимости от основания уподобления, и посчитана их доля в общем числе лексем, имеющих сравнения (см. Таблица №11). Поскольку одна лексема может иметь несколько сравнений с разными основаниями, то сумма значений в таблице превышает 100%.

Табл. №11. Основания уподобления в сравнительных конструкциях

Основание сравнения	Русск. язык, %	Англ. язык, %
1. Функции, типичные действия и качества	35,8	43,6
2. Внешние характеристики, стереотипные черты характера	67,9	60,0

В английском языке абсолютно все сравнения, имеющие параллельные метафоры, вошли в первую группу, во вторую группу – все остальные сравнения. В русском языке исключение составили случаи, когда метафора и параллельное ей сравнение строятся на сходстве внешних черт (*атлет, вакханка, ведьма, гренадер*), они отнесены ко второй группе. Ср.: 1.1. *Если бы он на мне женился, я сделала бы из жизни чудную сказку. Превратилась бы в **вакханку**, богиню и заставила бы поверить в своё перевоплощение.* – 1.2. *Ее низкий голос и вибрировал, как у **вакханки**, – такой не подобает невинной деве;* 2.1. ***Тонкокостная ведьма** из степного захолустья, захомутавшая отставного титулованного спортсмена с внушительным объемом собственности.* – 2.2. *Она была **страшна, как ведьма**, и все дети ее боялись.*

Мы полагаем, что сравнения, основанные на функциональном сходстве, возникают и функционируют благодаря существованию метафор со сходным смыслом. Сравнения, не имеющие метафор-аналогов, в подавляющем большинстве случаев строятся на подобию внешних характеристик.

Это, как нам кажется, связано с тем, что и метафора, и сравнение в своей основе имеют единую когнитивную операцию – установление сходства между сущностями разных видов. Однако метафора затрагивает более глубокие уровни сходства, сравнение же чаще работает на поверхности, с набором наших представлений о характеристиках представителей различных трудовых областей. Приведем несколько примеров:

*«Если ты профессор в своей области, то он в своей — как минимум **академик**» - «Так-то она учится на дому, и **память у нее как у академика**»;*

*«— Кто взорвать хотел? — Капитонов совсем сбит с толку. — Да такие же шутники вроде вас. — Такие же **фокусники**, — добавляет второй, и оба они почему-то смеются» - «Уловив в моем взгляде сомнение, дама, **как заправский фокусник**, одним движением вытащила из портфеля еще один документ»;*

*«January is a great month for me to show off my limited talents in the kitchen. I am the **queen of soups and stews** (Январь для меня – отличный месяц, когда я могу продемонстрировать свои ограниченные кулинарные таланты. Я – **королева супов и рагу**)» – «He met his French wife, Paula, during World War II and brought her home to America to **live like a queen** in the New York suburbs (Он встретил свою жену-француженку Паулу во время Второй мировой войны и привез ее в Америку, где она **жила, как королева**, в пригороде Нью-Йорка)»;*

*«When she nurses an injured gorilla back to health, the big hairy creature becomes her loyal **bodyguard** (Она выхаживает раненую гориллу, и большое мохнатое существо становится ее преданным **телохранителем**)» - «He looks more like a **bodyguard** than a Hollywood star (Он **больше похож на телохранителя**, чем на звезду Голливуда)».*

Но сравнение, ни в коем случае, не является одномерным. Оно, как и метафора, оживляет в сознании целые картины, включает весь набор наших представлений о том или ином работнике. Например, когда мы сравниваем кого-либо с жонглером, даже если основание сходства ‘ловкий’ выражено эксплицитно, мы не имеем в виду просто ловкого человека, это необычайно ловкий человек, и внешне кажется, что это качество дается ему очень легко, что вызывает восхищение. Сравнение с трубочистом означает не просто грязного человека, но грязного с головы до ног, что в то же время не вызывает яростного негодования или раздражения, а в некоторых случаях – даже умиление. Только весь комплекс знаний и представлений позволяет понять сравнение полностью.

Сравнения, бесспорно, обогащают наши представления о картине мира носителей языка, организации мышления, о тех качествах представителей различных профессий, которые сознание носителей выделяет как наиболее релевантные. Поэтому их изучение в рамках изучения метафорической системы языка представляется вполне обоснованным. Анализ сравнений помогает ответить на вопрос, какими представляются носителю типичные представители той или иной трудовой деятельности. Например:

баскетболист – очень высокий человек («*Все мы смотрим ей вслед, не замечая идущих с ней двух других пассажиров — молодого дрожащего парня с рыжей бородкой и длиннющего, словно баскетболист, юношу с бледным лицом...*»);

извозчик – грубый, необразованный человек, склонный к пьянству («*Я матерился, как извозчик, и в лицо кричал такие вещи, которые пьяный не станет говорить!*»);

манекеница – стройная девушка с красивой походкой («*Между тем через два месяца после родов Клаша стала **выглядеть, как манекеница** с обложки парижского “Вога”*»);

пахарь – трудолюбивый, честный человек («*Друзья мои при всех изломах судьбы остались **добросовестными пахарями**, их золотые головы в Минске оценили по достоинству*»);

пианист – человек с утонченными, изящными пальцами («*Островой протянул руку для приветствия: ладонь его оказалась удручающе вялой, но в **длиннющих, будто у пианиста, пальцах** Коломнин угадал прячущуюся силу*»);

учительница – строгая, правильная, скромная женщина («*По вторникам возил Фриду в парикмахерскую, откуда она выходила с аккуратно уложенными седыми локонами, **строгая и правильная, как учительница***»);

geisha (гейша) – женщина с семенящим шагом, скользящей походкой («*...since I will barely be able to move my overly-developed muscles, **I’ll slide like a geisha** through the streets of Manhattan with tiny little steps (...поскольку я смогу с трудом передвигать свои перекачанные мышцы, я буду **скользить, как гейша**, по улицам Манхеттена маленькими шажками)*»);

headmaster (директор школы) – строгий, бдительный человек («*As Smith wanders the stage **like a vigilant headmaster**, the rest of the band look miserable throughout (Пока Смит ходит по сцене **как бдительный директор школы**, остальная часть группы выглядят очень несчастными)*»);

monarch (монарх) – очень важный человек, наделенный безграничной властью и живущий роскошно, без ограничений («*In an age of the supposed classless society, there are still those who can buy a piece of Scotland and **live like a monarch** (Во времена, когда мы, якобы, живем в бесклассовом обществе, все равно есть те, кто может купить часть Шотландии и **жить, как монарх**)*»);

monk (монах) – человек, ведущий аскетичный, уединенный образ жизни («*I live simply enough. I mean, n't to say that I live like a monk - I live in a nice house* (Я живу достаточно просто. Я не имею ввиду, что живу, как монах, - я живу в хорошем доме)»);

preacher (проповедник) – тот, кто склонен поучать, давать наставления («*Sorry, I didn't mean to come on like a preacher or something. It's just something I really care about* (Прости, я не хотел нападать на тебя, как проповедник. Просто для меня это очень важная тема)»);

sailor (морьяк) – грубый человек, склонный устраивать длительные кутежи («*Everyone looks nice and has money, but they all use crude language like drunken sailors, even when at public social events* (Все выглядят прилично и имеют деньги, но все они используют бранную речь, как пьяные моряки, даже на публичных мероприятиях)»).

Важно отметить, что в сравнительных конструкциях, как и в метафорах, используют существительные, восходящие к тем трудовым областям, которые по тем или иным причинам наиболее значимы для данного языкового коллектива, поэтому в русском и английском языках состав лексем различается. Возможно поэтому, в корпусе русского языка мы не встретили в составе сравнений имен существительных, аналогичных английским обозначением профессий *missionary* (миссионер), *preacher* (проповедник), *sailor* (морьяк), которые являются компонентами сравнительных конструкций в английском. Соответственно в английском языке корпусе мы не встретили сравнений с использованием существительных аналогов русских слов *воин*, *жнец* и *пахарь*. Однако основная масса номинаций в рассматриваемых языках соответствует сходным трудовым областям либо совпадает, что еще раз свидетельствует об универсальном характере рассматриваемых аналогий, поскольку сфера трудовой деятельности является одной из базовых, основополагающих в жизни любого коллектива.

3.5. Оценочный характер антропоцентрической метафоры трудовой деятельности

Исследование корпусных употреблений метафор трудовой деятельности, описывающих семантическую сферу «Человек», демонстрирует, что характерной

особенностью таких метафор является тенденция к оценочности. На этот факт обращает внимание Л. В. Балашова в монографии «История русской метафоры» [Балашова 2011: 337]. Как правило, оценка не входит в денотативное значение существительных, именующих человека по трудовой деятельности, поэтому при формировании оценочных метафорических производных характер оценки строится на прагматическом компоненте производящего значения.

На основе корпусных данных мы выделили в русском и английском языках переносные значения, используемые для описания человека (231 и 179 значений соответственно). На основании анализа контекста метафорических употреблений мы разделили указанные значения на три группы: метафоры, не содержащие оценочного компонента, метафоры с положительной оценкой, метафоры с отрицательной оценкой. Количественное распределение значений по группам отражено в Таблице № 13.

Табл. №12. Тип оценки при метафорическом переносе в семантическую сферу «Человек»

Тип оценки	Русск. язык, %	Англ. язык, %
Без оценки	23,8	35,2
Положительная	22,5	21,8
Отрицательная	53,7	43,0

Нередко разные метафорические значения одной и той же лексики могут иметь различный тип оценки. Например, *артист (1)* - «тот, кто, обладая высоким мастерством в каком-л. деле, виртуозно выполняет свою работу» включает мелиоративный оценочный компонент, что подтверждается также примерами из корпуса: *Шеф-повар нашего ресторана – настоящий артист в прямом смысле этого слова, приготовит для Вас изысканные закуски, супы, горячие блюда и десерты.* С другой стороны, встречаем употребления с негативной оценкой, в которых реализовано значение *артист (2)* – «тот, кто, искусно притворяясь, скрывает истинные чувства, настроение, отношение к кому-л., чему-л.». Например: *Население, хоть и выбрало бывшего коммуниста, все-таки не клюнуло на игру политических артистов, справедливо усматривая фальшь в игре обоих.*

В английском языке лексема *preacher* (проповедник) имеет два метафорических значения, одно из которых не содержит оценочного компонента,

другое – окрашено отрицательно. Значение *preacher* (1) – «тот, кто распространяет какие-либо взгляды, пропагандирует что-либо» реализовано в следующем примере: *Mommy, family and traveling blogger, hard worker, perfectionist, fondant maker, love and tolerance preacher* (Мама, автор блога о семье и путешествиях, труженица, перфекционист, **проповедник любви и терпимости**). Значение *preacher* (2) – «тот, кто имеет наставляющую манеру общения, склонность поучать других, говорит монотонно» встретилось в следующем примере: *Clinton sounded like a preacher who'd given the same sermon one too many times. He's on automatic pilot* (Клинтон **звучал как проповедник, который проводил одну и ту же службу слишком много раз. Он на автопилоте**).

Данные, приведенные в таблице, показывают, что бóльшая часть метафор в обоих языках являются оценочными. То есть очень часто, прибегая к метафорам трудовой деятельности для обозначения человека, носитель языка стремится дать оценку именуемым качествам. Причем около половины метафор окрашены негативно, что подтверждает общую тенденцию к преобладанию отрицательно окрашенных оценочных единиц в языках мира (см., напр., [Hwang, Matsumoto 2016; Гусева 2008]). Человеческое сознание склонно членить отрицательный опыт более мелко, чем положительный, поскольку последний воспринимается как норма [Mehl, Pennebaker 2003: 863; Графова 1991: 67]. Изучая антропоцентрическую языковую метафору в русском языке, Г. Н. Складарская делает вывод о существенном перевесе в сторону метафор с пейоративной оценкой [Складарская 1993: 103].

Несмотря на то, что тенденция к оценочности антропоцентрических метафор присутствует в обоих языках, доля оценочных метафор в русском языке существенно выше, чем в английском, причем в основном за счет отрицательно окрашенных единиц. Причины подобных расхождений кроются, на наш взгляд, в культурных различиях между носителями рассматриваемых языков.

Одним из параметров, предложенных Г. Хофстеде для сопоставления культур, является *индекс стремления избежать неопределенности* (*uncertainty avoidance index*). Стремление избежать неопределенности определяется степенью терпимости общества к неопределенным и неустойчивым ситуациям. В культурах,

где стремление избежать неопределенности велико, люди пытаются минимизировать вероятность непредсказуемых, нестандартных и неизвестных ситуаций с помощью строгих законов и правил, а также веры в абсолютную истину. В культурах с низким стремлением избежать неопределенности люди спокойно воспринимают неопределенность, более терпимы и толерантны. Люди в странах первого типа более эмоциональны и тревожны, в странах второго типа – более флегматичны и не склонны выражать эмоции открыто. Кроме того, результаты исследований показали, что в обществах первого типа население ощущает себя менее счастливым, чем в обществах противоположного типа [Hofstede, Hofstede, Minkov 2010: 196-197, 204]. В классификации культур, разработанной Г. Хофстеде, где страны даны в порядке уменьшения стремления избежать неопределенности, Россия имеет индекс 95 и занимает 7 место, т.е. является страной с высоким уровнем тревожности. Великобритания имеет индекс 35 (место 68-69 из 76). Таким образом, русскую культуру отличает большая эмоциональность и негативный взгляд на окружающую действительность.

В лингвистических исследованиях также неоднократно отмечалась склонность русских к пессимизму и употреблению отрицания [Виссон 2005: 49-66; Ларина 2013: 95-110]. Русские склонны делать акцент на негативных качествах, выражать отрицательные суждения прямо и категорично.

Лингвист и специалист по межкультурной коммуникации Ричард Льюис разделяет мировые культуры на три типа: линейно-активные, мультиактивные и реактивные [Lewis 2006]. Согласно Р. Льюису, Великобритания относится к культурам, где преобладает линейно-активный тип, России – к культурам мультиактивного типа. В линейно-активных культурах люди ориентированы на достижение конечной цели, их отличает последовательность и действие строго в соответствии с планом. Говорят они преимущественно ради того, чтобы передать информацию, оперируют фактами и цифрами. Они прямолинейны, стараются руководствоваться логикой и держат эмоции под контролем. В культурах мультиактивного типа люди разговорчивы, эмоциональны, импульсивны, они делают несколько дел одновременно, не придерживаются строго плана, действуют,

исходя из сложившейся ситуации. Представители таких культур ориентированы на человека, ценят отношения, приятны в общении и высказывают свое мнение.

На наш взгляд, именно описанные культурные различия обусловили разницу в составе оценочных антропоцентрических метафор трудовой деятельности в русском и английском языке. Повышенная эмоциональность и пессимизм, свойственные русской культуре, выражаются в большом количестве метафорических значений с негативной оценкой.

3.6. Регулярные модели метафоры трудовой деятельности в русском и английском языках

Анализ метафор трудовой деятельности, зафиксированных в словарях и выявленных в корпусах, показал, что при формировании переносов наблюдается тенденция к образованию достаточно четко прослеживаемых моделей, в основе которых лежит определенный способ восприятия и концептуализации мира, свойственный представителям рассматриваемых культур. Выявленные метафорические модели могут быть характерны как для обоих языков, так и являться специфическими для русского или английского языка.

3.6.1. Созидательная трудовая деятельность

Как в русском, так и в английском языке преимущественно положительно оценивается созидательная профессиональная деятельность. Как правило, номинации работников, занятых созданием материальных ценностей, сельскохозяйственной, медицинской, преподавательской деятельностью в своих переносных значениях используются для положительной оценки другого лица и объекта. О положительной оценке созидательных видов трудовой деятельности в русском языке подробно пишет Л. В. Балашова в своем исследовании по истории

метафоры [Балашова 2011: 328]. Причем в русском и английском языках номинации данной группы могут различаться в силу исторических и культурных причин.

Так, для русского языка характерна положительная оценка созидательной деятельности, связанной с тяжелым физическим трудом (например, земледелие, строительство, кузнечное дело), что поддерживается традиционными образами. Активность именно этих единиц в плане формирования метафор связана с тем, что исторически значительный процент населения был занят в сфере тяжелого физического труда. Переносное значение лексемы *пахарь* используется для обозначения исключительно положительного человека, трудолюбивого, честного, простого, преданного делу: *Они легко двигались по служебной лестнице там, где честные пахари шли от ступеньки к ступеньке долгими годами; Булгаков начисто лишен генеральского, парадного лоска. Он действительно напоминает обычного работника, «пахаря». Впрочем, он и есть «пахарь» войны.* Метафорические производные лексемы *строитель* используются при характеристике процесса развития, создания чего-либо, описывают как человека, так и природные явления: *Во-вторых, в первое десятилетие советской власти еще сохранялся энтузиазм строителей «нового мира», особенно свойственный творческим натурам; ... многие из них созданы величайшим строителем природы — водой; Белки являются ценнейшими поставщиками натуральных аминокислот — строителей крепких, здоровых волос и ногтей;* чаще всего переносное значение номинации *строитель* употребляется при описании социальных преобразований, причем получающих одобрение общества: *строитель социализма, строитель новой жизни, строитель гражданского общества, великие строители земли Русской* и пр., однако встречаются немногочисленные примеры с пейоративной оценкой рассматриваемой лексемы, где *строитель* – ‘создатель чего-то пагубного’: *Но исправит ли наша исправительная система «заслуженного строителя» финансовых «пирамид», вовсе не факт; Моральный облик строителя брендов — Вы сами много раз говорили, что «брендинг» грязное слово. Кузнец* метафорически также понимается как «трудолюбивый создатель, творец», однако если *строитель* часто связан масштабными, социальными преобразованиями, то *кузнец* имеет отношение к

личной судьбе человека, повседневной жизни отдельных людей: *Человек, конечно, сам кузнец своего счастья, но очень много зависит и от везения; Каждый сам кузнец своего счастья и здоровья; Именно самоотверженным кузнецам очарования предназначается уникальный проект «Библиотека салона красоты».*

Особая любовь англичан к садоводству и многовековая садово-парковая культура в Великобритании обусловили развитие мелиоративной метафоры у лексемы *gardener* (садовник). Метафора именуется того, кто старательно заботится и опекает: *It's vital that you feed your skin with lots and lots of vital nutrients - just like a gardener and her flowerbeds!* (Тебе важно насыщать кожу жизненно важными питательными веществами в большом количестве – подобно садовнику с его клумбами). Даже заботливый и милосердный Создатель уподобляется садовнику: *Thinking of God as a loving shepherd and a caring gardener helped them remember that God would look after them* (Мысли о Боге как о любящем пастухе и заботливом садовнике помогли им вспомнить, что Бог за ними присмотрит). Переносы с положительной оценкой в английском языке формирует лексема *tailor* (портной): устойчивое выражение *tailor-made* (букв. сшитый портным, сшитый на заказ) используется для одобрительной оценки кого- / чего-либо, прекрасно подходящего, предназначенного для какой-либо цели: *Banks play an important role in providing such tailor made contracts to their customers* (Банки играют важную роль в обеспечении клиентов сшитыми на заказ контрактами); *He was tailor-made for the job* (Он был сшит на заказ для этой работы).

С образной системой христианских религиозных текстов связана в обоих языках положительная оценка переносных значений номинации *сеятель/ sower*: *Как-то позвонил нашему редактору Болховитинову Николай Николаевич Семёнов, академик, замечательный учёный, лауреат Нобелевской премии, прелестный человек и активный сеятель на ниве популяризации науки; Только холодно — мерзнут ноги, мерзнет душа — подмерзает «искусство» — которого я являюсь «сеятелем»; ...the true peace-maker, the diligent sower of peace* (...настоящий миротворец, старательный сеятель мира); *Simpson was "a builder and a sower" who contributed to the development of schools, the careers of people who served in them*

(Симпсон был «строителем и сеятелем», который много сделал для развития школ, карьеры людей, работавших в них).

Мелиоративную оценку в обоих языках получает также деятельность, связанная с медицинским лечением, процессом обучения, уходом за детьми, например, *лекарь, врачеватель, санитар, целитель, учитель, doctor (врач), midwife (повивальная бабка), nurse (медсестра), teacher (учитель)*.

Номинации медицинских работников, как правило, используются для обозначения кого- /чего-либо, приносящего облегчение, улучшения: *Лучший лекарь — работа; Люди знали давным-давно, что это природный лекарь: оливковое масло идеально для роста и питания ресниц и бровей; Коренные сибиряки верят, что Байкал — живое существо, волшебник и целитель; Все это делает черную бузину прекрасным целителем; Долго еще мы будем ощущать эту «пустоту», пока Время, этот врачеватель всех горестей не окутает пеленою и эту горькую память...; Центр России остро нуждался в осушительных мелиорациях. Но врачеватели земли в те годы попали под жесткий прессинг псевдоэкологов. Животные и птицы, своим поведением очищающие собственную среду обитания, препятствующие эпидемиям и распространению болезней, метафорически именуется санитарями: «Санитар леса» охотится за слабыми и больными, уничтожая «некачественные» 10% популяции; Эта донная хищная рыба — своеобразный «биологический санитар» рек. Переносное значение лексемы *doctor (врач)* используется для номинации работника, нанятого для улучшения работы или продукта: *Money is wasted on explosions and stunts when it should have been given to a script doctor* (Вместо того, чтобы тратиться на спецэффекты и трюки, следовало отдать деньги на доработку сценария [букв. *врачу сценария*]). Чаще всего переносное значение номинации *doctor* функционирует в составе устойчивого сочетания *spin doctor* (букв. *врач по раскрутке*), которое обозначает PR-специалиста, обеспечивающего подачу информации в СМИ под нужным углом: *Much as I dislike spin doctors, I recognize that they are a necessary evil in today's media world* (Несмотря на сильную неприязнь к специалистам по связям с прессой, я признаю, что они — необходимое зло в современном медиа мире); *And while Camilla has had the benefit of**

excellent spin doctors and a camp of loyal supporters, Wallis had little support in her corner of the ring (В то время, как Камилла имела преимущество в виде отличных **пиарщиков** и лагеря преданных сторонников, Уоллис почти не имела поддержки в своем углу ринга). Метафора существительного *midwife* (повивальная бабка) – тот, кто способствует созданию или развитию чего-либо: *The festival that started out to celebrate the creativity of independent film artists has become <...> the midwife of new Hollywood trends* (Фестиваль, который должен был прославить креативность независимых кино художников, стал **повивальной бабкой новых голливудских трендов**); *Mark DeVoto recounts Copland's encounter with the twentieth century's great guru and musical midwife, Nadia Boulanger* (Марк Девото вспоминает встречу Копланда с гуру и **музыкальной повивальной бабкой** двадцатого столетия – Надей Буланже).

Положительно оценивается забота о детях, что отражается в переносных значениях лексемы *nurse* (медсестра), называющих сельскохозяйственную культуру, которая оберегает, защищает более ценные культуры от неблагоприятных природных явлений: *And I recommend the use of a nurse crop, such as a small grain, to help establish the hay, since the support of herbicides to control early weeds will not be available to you* (И я рекомендую использовать **культуру-медсестру**, например, мелкие зерновые, чтобы помочь стеблям проростков окрепнуть, поскольку вам будут недоступны гербициды, позволяющие контролировать сорняки). Однако стоит заметить, что как в русском, так и в английском языке не получает одобрения чрезмерная опека, которая душит самостоятельность, не дает свободы в принятии решений. Отсюда пейоративный компонент в метафорах лексем *нянька* / *nanny*: *...взрослый, говорит, у вас сынок, мы ему теперь не няньки; Я, в конце концов, ученый, а не нянька, чтоб по сто раз на дню уговаривать; I find the idea of sitting on any big aircraft absolute misery. You're cramped in. You're squeezed in. You have the sky nannies coming along and bullying you* (Я считаю нахождение в большом самолете настоящим мучением. Ты стиснут. Ты сдавлен. И **небесные няньки** приходят периодически над тобой поиздеваться). Отрицательный прагматический компонент в британском варианте английского языка имеет устойчивой выражение *nanny state*

(государство-нянька), называющее государство, чье правительство чрезмерно опекает граждан: *Instead of calling for wider press freedoms, which would be the sensible thing to do, they want **the nanny state** to extend to cyberspace* (Вместо того, чтобы выступить за большую свободу прессы, что было бы разумно, они хотят, чтобы государство-нянька распространило свое влияние в киберпространство).

Метафоры с положительной оценкой образуют лексем, называющие лиц, передающих, распространяющих знания: *Мои **родные** были и остаются моими главными воспитателями, **учителями** и критиками; Ранний успех не учит ничему. **Неудача** — гораздо лучший **учитель**; **Time is a great teacher** (**Время** – великий **учитель**); *In my youth, **mountains** were to me **like a teacher**. When I grew up, I learned a lot from mountains* (В молодости **горы** были для меня **учителями**. Когда я вырос, я многому научился у **гор**); *When trying to educate our children or our fellow human beings we have to go from being key keepers to ambassadors for learning, **spreading the word like the missionaries** with a promise of paradise* (Пытаясь чему-то научить своих детей или других людей, мы должны превратиться из ключевых хранителей в послов знания и **распространять информацию подобно миссионерам**, с обещанием **рая**). В метафорах английского языка миссионеры выступают трудолюбивыми, старательными людьми, полными рвения достичь своей цели: *She has **a missionary's zeal**, at least in her words* (Она полна **рвения миссионера**, по крайней мере на словах).*

3.6.2. Творческая трудовая деятельность

Значительным числом членов в обоих языках представлен перенос из ТГ «Искусство и творчество». На основе лексем данной группы образуются метафорические значения, дающие обобщенную характеристику личности, обладающей творческим потенциалом, талантом, воображением, художественным вкусом и искусно выполняющей свою работу. Переносы, связанные с актуализацией родового признака лиц творческих занятий – ‘творческая натура’, регулярно

содержат мелиоративный прагматический компонент, что доказывает положительное отношение носителей языка к способности человека к творчеству.

Например, метафоры лексемы *артист* / *artiste* называют человека, который обладает высоким мастерством и виртуозно выполняет свою работу: *Марадона — чистый артист, талант от бога, которому дозволено все; To watch an old-fashioned French housewife interrogating a barrow boy about the quality of his produce is to observe an artiste at work* (Смотреть, как старомодная французженка-домохозяйка допрашивает уличного торговца о качестве его товара, - наблюдать за работой артиста). Человека, демонстрирующего в своей работе качества, необходимые в искусстве, художественное чутье и воображение, достигшего высшего мастерства в какой-либо сфере деятельности, в русском и английском языках часто именуют художником / *artist*: *Человек, выращивающий бонсай, — художник и садовник в одном лице; Sound artist Robert Jarvis worked with the children on a project called Europhonix* (Художник звука Роберт Джарвис работал с детьми в проекте под названием Еврофоникс). Переносные значения существительного *поэт* / *poet* положительно оценивают того, кто обладает богатой фантазией, поэтически воспринимает действительность: *...его подарок поразил вас роскошью, изыском и необычностью. С одной стороны, это здорово: значит, ваш любимый — истинный поэт в душе, у него большой творческий потенциал; When the architect poet Cengiz Bektas told the assembled academic community in a 1997 lecture that their campus lacked identity, they responded with alacrity. He was appointed master planner and architect to invest the site with soul* (Когда архитектор-поэт Сенгиз Бектаз сказал на лекции собравшемуся академическому сообществу в 1997 году, что их кампусу не хватает самобытности, они ответили очень живо. Он был назначен главным планировщиком и архитектором, чтобы вдохнуть жизнь в объект).

Метафорические значения лексемы *ювелир* служат для номинации того, кто отличается умением искусно, тщательно и очень точно выполнять свою работу: *Хирург должен быть подобен самому искусному ювелиру, иметь чуткие руки; ...даже Спиноза только ювелир мысли, а Маркс просто был фокусник*. Переносные значения существительного *лирик* характеризуют человека тонкой душевной

организации, чувствительного романтика: *На роль героя-лирика никогда не будет выбран тот же актер, что и в боевик; Он человек жесткий, может, даже жестокий, когда касается дела, но лирик в душе.* В устойчивом сочетании *физики и лирики* вторая лексема описывает людей с гуманитарным складом ума, испытывающих порывы реализовать духовную сторону своей жизни, тягу к прекрасному: *Причем — что немаловажно во времена, когда лирики в загоне, а физики, наоборот, в почете, — можно было строить модель социального мира и изучать его в полном соответствии с самыми строгими научными канонами.* Несмотря на отсутствие соответствующего метафорического значения в словаре, в базе НКРЯ лексема *актер* нередко используется для обозначения того, кто восхищает талантом перевоплощения: *Как настоящий актер, лев изображал, что сердится, хватал меня лапами за ногу; Только тут я понял, какой всё-таки Тузик великий актёр.* Существительное *трубадур* в метафорах характеризует романтического, преданного поклонника: *У Милки тоже были свои проблемы: болтающийся по всему побережью Влад Вертикалов и ее верный трубадур, президент ФИЦ.*

В корпусе ОЕС лексема *sculptor* (*скульптор*) функционирует в значении «тот, кто старательно, с большим вкусом создает нечто прекрасное»: *Richard Meier's design for a house on Lake Michigan in the early 1970s helped bolster his reputation as a sculptor of refined, Modern spaces* (Дизайн дома на озере Мичиган, выполненный Ричардом Мейером в начале 1970-х годов, помог укрепить его репутацию скульптора изысканного, современного пространства); *These inner qualities make everyone a sculptor of his or her own body* (Эти внутренние качества делают каждого скульптором своего собственного тела). Метафоры лексем *showman* (*шоумен*) дают положительную оценку человека, способного эффективно работать с публикой: *One of the things I think that we forget as teachers is, being a teacher is a bit like being a showman* (Я думаю, мы как учителя забываем об одном: быть учителем — значит немного быть шоуменом).

Показательно, что в роли лиц творческих профессий могут выступать природа и высшие сакральные силы. Например: *...желание бродить по миру, созерцать его*

новые и новые ландшафты, восхищаться разнообразием творений **Бога-художника**; Все мы — всего лишь звуки, летящие из-под **пальцев неведомого пианиста**; *The great Sculptor sees in every human being, no matter how rough and irregular, great possibilities* (**Великий Скульптор** видит огромный потенциал в каждом человеке, независимо от того, насколько тот груб или крив). Согласно христианской традиции, второе имя Бога – **Творец / Creator**: Речь идет об изобретательности воистину божественной, о создании нового, ни на что не похожего, о создании из ничего – как **Творец** создавал Вселенную; *In the end evil will be punished and everybody who rebels against the Creator will be judged* (В итоге зло будет наказано, и все, кто восстал против **Творца**, попадут под суд).

Как правило, в метафорах и сравнительных оборотах представители творческих профессий предстают внешне привлекательными, утонченными, изящными. То есть занятие искусством и творчеством ассоциируется не только с прекрасными способностями и талантом, но и внешней привлекательностью. Например, *балерина / ballerina* – о ком- / чем-либо стройном, грациозном, с красивой скользящей походкой»: *...птичка засеменяла прочь, как балерина, вспорхнула с конца ствола и отлетела к озеру; Она вышагивала прямо, как балерина; There was something about the way she moved, the fluent motions like a ballerina practicing to perfect an already flawless number* (Было что-то в ее манере двигаться, **быстрые движения, будто балерина** оттачивала и без того безупречный номер). Переносы со сходным значением обнаруживаем у лексемы *dancer* (танцовщица) в английском языке: *Even when standing, she moved like a dancer, her hips swaying, her arms writhing, as if she was responding to some unheard music* (Даже стоя она **двигалась, как танцовщица**, качала бедрами, заплетала руки, будто в такт какой-то неслышной музыке); *She's so slim and attractive that she looks more like a dancer from a nearby Vegas show than a champion bowler* (Она такая стройная и привлекательная, что больше **похожа на танцовщицу** из шоу в Вегасе, чем на чемпиона по игре в боулинг). В метафорических дериватах существительного *geisha* (гейша) в английском языке положительно оценивается семенящая, скользящая походка японской танцовщицы и певицы: *She had little mincing steps, like a Geisha only Sicilian* (У нее были **мелкие, семенящие**

шаги, как у гейши, только сицилийской). В переносных употреблении номинаций *манекеница, фотомодель* акцент сделан на стройной фигуре и привлекательной внешности представительниц данных занятий, что является необходимым условием их профессиональной деятельности: *Между тем через два месяца после родов Клаша стала **выглядеть, как манекеница** с обложки парижского «Вога»: полтораметровые прямые ноги, маленькая головка, шейка колонной, ленивые, но точные движения; Одна из них, высокая, с головокружительной длины ногами, настоящая красotka, прямо манекеница; Наташа, весьма энергичная особа с **внешностью фотомодели**, нашла свою половину в стенах Текстильной академии; ...требовать, чтобы многодетная мать, занятая на двух работах, **выглядела как фотомодель**.* Анализ метафорических употреблений номинации *поэт* позволяет увидеть, что занятие поэзией в сознании носителей русского языка часто ассоциируется с утонченной, романтической внешностью (*...высокий ясноглазый молодой человек с красивым породистым удлинённым лицом и светлыми волосами назад. Он походил на поэта*), а игра на пианино пробуждает в сознании представление о длинных, изящных пальцах (*Боев растопырил свои тонкие, длинные, как у пианиста, пальцы и медленно, посапывая от напряжения, свел их в кулаки*).

Интересно, что наряду с положительной оценкой творческих занятий, для русского языка характерна негативная оценка деятельности, в которой творческая инициатива отсутствует, предполагается однообразная работа, работа по готовым образцам, по шаблону. Метафоры с пейоративной оценкой развивают, например, лексемы *ремесленник, штамповщик, кустарь, статист, талмудист, канцелярист, батрак*. В метафорах осуждается отсутствие творческой искры, полета фантазии, вдохновения: *...меня возмущает, что **процветают гламуричики и ремесленники, а гениев всех сослали в подвалы, некоторым не то что работать, жить негде!**; Беда России – **ремесленники не вырастают в мастеров, все хотят быстрых денег...** Никто не жаждет красивой работы...; И всемогущую мэрскую жену госпожу Батурину, и **штамповщика голливудских монстров** Зураба Церетели, и вороватую строительную мафию...; Как тонкого ценителя искусства, поездка не порадовала*

*Кондакова – он столкнулся с кустарями, производителями дешёвки убогого художественного уровня, но дала учёному много сведений по иконописному производству. Некоторые переносные значения содержат негативную оценку лиц, чья деятельность лишена инициативы, глубины, ограничена жесткими рамками: **Педагоги-талмудисты** заставляли нас на каждом зачете и экзамене представлять конспекты проштудированных сочинений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина; **И** рассудил: ты пока иди, воюй, а я направлю соответствующий запрос, и законным порядком будешь запрошен и переведен... **Ох, канцелярист, и мышление канцелярское; Перед стартом первенства главный тренер команды Владимир Цимерман заявлял, что его подопечные статистами не будут; ...я выпал в осадок обыкновенным офисным служащим, дешёвым белым воротничком, вольнонаёмным батраком в повседневной костюмной паре.***

Наличие данной модели в русском языке, на наш взгляд, может быть объяснено влиянием культурных стереотипов. Согласно классификации Г. Хофстеде [Hofstede 1991], частично описанной в Главе 2, для русской культуры характерна незначительная горизонтальная дистанция между членами общества. В культурах подобного типа личное пространство незначительно, как следствие – больше свободы в выражении эмоций, поскольку «...выставлять напоказ проявление интимных чувств могут лишь те, которые привыкли жить в тесном коллективе» [Карасик 2002: 112]. Поэтому одними из важнейших ценностей русской культуры исследователи называют коллективность, искренность, эмоциональность, соборность [Вежбицкая 1996: 34, 42-47; Касьянова 2003: 463; Ларина 2013: 71; Прохоров, Стернин 2006: 55-58; Сергеева 2006: 155-159].

В русской культуре особенно ценятся человеческие отношения, их теплота и сердечность, предпочтение отдается разговору по душам – разговору о самом сокровенном [Дементьев, Фенина 2005: 26; Дементьев 2013: 115-131], «когда каждый не только и не столько сообщает правдивую и полезную информацию, сколько открывает свою душу, сердце» [Балашова 2003: 106].

С особой эмоциональностью и душевностью межличностного общения связано выделение слова *душа* в качестве одного из ключевых слов русской

культуры [Richmond 1996: 46; Pesmen 2000; Вежбицкая 2001: 35-38; Левонтина 2012б: 313-322; Леонтович 2003: 118-119; Тер-Минасова 2000: 161-169; Шмелев 2012в: 24]. Оно находится в центре целого ряда фразеологизмов, а также входит в клишированное словосочетание *широта русской души*. Под *широтой* понимают свойственные русскому национальному характеру щедрость, великодушие, размах. Широта души – положительное качество, в то время как мелочность – отрицательное [Михайлова 2005: 143; Шмелев 2012б: 287; Шмелев 2012в: 24]. Духовность высоко оценивается обществом. Для русской языковой картины мира в принципе, как отмечают многие исследователи [Лотман, Успенский 1994; Толстой 1995: 314], характерно противопоставление «внутреннего» и «внешнего», «небесного» и «земного», с выраженным предпочтением первого. Поэтому в русской языковой картине мира не заслуживает одобрения деятельность, выполняемая в пол силы, посредственно, без души и вдохновения.

Английская культура, в отличие от русской, характеризуется значительной горизонтальной дистанцией между членами общества [Hofstede 1991: 148-155; Ларина 2013: 30-33; Майол, Милстед 2001: 13]. В классификации культур в порядке убывания индивидуализма и нарастания коллективизма, составленной Г. Хофстеде, Великобритания занимает третье место после США и Австралии, и таким образом, является ярким примером индивидуалистической культуры [Hofstede 1991: 158]. Здесь главными ценностями во взаимоотношениях признаются независимость, равенство, значительное личное пространство, ценятся индивидуальность, личная автономия каждого. Англичане предпочитают умеренность во всем, не любят крайностей, склонны «держаться золотой середины» [Стернин, Ларина, Стернина 2003: 28].

В то время, как в обоих языках положительно оценивается способность человека к творчеству, занятие искусством, некоторые переносы из тематической группы «Искусство и творчество» включают пейоративный прагматический компонент, в особенности это касается подгруппы «Театр и цирк». Актеры и циркачи предстают перед зрителями в особой ипостаси: становятся как бы иными, не равными самим себе, их действия не соответствуют действительности, их

поведение преувеличенно, неестественно. В метафорических значениях названные характеристики трансформируются в признаки – ‘ложь’, ‘обман’, ‘неискренность’, ‘притворство’ и др.

Например, метафоры лексемы *актер/ actor* используются для обозначения того, кто, притворяясь, рисуясь, старается казаться не таким, каков в действительности, часто с целью обмана: *Слушаешь Путина – и в душу закрадывается нехорошее подозрение, что мы имеем дело не с верховным правителем России, но с более или менее талантливым актером, который перед страной разыгрывает очередной занятный спектакль, отвлекая внимание от того, что происходит на самом деле за кулисами; We both knew when the pain had started, despite my efforts to conceal it. I was not an actor and Michael was very observant (Мы оба знали, когда началась боль, несмотря на мои попытки скрыть это. Я был плохим актером, а Майкл был очень наблюдателен).* Сходное значение имеет одна из метафор существительного *артист*: «тот, кто, искусно притворяясь, скрывает истинные чувства, настроение, отношение к кому-либо, чему-либо» (*Для неискушённого ума он даже мог прозвучать чистосердечно, со слезой в голосе на высоких словах. Артист, что и говорить!*).

Необходимо заметить, что некоторые лексемы данной группы образуют переносные значения на основе двух противоположных моделей: в одних метафорах положительно оценивается творческое начало, выдающиеся способности представителей конкретных профессий, в других – осуждается их неестественное поведение. Примерами таких лексем могут служить описанные выше существительные *актер, артист, actor (актер)*, а также *acrobat (акробат), juggler (жонглер), contortionist (акробат, человек-змея), эквилибрист*. С одной стороны, в метафорах выражено восхищение необычайной ловкостью представителей названных занятий: *These creatures are wonderful acrobats and use their tails as an extra limb (Эти создания – превосходные акробаты и используют свой хвост как дополнительную конечность); You mix business with fun like the graceful juggler (Ты сочетаешь бизнес с развлечением, как грациозный жонглер); Jeff sits in a chair like a contortionist, right foot under left buttock, elbow on knee, head tilted forty-five degrees*

(Джефф **сидит** на стуле, как **акробат**, правая нога под левой ягодицей, локоть на колене, голова наклонена на сорок пять градусов); Удивительно — на мотоциклетном сиденье **спала**, как **эквилибрист**, а с кровати падала. С другой стороны, неестественная ловкость и изворотливость ассоциируются с обманом, часто в сфере политики: ...*a political acrobat whose opinion on any issue is whatever will get the most votes* (...**политический акробат**, чье мнение в любом вопросе совпадало с тем, за что проголосует большинство); *Mr. Lumpkin considered, and so called him, six years ago, an intriguer, manager, and political juggler* (Мистер Лампкин считал и называл его шесть лет назад интриганом, менеджером и **политическим жонглером**); *Conway – whose verbal contortionist acts in her candidate's defense helped popularize the concept of "alternative facts"* (Конвей – чьи действия **вербального акробата** в защиту ее кандидата помогли популяризовать понятие «альтернативные факты»); Вы наверняка знакомы с тем, как они [о политических дискуссиях на телевидении] **проводятся**: собираются несколько безответственных болтунов и **эквилибристов слова** и начинают, перебивая друг друга, молоть всякую чушь, что, как вода из крана, проходит через их головы.

Наиболее последовательно отрицательная прагматическая оценка связана с метафорическими значениями таких номинаций, в которых признаки ‘несерьезность’, ‘несоответствие действительности’, ‘обман’ входят в когнитивное ядро первичного ЛСВ. Например, **фокусник** развивает метафоры со значением «обманщик, ловкач, плут»: *Основатель секты в своей бурной, не всегда одобряемой законом деятельности сильно походил на ярмарочного зазывалу и дешевого фокусника от религии*; *В письме всё очень ловко подтасовано. Ну, фокусник господин Быков, иначе не скажешь*. Сохраняет негативную оценку метафоризация лексики, именующей деятельность, которая направлена на увеселение публики: **клоун, комедиант, лицедей, паяц, скоморох, фигляр, шут, buffoon (буффон), clown (клоун), jester (шут)**. Такая деятельность не связана с процессом созидания, не имеет утилитарной ценности, поэтому соответствующие занятия воспринимаются как несерьезные, пустые. Кроме того, в формировании метафор пейоративной оценки играет роль неестественность поведения артистов, которые в метафорах предстают

кривляками и лицемерами, выставляющими себя на посмешище. Описанный тип переноса представлен значительным числом членов как в русском, так и в английском языке и регулярно используется при характеристике межличностных, общественных отношений. Например: *Поиск альтернативного гражданства, сделавший **актера Денардые** сначала ньюсмейкером, а потом **клоуном**, отвлек внимание от реальной проблемы; Надо сказать, что наш **медицинский лицедей** любил на осмотры ходить со свитой; Это может себе позволить только зелёный юнец или **пожизненный паяц**, вжившийся в свою роль настолько, что уже забыл, какая она, собственно, жизнь; Издевательски иронизировать над выражением «дружба народов» Советского Союза стало сейчас дежурным номером наших **скоморохов от журналистики**; ...the 6th Duke of Somerset is often caricatured as an egocentric and **inordinately proud buffoon** (...6-ого Герцога Сомерсета часто карикатурно изображают как эгоцентричного и **чрезмерно горделивого буффона**); Besides creating a number of great paintings, Dali caused the attention of the media by playing the role of **a surrealist clown** (Помимо создания ряда великих полотен, Дали добился внимания прессы, играя роль **клоуна-сюрреалиста**).*

Активно данный тип переноса используется в политическом дискурсе и при освещении политической жизни в масс-медиа. Выступление политиков перед публикой и их попытки привлечь внимание толпы ассоциируются с выступлением артистов на сцене. Тот факт, что политики нередко дают пустые обещания, скрывают за красивыми фразами истинное положение дел либо искажают факты, прибегают к различным ухищрениям, стремясь добиться поддержки избирателей, порождает сравнения именно с шутами и клоунами. Например: *И сквозь все это тянется Труба, символ и миф, и за суверенные державные Краны торжественно держатся президенты, императоры, генеральные секретари и **прочие комедианты**; Люди, конечно, любят **клоунов** и **массовиков-затейников**, о чем свидетельствуют результаты опросов и выборы в Государственную думу, но, с другой стороны, откровенные **фигляры** не могут рассчитывать на действительно массовую поддержку и обожание толпы; А Навальный тут вообще не при делах. Он лишь **шут**, с которым играют как кошки с мышкой, на потеху олигархам и*

чинушам; *The Queen is not, as **political jester** Russell Brand put it, merely a “little old lady in a shiny hat”* (Королева – не просто «маленькая женщина в блестящей шляпе», как выразился **политический шут** Рассел Брэнд); *Yes, but the America I like is the America of Roosevelt. Not that led by the **clown George Bush**, with the boy scout Tony Blair beside him* (Да, но Америка, которую я люблю, – это Америка Рузвельта. Не та, которой руководит **клоун Джордж Буш**, с бой-скаутом Тони Блэром подле него).

Разъездной характер работы гастролирующих артистов в метафорах лексемы *гастролер* преобразуется в представление об их непостоянстве, несерьезности их намерений, легком поведении: *А зачем Вам **залетный гастролер**, который прилетел-улетел. Вероятно у него в стране проживания дама сердца есть и поэтому держит Вас на пионерской дистанции.* Регулярно гастролерами в русском языке именуют преступников, переезжающих из города в город в поисках легкой наживы: *Сюда за небогатыми кошельками граждан каждый день устремляются местные преступники и «гастролеры».*

Как в русском, так и в английском языке негативно оценивается чрезмерная фантазия, сочинительство, которые ассоциируются с ложью и обманом. Переносные значения лексем *сказочник, сочинитель, fabulist (баснописец), storyteller (сказочник)* номинируют обманщиков и лгунов: *Получается, что, если бы человек получил другое имя, у него иначе сложилась бы судьба. Если бы то, что пишут талантливые **сказочники** было правдой, вся жизнь человека с определённым именем и отчеством была бы заранее запланированной; В лесу было так хорошо, так тихо и спокойно, что преступления казались **выдумкой досужих сочинителей** с воспалённым воображением; ...the taut, hugely entertaining tale of **the fabulist reporter** who made up almost half of the cover stories he wrote (...аккуратная, очень развлекательная история **репортера-баснописца**, который выдумал почти половину своих передовых статей); ...he gives away the family's money to a **storyteller** he encounters at lunch-time (...он отдает деньги семьи **сказочнику**, которого встречает за ланчем).* Не заслуживает одобрения и чрезмерное красноречие: длинные и витиеватые речи обычно расцениваются как малосодержательные, а тот,

кто их произносит – как пустослов. Примером сказанного может служить негативный оценочный компонент в переносных значениях лексем *ритор/ rhetorician* (*ритор*) – «оратор, прибегающий к искусственным приемам красноречия, говорящий красиво, пышно, но малосодержательно»: *Меньше всего Есенин был поэтом головным, меньше всего он ритор или версификатор; It [rebellion] was directed against political rhetoricians* (Оно [восстание] было направлено против **политических риторов**). Еще одним примером может служить метафоризация лексемы *demagogue* (*демагог*), не относящейся к сфере искусства, переносные значения в данном случае используются для обозначения политика, за красивыми речами которого кроются ложь и корысть: *For a small country like Singapore, we always worry about freak election results. A demagogue, or a honey-combed politician, can cause an election upset* (В случае такой небольшой страны, как Сингапур, мы всегда боимся, что выборы пройдут непредсказуемо. **Демагог** или темная лошадка могут повлиять на результаты).

Негативный оценочный компонент присутствует также в переносных значениях лексем, называющих писателей по жанру их произведений: *сатирик, панегирист, пасквильянт*. Безусловно, пейоративная оценка в данном случае – следствие негативных ассоциаций, вызванных конкретными литературными жанрами. Например, сатира ассоциируется со злой насмешкой, панегирик – с неумеренной похвалой, пасквиль – с оскорбительными нападениями: *Голоса делались всё более агрессивными: – Ходят тут всякие сатирики, юмористы... – Сфотографируют тебя, а потом – на доску...; Один из его [Сталина] сотрудников и панегиристов, член коллегии Пестковский дал неподражаемый рассказ о поведении своего комиссара; В ответ мой начальник перешел на крик, что я пасквильянт, шантажист*.

Группа метафор творческой деятельности в рассматриваемых языках чрезвычайно обширна. С одной стороны, в таких метафорах положительно оценивается способность к творчеству, богатое воображение, художественный вкус, с другой стороны – осуждается неестественность поведения, неискренность, чрезмерность, отсутствие утилитарной пользы.

3.6.3. Руководство и управление

И в русском, и в английском языке регулярным является такой вид переноса, при котором номинация руководителя из какой-либо трудовой сферы используется для обозначения того, кто осуществляет контроль или управление в другой сфере. Поскольку отношения руководства и подчинения главным образом представлены именно в сфере трудовой деятельности, номинации руководителей, начальников, управляющих разных уровней активно вовлекаются в процесс метафоризации для описания отношений руководства в других сферах деятельности. Многообразие видов руководства и трудовых областей, в которых оно реализуется, дает возможность отразить в метафорах различные особенности и стили управления. Данная метафорическая модель представлена 25 именами существительными в русском языке и 19 в английском.

Причем в данном случае мы обнаруживаем ряд аналогов – номинаций, которые развивают сходные метафорические значения в русском и английском языке. Например, лексема *вождь* / *chieftain* в обоих языках служит для номинации «общепризнанного идейного руководителя, главу в сфере политики, искусства науки и пр.»: *...так не критики же ЕГЭ, а сами вожди образования ухитрились сделать второстепенную деталь средоточием всей системы; Thus, in the winter of 1545 - 46 Titian and Michelangelo, the "two aging chieftains of Renaissance art", found not only their works but also themselves in the same place at the same time (Таким образом, зимой 1545-46 годов Тициан и Микеланджело, два стареющих вождя ренессансного искусства, обнаружили не только свои работы, но и себя в одном и том же месте в одно и то же время).* Параллельные значения имеют лексемы *капитан* / *captain*, обозначение командира судна регулярно используется для номинации главного лица спортивной команды: *Впервые здесь прошел розыгрыш традиционного Кубка памяти Валерия Спирихина, капитана команды «Химмаш»; ...he speaks with the former England cricket captain Michael Brearley (...он говорит с бывшим капитаном английской команды по крикету Майклом Бриарли).* Номинации *архитектор* / *architect* образуют переносное значение «создатель, инициатор», которое в русском

языке не отражено в словаре, однако часто встречается при анализе корпусного материала. Чаще всего указанная метафора используется в текстах о сфере политики, при описании политических преобразований и реформ: *А я утверждаю, что в центре системы стоит Путин, не он **архитектор системы**, но он её холит и лелеет; Chris Patten, the **architect of the Tories' glorious election victory** (Крис Пампен, **архитектор** блистательной **победы** Тори на выборах).* Того, кто управляет в авторитарной, жесткой манере в русском и английском языке принято обозначать с помощью лексем *диктатор / dictator*: *Помнится, в перестроечном угаре 80-х, благодаря приснопамятной анти-сами-знаете-какой кампании, пивники, **диктаторы ларьков**, в одночасье составили касту избранных, из безликой обслуги переместившись в разряд «нужных людей»; He **sounded more like a dictator than a Prime Minister** (Он **звучал** больше как **диктатор**, нежели премьер-министр).* Наличие таких аналогов в рассматриваемых языках может быть обусловлено параллельным семантическим развитием либо семантическим калькированием, однако выяснение этих причин не входит в область настоящего исследования.

Помимо лексем *капитан / captain*, для обозначения лиц, осуществляющих контроль или управление в области спорта, используются такие существительные, как *skipper (шкипер)* – «глава, тренер или капитан спортивной команды», *пилот* – «спортсмен, управляющий автомобилем, который участвует в гонке»: *He should be retained **skipper** till the 2007 World Cup* (Его *стоит* оставить **шкипером** до Чемпионата мира 2007 года); *Нужны ли «Формуле-1» российские **пилоты** и команды.* Метафоры в данном случае лишены образности и используются для первичной номинации спортсменов.

В описываемую метафорическую модель включаются номинации руководителей из различных трудовых сфер, ни одна из которых не является доминантной: сферы искусства (*дирижер, режиссер, запевала, корифей, кукловод, суфлер, director – режиссер, orchestrator* – тот, кто осуществляет оркестровку, *pirreteeer* – кукловод), военной сферы (*атаман, генерал, командир, застрельщик, флагман, general – генерал*), области управления транспортными средствами (*лоцман, рулевой, driver – водитель*), сферы хозяйственной деятельности (*настух,*

закоперищик, *shepherd* – пастух), образовательной сферы (*headmaster* – директор школы, *schoolmaster* – школьный учитель).

Наличие или отсутствие оценочного компонента у метафор данной группы, а также его характер, обусловлены особенностями трудовой деятельности, выступающей источником метафоры, и стереотипными представлениями носителей языка о ней. Значительная часть метафор данной группы не имеет оценочного компонента, является нейтральными, например: *Леонид Гайдай, являясь дирижером всего действия, невероятно слаженно смог соединить в одно целое все три новеллы; Кто он, рулевой новой фирмы со стартовым бюджетом в 1000 долларов?; He was acclaimed for his leading role as the **orchestrator** of a series of international **exhibitions** held in London between 1851 and 1874 (Он получил известность как главный **оркестратор** серии международных **выставок** в Лондоне в период с 1851 по 1874 годы); If the market is heavily influenced in favor of nonbiotech crops, growers who planted conventional crops will be **in the driver's seat** (Если влияние на рынке будет в пользу негенномодифицированных культур, то фермеры, посеявшие традиционные культуры, будут **на месте водителя** [в выигрыше]).*

Мелиоративный оценочный компонент содержат метафоры некоторых существительных, именующих лидеров, предводителей. Например, исключительно положительно оценивается метафора лексемы *корифей* («предводитель хора в древнегреческой трагедии»), с ее помощью называют выдающихся деятелей в какой-либо сфере: *Академик Владимир Елиферьевич Накоряков – ученый с мировым именем, **корифей** в теплофизике; Шахматные **корифеи** прошлых лет и их рейтинги.* Значение со знаком «плюс» имеет не закрепленная в словаре метафора существительного *флагман* («командующий крупным соединением военных кораблей, имеющий право поднять свой флаг на корабле, на котором он пребывает»), она обозначает того, кто находится в авангарде, движется впереди, указывая дорогу другим: *До настоящего кризиса **флагманами** российского лизинга, в том числе и для «ВТБ Лизинга», были авиа- и железнодорожный лизинг; ДСК должен выступить **флагманом** популяризации инновационной продукции в строительстве – сфере, которая отличается особой инертностью.* В английском

языке примером такой метафоры может служить переносное значения существительного *torchbearer* («тот, кто несет факел»), которое номинирует лидера, вдохновителя в любой сфере деятельности: *The two have been the torchbearers for freedom from the increasing oppression of mother England* (Эти двое были **факельщиками** [лидерами] **движения за освобождение от возрастающего гнета матери-Англии**); *For 20 years, Bad Religion have been torchbearers of American punk rock* (В течение 20 лет, «Bad Religion» были **факельщиками** [лидерами] **американского панк-рока**).

С другой стороны, в русском языке зафиксированы переносы с негативной оценкой у существительных, называющих инициаторов, начинателей чего-либо, например, *закоперщик*, *застрельщик*, *запевала*. Эти лексемы обозначают лиц, действия которых дают начало трудовой деятельности остальных членов: *запевала* – «тот, кто начинает пение, исполняющий запев», *застрельщик* – «наиболее искусный в стрельбе солдат линейной или егерской пехоты, который действовал в рассыпном строю и первым встречался с противником»; либо лиц, руководящих трудовым процессом, иницирующих его: *закоперщик* – «рабочий, руководящий забиванием свай в грунт при помощи копра». Названные лексемы развивают метафоры с негативным значением «зачинщик»: *Сегодня пресса сообщала, что Москва отозвала своих послов из стран – закоперщиков войны в Югославии, а завтра уже новая весть – отправляет их обратно; Фадееву, как руководителю писательского союза, естественно отводилась роль запевалы; Но откуда могут взяться хорошие проекты, если ЦБ является застрельщиком повышения рыночных кредитных ставок?*

Подобный тип метафоризации отсутствует в английском языке, что, на наш взгляд, обусловлено культурными факторами. Немаловажное значение для описания любой культуры имеет ее отношение к деятельности: по этому параметру культуры разделяются на статичные и деятельностные [Katan 1999: 172; Ларина 2013:41]. Для статичных культур характерно пассивное восприятие происходящего, отсутствие инициативы, в то время как для деятельностных культур свойственно стремление воздействовать на события или их иницировать. Русская культура принадлежит к

первому типу. «Немотивированная чрезмерная активность выглядит в глазах русского человека неестественно и подозрительно» [Левонтина 2012а: 217]. Наряду с *душой* определяющим для русской культуры словом является слово *судьба*, отражающее идею о том, что человек не властен воздействовать на происходящие события [Вежбицкая 2001: 35-38; Шмелев 2002а: 210-211; Сергеева 2006: 150-153; Ковшова 1994; Никитина 1994]. Лингвисты выделяют в русском языке целые группы синтаксических конструкций, значение которых содержит идею о том, что событие произошло с человеком не потому, что он этого захотел, а как бы само собой [Wierzbicka 1992: 428; Виссон 2005: 73-74; Зализняк, Левонтина 2012]: *так вышло, случилось, мне удалось* и пр. Русскому сознанию свойственны неторопливость, созерцательность, консерватизм, нелюбовь к радикальным переменам и излишней инициативности.

Со знаком «минус» в обоих языках трактуется деятельность по руководству, управлению, при которой у руководимых абсолютно отсутствует свобода выбора, воли и действий. Метафорические производные лексем *кукловод*, *суфлер*, *пастух*, *puppeteer* (*кукловод*) именуют манипуляторов, заставляющих других действовать по своей указке: *Возрождение Великой России в планы Алексеева и его кукловодов из западноевропейских лож никак не входило; За плечами бригадиров явно просматривались суфлеры из идеологического отдела ЦК КПСС; На выборах спятивший, разделенный на части народ, как стадо бычков, торопится к урнам под крики телевизионных пастухов, под ударами электронных бичей; ...nobody with a straight face can deny Cheney is a co-president or worse, the puppeteer who pulls Bush's strings (...никто не сможет всерьез отрицать, что Чейни правит вместе с Бушем или, что еще хуже, он - кукловод, дергающий Буша за ниточки).*

Метафоризация лексемы *пастух*, с одной стороны, основана на современной прагматической оценке данной профессиональной деятельности, когда осуждается излишний контроль и подавление инициативы. С другой стороны, метафоры опираются на систему христианских ценностей и библейских образов: Бог – наш пастух (пастырь), и Он относится к нам, как к своим овечкам, которые отчаянно нуждаются в Его заботе (Мк. 6:34), Он собирает «заблудших», помогает больным и

дает Своему народу то, в чем тот нуждается (Пс. 22; Ис. 40:11; Иер. 31:10). Поэтому метафорически *pastor* / *shepherd* осмысляется как заботливый руководитель, например: *Порой люди так растеряны, что им нужен добрый пастух, который их направит; ...in order that leaders will not be sloppy and selfish, but will be shepherds after the heart of Jesus the good shepherd who lays down his life for the sheep (...для того чтобы руководители не были небрежны и эгоистичны, а были пастухами вслед за Иисусом, добрым пастухом, отдавшим жизнь за свое стадо).*

Подобно пастуху, направляющему стадо, мореходам помогает лоцман, проводя суда в опасных районах. Такое руководство-помощь, бесспорно, получает одобрение, которое отражается в контексте метафорических употреблений лексемы *лоцман*: *Я бы сказал так: библиотекарь – это проводник в безбрежном океане знаний, это лоцман, снабженный картами и справочниками, обладающий бесценным опытом; Но некому, некому сказать это гражданам Никифорову, Санюковичу и Пащенко, пустившимся в плавание по коварному морю департамента без лоцмана, на свой страх и риск...*

К метафорическому переносу на основе функции в рамках данной метафорической модели иногда присоединяются ассоциации и стереотипные представления о том или ином руководителе. Метафоры номинаций военачальников, как правило, используются при описании жесткого, строгого стиля управления, например: *Муродали был предельно собран, как будто отправлял бойца на задание. <...> – Держись там. – Так точно, товарищ командир, – шутливо ответил Димка и направился к такси; Davis commandeers the film like a general in a war room (Дэвис захватила управление съемками как генерал в командном пункте).* Со строгостью ассоциируется и деятельность школьного учителя и директора школы: *In the middle of the pitch, Hendrie, slim and fit, and his head covered by a bank robber-style bunnet, shouts instructions like a schoolmaster (В середине поля Хендри, стройный и подтянутый, в шляпе в стиле грабителя банка, выкрикивает указания, словно школьный учитель); Sandra replied quietly, she felt like a headmaster or someone of great authority was telling her off (Сандра ответила тихо, ей казалось, будто ее отчитывал директор школы или кто-то очень важный).*

Отдельно стоит сказать о метафоризации лексики из сферы государственного управления. Метафорические дериваты существительных, называющих государственных правителей, обозначают тех, кто выделяется среди остальных, является лучшими среди подобных. Регулярно в таком значении используются лексемы *король, королева, царь, king (король), queen (королева): Королевой фигурного катания по праву можно назвать москвичку Ирину Слуцкую; Врачи Тибета и Китая очень ценили лечебные свойства аконитов, называли это растение царём лекарств; Cotton truly is king – when it comes to soft, comfortable clothing that breathes (Хлопок – действительно король, когда дело касается мягкой, дышащей, удобной одежды).* В английском языке существительные *emperor (император), monarch (монарх)* используются для первичной номинации животных, которые в чем-либо превосходят своих сородичей других видов: *Emperor shrimp danced over sea cucumbers' backs (Креветка-император двигалась в танце по спинам морских огурцов); Male emperors are pretty big, up to 45 kg, so that they can go without feeding for two or more months (Мужские особи императоров [императорских пингвинов] довольно крупные, до 45 кг, поэтому они могут обойтись без еды два и более месяцев); Monarchs lay their eggs exclusively on plants in the milkweed family (Монархи [бабочки-монархи] откладывают яйца исключительно на растениях семейства молочайные).*

Обращает на себя внимание тот факт, что в русском языке в составе метафорического поля функционирует ряд существительных, не имеющих аналогов в метафорической системе английского языка. Эти лексемы называют правителей, чье правление характеризуется жестокостью и произволом: *деспот, самран, тиран.* Как правило, их метафорические производные используются для негативной оценочной номинации мучителей и угнетателей, попирающих законы: *Мать была женщина неплохая, но приземленная, вся в заботах. Отец – домашний деспот и бог; Ваши передачи вселяют в нас надежду на возможное избавление нашей Родины от гнусной тирании и произвола Кремлевской диктатуры и их самранов; С одной стороны, Дягилев – бессребреник, который посвятил всю свою жизнь балету, с другой стороны – тиран и деспот.*

В русском языке также находим значительное число переносов, мотивированных номинациями чиновников. Такие метафоры используются для обозначения лиц, отличающихся высокомерием, излишним формализмом, напыщенностью и хитростью. Так, существительные *бонза*, *вельможа*, называющие иностранных чиновников, регулярно используются для метафорической номинации надменных и грубых должностных лиц: *Оставалось надеяться на то, что Рублевское шоссе не перекроют в связи с проездом какого-нибудь партийного или государственного бонзы; Коррупцией пронизаны все: от воспитателей детских яслей и садов до преподавателей школ, и институтов, от муниципальных чиновников до министерских вельмож*. Лица, проявляющие излишний формализм в работе, обозначаются с помощью переносных значений существительных *бюрократ*, *канцелярист*: *Все по обычной модели: идут бюрократы, находят недостатки и вместо штрафов закрывают, это катастрофа; Дождавшись очереди, я просил и убеждал неприязненно настроенных канцеляристов, доказывал, уговаривал, тайком подсовывал им мелкие подарки-взятки*. Для обозначения кого-то напыщенного, чрезмерно важного в русском языке нередко прибегают к сравнительным конструкциям с лексемой *министр*: – *Вы настоящий министр, – говаривал я, когда апломб Лушера превосходил всякую меру; Усы свои холил, ежедневно менял рубашки, на службу отправлялся ну как министр*.

Интересно, что в английском языке метафору со сходным оценочным значением формирует номинация, заимствованная из русского языка: *apparatchik* (*аппаратчик*) – «презрит. чиновник, бюрократ в любой организации».

Наличие подобных переносов основано на стереотипах мышления, свойственных русской культуре. Г. Хофстеде относит Россию к культурам со значительной вертикальной дистанцией, т.е. расстоянием между теми, кто наделен властью, и теми, кто ею не обладает [Hofstede 1991: 65-109]. Этот параметр проявляется во взаимоотношениях членов общества: отношения основаны на подчинении старшим, статус ценится выше инициативности, органы власти мало открыты для граждан. Существенный разрыв между властью и теми, кто не обладает властью, отражается на негативном восприятии правительства и

руководства: «это “они”, вечный противник, которого надо опасаться и от встречи с которым надо всячески уклоняться» [Жельвис 2002: 5]. Отсюда ряд переносов с негативной оценкой у номинаций государственных правителей и чиновников.

Номинации лиц, осуществляющих управление и руководство в сфере трудовой деятельности, активно включаются в процесс метафоризации в русском и английском языках и являются основным источником метафор для обозначения руководителей в других социальных сферах.

3.6.4. Прислуживание и низкоквалифицированный труд

В рассматриваемых языках отчетливо прослеживается тенденция к формированию метафор с негативной оценкой от существительных, именующих работников низкоквалифицированного труда. Низкая квалификация и непрестижность деятельности в метафорах часто ассоциируются с низким социальным положением, низкими интеллектуальными способностями, низким уровнем культуры.

Так, в метафорических производных лексем *извозчик*, *сапожник*, *лапотник*, *farmer* (фермер), *fishwife* (торговка рыбой), *tinker* (лудильщик) на первый план выходит социальная оценка работника как личности. Метафоры и сравнительные конструкции с такими лексемами называют тех, кто отличается грубым поведением и использует бранную лексику: *Бабуся только что ругалась матом, словно извозчик, а потом сперла вкусные орехи; ...их забавляла малолетняя красотка, которая пьет как сапожник, ругается матом и на спор способна сделать все что угодно; Курили как сапожники и матерились как арестанты; We went to Venice a few days later and it was full of dirty pigeons and busloads of ghastly American tourists shrieking at each other like fishwives* (Мы поехали в Венецию через несколько дней, там было полно грязных голубей и полные автобусы ужасных американских туристов, орущих друг на друга, словно торговки рыбой). Кроме того, метафоры характеризуют тех, кто одевается неряшливо, некрасиво, не имеет вкуса в одежде:

...танцующие одеты, как сапожники, во что попало; ...friends have told him the new wardrobe makes him look like a farmer (Друзья сказали ему, что с новым гардеробом он **похож на фермера** [одет слишком просто, безвкусно]). Переносные употребления существительных, называющих лиц неprestижного, низкоквалифицированного труда, также дают обобщенную характеристику невежественного, неумелого человека: *А что вы окончили? Литературный институт? И чему их там учат... Илюшенька, почему ты приводишь ко мне одних лапотников?*; *Ученые-то меня не называют сапожником, не говорят, что я ничего не понимаю в праве; These Brits are either tinkers, incompetent, mean-spirited, or they have no minds of their own* (Британцы – либо **лудильщики** [невежи], некомпетентны и скупы, либо у них нет собственных мозгов).

Таким образом, в описанных метафорах основой для оценки интеллектуальной деятельности человека, его личностных качеств, поведения становится представление о степени престижности его трудовой деятельности, ее полезности, степени сложности выполняемой работы, о прогрессивном или устаревшем характере труда.

Любопытно, что как в русском, так и в английском языке номинации работников с низкой квалификацией могут использоваться для отрицательной характеристики работников, чья деятельность требует более высокого уровня подготовки. Например, существительное *маляр*, обозначающее того, кто занимается окраской зданий и помещений, может называть плохого художника: *Маляры от фотографии нарисовали ей круглые глаза, они так старались передать их огромность, что явно переборщили*. Название лекаря, занимавшегося лечением лошадей, – *коновал* – в современном русском языке гораздо чаще используется в переносном значении – как обозначение невежественного врача: *Имей в виду, мучитель, что если принимает тот коновал, который мне в прошлом году иглой в канале зуба ковырялся, я никуда не пойду*. По такой же схеме образуются метафорические производные существительного *мясник / butcher*: название работника бойни, чья деятельность ассоциируется с жестокостью, грубостью, насилием, переносится в медицинскую сферу и обозначает плохого хирурга: *Вы*

подумайте, тот мясник, кто меня оперировал, даже не появился; Later, doctors in Paris told her she had been sewn up by a butcher (Позже в Париже врачи сказали ей, что ее зашивал мясник). Представление об устаревшем характере труда звездочета ассоциируется с недостаточной точностью его вычислений, приблизительностью результатов, в следствии чего возникает метафора лексемы *звездочет* для обозначения невежественных аналитиков и специалистов сферы планирования: *Звездочёты из числа приближенных к Кремлю делают большие глаза и старательно намекают на некую сокрытую от непосвящённых информацию, касающуюся новой угрозы, с которой вот-вот столкнётся Россия.* В английском языке название человека, осуществлявшего переписку документов до изобретения печати, – *scribe* – используется для ироничного обозначения бесталанного писателя или журналиста: *Like all sites conceived as digital brochures, it has far too much text which includes an overly lavish encomium by a Sunday newspaper scribe (Как все сайты, задуманные в виде электронной брошюры, этот содержит слишком много текста, включающего бесконечный панегирик от писаря из воскресной газеты).*

Среди номинаций представителей низкоквалифицированного труда, вовлекающихся в метафоризацию, наиболее широко представлены лексемы, называющие тех, кто выполняет обязанности слуги, прислуги. Необходимость исполнять чужие поручения, прислуживать воспринимается как недостойное занятие и в метафорах оценивается негативно.

Метафорические дериваты таких лексем обозначают лиц, чье поведение отличается раболепством, подхалимством, стремлением выслужиться: — *Американские лакеи! За что продали страну?; А где толются толстосумы, там и – их холопы, шуты, шлюхи и приживальщики – всё в той же Москве; Art writers who pretend that there should be some mysterious distance between them and artists are self-deluding, and become the lackeys of their editors (Критики искусства, которые притворяются, что между ними и художниками должна быть таинственная дистанция, занимаются самообманом и становятся лакеями своих издателей); Once The New Yorker convinced itself that Bush was well intentioned even if his performance was sometimes maladroit, it became one more courtier straining to get the*

king's ear (Как только «Нью-Йоркер» убедил себя, что Буш имел благие намерения, хотя и действовал иногда неумело, еженедельник превратился в еще одного **придворного**, стремящегося подобраться к уху короля).

Метафоры, мотивированные существованием *приказчик, паж, flunkey* (ливрейный лакей), используются для негативной характеристики лиц, находящихся в рабском подчинении у кого-либо, исполняющихся чьи-либо прихоти: Скажу только вот что: когда твоими руками делается история, ты осознаёшь себя не **приказчиком**, не исполнителем чьей-то чужой, иногда просто тебе навязанной глупой воли, а непосредственно действующим лицом; И она строго сказала «Пойдемте», и Антоша простоял весь вечер, **как слезный паж**, у оглушительного приставного стульчика, на котором млела раскрасневшаяся меломанша; *Dear Secretary Veneman, I sat down today and decided I would have to write a letter directly to you. It's come to this because all the pleas to the flunkies around you seem to have fallen on deaf ears* (Уважаемый секретарь Венеман, сегодня я сел и принял решение написать письмо напрямую вам. Я дошел до этого, потому что лакеи вокруг вас оказались глухи к моим мольбам).

Дело, в котором оказывает помощь прислужник, в метафорическом преломлении воспринимается как дурное: ...интересные подробности о судьбе **прислужника Мазены**, палача Орлика, убившего Кочубея по приказу гетмана; *South Africans were violated by the henchmen of the apartheid regime* (Жители ЮАР подверглись насилию со стороны **прислужников апартеида**). В некоторых случаях названия слуг служат для обобщенного обозначения людей низких нравов, жуликов: *In general, Winter seems to feel that most writers are either the 'good guys' or the knaves, and allows for very little middle ground* (В общем, кажется, что Уинтер делит большинство писателей на «хороших парней» и **прислужников [плутов]** и не оставляет никого посередине); *Allyson Mayonnaise Gibson, the plume-plucked varlet of cabinet minister enriched while in office, was telling us everything she knew about international finance* (Аллайсон Майонез Гибсон, оципанная **прислужница [мошенница]**, член кабинета министров, обогатившаяся за время службы, говорила нам все, что знала о международной экономике).

Однако несмотря на негативную оценку низкоквалифицированной, непрестижной трудовой деятельности и исполнения обязанностей прислуги, пейоративный оценочный компонент может отсутствовать в метафорах номинации *слуга / servant*. В данном случае служение воспринимается как работа с благой целью – исполнить чью-либо волю, желание, защитить чьи-либо интересы, помочь: *Народ был удалён из творческого помещения, поэт – бунтарь и отец наш, слуга творческого народа, остались наедине — для конфиденциальной беседы; I think of myself as a servant of society. I am paid by the taxpayer (Я считаю себя слугой общества. Мне платят налогоплательщики). Данными ассоциациями мотивированы устойчивые сочетания civil/public servant (гражданский/общественный слуга [государственный служащий]), ваш покорный слуга: I served the British government as a civil servant for over 20 years of my life (Я служил британскому правительству как гражданский слуга [государственный служащий] более 20 лет своей жизни); В Доме кино вашим покорным слугам улыбнулась удача, и мы встретили среди остальной празднующейся публики нескольких настоящих кинематографистов. В современном русском языке идиома *слуга народа* утратило хвалительный смысл, заложенный в нее изначально, и используется иронически: ...государство у нас такое богатое или не "**слуги народа**" это в дорогих иномарках разъезжают, а бандиты, прикупившие по случаю "**блатные**" номера? Такие изменения согласуются с описанными выше негативными ассоциациями о чиновничестве.*

При формировании переносных значений существительных, называющих низкоквалифицированных работников и прислугу, на первый план выходит оценка отношений, возникающих в процессе труда, а также личностных качеств работника. Тип оценки определяется системой социальных ценностей и факторов, существующих в обществе в данный период его развития.

3.6.5. Военная служба и спорт

Регулярно включается в метафоризацию лексика из военной и спортивной сферы. В русском языке метафорические значения развивают 7 номинаций военнослужащих и 4 номинации спортсменов, в английском 4 и 6 соответственно. Такие различия объясняются экстралингвистическими причинами: на протяжении столетий сфера спорта имела особое значение для жителей Великобритании.

Как правило, все метафоры данной группы построены на стереотипных представлениях о внешности и личностных качествах военных и спортсменов. Так, метафорические производные номинаций этой группы часто используются для обозначения физически сильных, крепких, мощных, выносливых людей атлетического телосложения: *Простому человеку, жившему, предположим, в границах нынешней Московской области, лет триста назад ничто не угрожало смертью – если не считать, конечно, голода, холода, диких зверей, лёгкой простуды, которая в несколько дней сводила любого **богатыря** в могилу, и жестокости других людей; На подножке и на корме – под рычагами гидравлического пресса – висят **атлеты** в зеленых комбинезонах; He's small, like Pacino, and not **an athlete**, although he does a great deal of running (Он невысокий, как Аль Пачино, и **не атлет**, хотя много занимается бегом); So I'm starting to **look like a bodybuilder**. I'm a manly woman! (Я начинаю **походить на бодибилдера**. Я – мужиковатая женщина!).* Лексемы *богатырь* и *gladiator* (гладиатор) в метафорическом преломлении называют не просто сильных и крепких, но и выдающихся людей: *He перевелась ещё в Киеве **богатыри**, желающие снова побороться за Украину без Кучмы; The great Allan Donald said goodbye to Test cricket – the World Cup will be the final hurrah of **this gladiator** (Великий Алан Доналд попрощался с тестовыми матчами крикета – Чемпионат Мира будет последним Ура! **этого гладиатора**).*

В русском языке с помощью переносных употреблений номинаций *гренадер*, *гвардеец*, *баскетболист* подчеркивается высокий рост человека, в отношении которого употреблена метафора: *...сам он тоже небольшого роста, зато три сына – просто гиганты, в жену: там жenuшка **настоящий гренадер!**; – От это да! От*

это гвардеец! – восхитился Иван Ефремович, не склонный к комплиментам кому бы то ни было, а тем более мужчинам. – *Это мой муж!* – прижалась к плечу Адама Ксения; *Посмотрел на Прохорова, посмотрел на Навального...* С тандемом они точно не сработаются, если только исторический тренд "лысый-волосатый" не сменится на тренд "лилипут-баскетболист".

С помощью метафорических производных лексики военной и спортивной сферы обозначаются лица, ведущие борьбу, отличающиеся стойкостью и преданностью: *В правовом поле один не воин; Олег Михайлович Белоцерковский: талант учёного и темперамент борца; ... сижу сейчас, закрывшись в кабинете, а в дверь ко мне пытается прорваться настоящий солдат Наталья Фалина, заместитель ответственного секретаря «Столицы», чтобы убить меня известием о том, что из 88 полос журнала сверстано только 40; This was important because the Catholic Church supported Spain, rather than Cuban freedom fighters, during the Ten Years War of 1868 – 78 (Это было важно, поскольку католическая церковь поддерживала Испанию, а не кубинских борцов за свободу во время Десятилетней войны 1868 – 1878 гг.); He was very peaceful and I got down beside him and prayed with him as he passed away. He was a true soldier right to the end (Он был очень спокоен, я сел подле него и молился вместе с ним, когда он уходил. Он был настоящим солдатом до самого конца).*

Кроме того, на основе стереотипных представлений о военных формируются метафоры, обозначающие благородных, доблестных, самоотверженных, преданных делу людей. Люди, названные с помощью метафор *рыцарь, паладин, chevalier (шевалье), crusader (крестоносец), knight (рыцарь)*, великодушны и беззаветно преданы какому-либо делу или человеку: *Он с этим банкетно-приемным разгулом боролся, как последний рыцарь дисциплины и их же здоровья; В моем кабинете на стене поблескивает коллаж из засохших цветов, сделанный ее паладином, Сержем Параджановым; Thinking that the man, who after all was as brave as a French chevalier, might amuse us, I presented him to my friends (Думая, что этот человек, который все-таки был смел, как французский шевалье, может повеселить нас, я представил его своим друзьям); He joined a group of crusaders for political reform (Он*

присоединился к группе крестоносцев [борцов] за политическую реформу); All too often, our side wants a knight in shining armor; we expect a politician to come and save us (Слишком часто наша сторона ожидает рыцаря в блестящих доспехах, мы ждем, что политик придет и спасет нас).

Помимо названных метафор, в английском языке синонимом честного и благородного человека становится существительное *sportsman* (*спортсмен*): *Meanwhile, sentimental favorite Martin Scorsese jumped to his feet to applaud Polanski's win, good sportsman to the end (Тем временем сентиментальный фаворит Мартин Скорсезе вскочил, чтобы поаплодировать победе Полански: хороший спортсмен до самого конца).* Развитие у лексемы *sportsman* значения «человек, демонстрирующий качества, которые высоко ценятся в спорте, такие как честность, благородство, тот, кто соблюдает правила и умеет проигрывать» вызвано культурными причинами. Одним из важнейших и наиболее почитаемых жизненных принципов в английской культуре является принцип «честной игры», или «fair play», который является частью кодекса джентльмена и требует вести себя честно и беспристрастно в любых обстоятельствах. Принцип «честной игры» распространяется не только на спортивные состязания, столь популярные в Великобритании, но также на политику, бизнес и остальные сферы жизни [Fox 2005: 158-159; Степанов 2007: 77-78]. Принцип «честной игры» характеризует англичан на протяжении многих столетий. В описаниях национального характера XVII века находим: «Существует большая разница между обычной игрой и благородной игрой. <...> главное – строго следовать неписанным правилам, связавшим участников и зрителей в едином стремлении к честной игре. Это исключительно английское правило» [Langford 2001:149].

Таким образом, формирование переносных значений в системе лексики военной сферы и спорта обусловлено, главным образом, ассоциациями и стереотипами, связанными с данными видами трудовой деятельности.

3.6.6. Надзор, дознание, деятельность, связанная с насилием и жестокостью

Как для русского, так и для английского языка характерно наличие пейоративного компонента в семантике переносных значений лексем, называющих работников правоохранительных, карательных органов, а также трудовых сфер, ассоциирующихся с жестокостью и насилием.

Особенности профессиональной деятельности работников правоохранительных и карательных органов объясняют появление признаков 'жестокий', 'безжалостный', 'деспотичный' в метафорах. Так, переносное значение лексем *жандарм/gendarme* употребляется для обозначения деспотичного человека, подавляющего волю других людей: *Отец был нашим домашним жандармом; But Mr Travers was a bit of a gendarme, I did everything he wanted (Но мистер Треверс был немного жандармом, я делал все, что он хотел)*. Кроме того, название сотрудника жандармерии может обозначать государство, правительство которого подавляет другие страны: *Последнее для Америки очень важно, поскольку она хочет не только быть «мировым жандармом», но также и всеобщей любимицей; Even the Americans recognize that Israel can no longer play its Cold War role as the gendarme in the Middle East (Даже американцы признают, что Израиль уже не может быть жандармом на Ближнем Востоке, как во времена холодной войны)*.

Жестокого угнетателя, мучителя обозначают метафорические производные существительного *палач/executioner*: *Жертвы 1937-го и других страшных лет соседствовали с палачами; When Prokofiev's death coincided with Stalin's, besides an executioner Russia lost a genius (Когда смерть Прокофьева совпала со смертью Сталина, помимо палача Россия лишилась гения)*. Для английского языка также характерен перенос *палач* – «убийца, нанятый политической или криминальной группировкой»: *Paul Newman as a ganglord, and Tom Hanks as his trusted executioner (Пол Ньюман в роли главаря банды и Том Хэнкс в роли его преданного палача)*.

Помимо названных видов деятельности, с особой жестокостью у носителей языка ассоциируется тюремный надзор, процесс дознания, охрана порядка: *Соблюдению режима надо научить, а не контролировать его, подобно*

надзирателю; Запад на современном этапе во многом занял роль тюремщика для России; Корсеты стали ежедневными инквизиторами женского тела; The priest watches her like a policeman must watch suspected criminals (Священник смотрит на нее, как полицейский должен смотреть на преступников); It is critical that a good athlete has a coach that will also listen to them. An athlete often needs more of a companion than a slave-driver (Важно, чтобы у хорошего спортсмена был тренер, который также умеет слушать. Спортсмену часто нужен друг, а не погонщик рабов).

В обоих языках отрицательный оценочный компонент включают метафоры существительных *цензор/censor* и называют того, кто строго контролирует что-либо: Судьба: в советские годы его повесть, одобренную Твардовским в «Новом мире», запретила цензура, а на заре свободы слова самым страшным цензором стали деньги; *We don't want to spend our time being censors, so please help us by honoring the rules (Мы не хотим тратить время на то, чтобы быть цензорами, поэтому, пожалуйста, уважайте правила).* Цензура хоть и не относится к правоохранительной сфере, однако также представляет собой систему надзора – за печатью и средствами массовой информации, – а значит, подавляет свободу и вызывает негативные ассоциации.

Отрицательно воспринимается обществом деятельность из сферы мясозаготовки. Вполне естественно, что работники, занятые убоем животных, представляются носителю языка кровожадными, жестокими мучителями, что отражается в метафорах: Жуков, конечно, великий полководец, но большего мясника, чем он, я в истории не знаю; Да и то, лишь на фоне нищих пенсионеров, плачущих под красными знамёнами о временах живодёра Сталина; *Taiwan is not China and they don't kill people like the butchers in Beijing (Тайвань – не Китай, они не убивают людей, как мясники из Пекина).* Убийство животных во время охоты также вызывает негативные ассоциации, поэтому в процессе метафоризации существительных *охотник/hunter* формируются значения «тот, кто преследует кого-либо или что-либо с целью заполучить, задержать или уничтожить»: *Что мёртвые для папарацци, для охотников за сенсациями!; ...such programs are less likely to attract bargain hunters*

and more likely to create ideal customers (Такие программы вряд ли привлекут охотников за выгодой, но вполне может создать условия для идеальных покупателей). Пейоративный оценочный компонент в английском языке включают метафоры номинации *axeman* (лесоруб), что обусловлено грубостью действий при лесозаготовке. Метафорические дериваты обозначают того, кто серьезно реорганизует, ломает: *Initially, he played down reports that he was being brought in as an "axeman". But one of his first acts was to shed about 100 jobs (Изначально он отшутился от сообщений, что его назначили в качестве «лесоруба». Но одним из его первых действий стало сокращений около 100 рабочих мест).*

3.6.7. Волшебство и магия

Регулярно в русском и английском языках положительную оценку содержат метафоры, образованные от существительных, именующих магов и чародеев. При переносе признаков ‘наличие сверхъестественных способностей’ преобразуется в такие признаки, как ‘наличие таланта’, ‘выдающиеся, необычные способности’, ‘исключительные качества’.

Так, *волшебником/ wizard* называют того, кто поражает своими выдающимися знаниями и умениями: *Как истинный волшебник кисти, Аркадий Петрович умел нарисовать и свежесть ветра, и яркость солнца, и «звон мошкары, что в горячих лучах клубится»;* *In addition to being a wizard with the camera, Eastwood has made some truly great movies (В добавок к тому, что он – волшебник с камерой, Иствуд создал несколько по-настоящему великих фильмов).* Кроме того, в английском языке название *Wizard* (Волшебник) получил популярный инструмент, позволяющий пользователю компьютера быстро и наглядно осуществить те или иные настройки в компьютерной программе, т.е. данная функция прекрасно разбирается в устройстве компьютера и облегчает задачу пользователя.

Метафорические производные лексем *кудесник, чудодей, чародей, magician* (*mag*), *enchanter* (*чародей*) помогают обозначить тех, кто изумляет, восхищает своим

мастерством, искусством, кто совершает нечто необычное, удивительное: *Мой старший внук Антон – специалист и кудесник в делах компьютерных*; *Рана оказалась глубокой, но, по счастью, хирург был чудодеем и успокоил бедную Валу, обещая применить для перевязки материал телесного цвета, такой, что публика ничего не заметит*; *Вечер музыки для скрипки и фортепиано в исполнении скрипача-чародея, русского Паганини Максима Федотова*; *Brazil's football team was heralded as **the magicians of football** (О бразильской футбольной команде возвещали как о **футбольных магах**)*; *I'm an enchanter, and I worked with cars before the incident, your car busted, you could bring it to me, and I'd fix it right up (Я – **чародей**, я раньше работал с машинами, твоя машина сломалась, пригони ее мне, я мигом ее починю)*.

Номинации магов и волшебников становятся синонимом не только тех, кто восхищает своим мастерством, но и тех, кто пленяет внешней красотой, обаянием: *Свой мужской выбор Гриша сделал девятнадцатилетним солдатом в... где стоял их полк и где жила **кареглазая чаровница** — учительница Ирина*; *Mahira Khan looks like an enchantress in this off-white saree. Mahira has stolen many hearts, all credits to her enigmatic looks (Махира Хан **выглядит как колдунья** в этом сари цвета топленого молока. Махира разбила много сердец из-за своей чарующей внешности)*.

Однако есть и исключения из описываемой метафорической модели: занятия черной магией, связь с нечистой силой ассоциируются с безобразной внешностью, сварливостью, злостью: *И тут дверь крайней моей палаты распахнулась, и оттуда выскочила эта **старая ведьма***; *His portraits of his mother often show her in an unattractive guise - stern, with staring or vacant eyes and a downturned mouth; she herself said he made her **look like a witch** (На портретах он часто изображал мать непривлекательной – суровой, с пристальным или отсутствующим взглядом и опущенными уголками рта; она сама говорила, что он делал ее **похожей на ведьму**)*. Даже если ведьма красива, то ее очарование зловещее, сулящее беду: *This is typical of the news media: Focus on a negative few, and reduce girls to two stereotypes - **witch** and victim (Это характерно для новостных источников: фокусироваться на нескольких отрицательных персонажах и свести девушек к двум категориям – **ведьмы** либо жертвы)*.

Колдуны и волшебники восхищают своими способностями, недоступными обычному человеку, неподдающимися объяснению, они манят и очаровывают, поэтому лексика данной сферы регулярно используется для метафорической номинации тех, кто обладает исключительными умениями или пленительной красотой.

3.6.8. Религия

Номинации служителей традиционных религий в метафорической системе русского языка не так многочисленны, как в английском (5 и 8 единиц соответственно). В русском языке преобладают номинации служителей древних культов, участников иностранных религиозных движений, участников оккультных действий. Вероятно, такие различия объясняются тем, что православная церковь более консервативна и закрыта, отчего менее понятна простому человеку, в отличие от демократичной, открытой для каждого англиканской (протестантской) церкви.

Метафоры данной группы не объединены одной метафорической моделью и образованы на основании различных характеристик в зависимости от положения, занимаемого тем или иным церковнослужителем или религиозным деятелем, и его функций.

По общей схеме метафоризируются обозначения церковнослужителей низшего ранга: они используются для косвенной номинации лиц скромного внешнего вида, а также ведущих уединенный, аскетический образ жизни: *Взять хотя бы знаменитого математического монаха* [ведет закрытый образ жизни] *из Петербурга – Григория Перельмана; Вера, одетая почти монашкой, перед выходом только веки едва подвела, весь день ждала реакции; Иосиф Виссарионович при всей силе и власти, по существу, одинокий человек, кремлевский затворник, не может позволить себе быть добрым; Did Steve Jobs live like a monk? (Стив Джобс жил как монах?); I have to live like a nun to do it. I can't go out late or be in smoky bars because I would totally lose my voice (Я должна жить, как монашка, чтобы осуществить это. Я не*

могу выходить поздно или посещать прокуренные бары, потому что совсем потеряю голос). В большинстве случаев описанные метафоры включают негативный оценочный компонент, подчеркивая неприятие обозначаемого образа жизни или внешности.

Следующую группу составляют распространители вероучений. Номинации *проповедник*, *preacher* (*проповедник*), *missionary* (*миссионер*) нередко становятся обозначением тех, кто пропагандирует, распространяет какие-либо взгляды, идеи, выступает поборником чего-либо. Причем в большинстве случаев такая деятельность оценивается со знаком «минус», поскольку людям, названным с помощью метафор *проповедник / preacher*, свойственна наставляющая, поучающая манера общения, они не отличаются гибкостью, живостью ума и слепо преданы какой-то идее, часто неверной: *Тезис о «конце фундаментальной науки» абсолютно не обоснован, а его проповедники вольно или невольно оказывают обществу очень плохую услугу; Кучма тоже выступает в манере проповедника, вкрадчиво, убежденно в правоте сказанного; ...lurid food images invite pilgrims to gorge themselves with all things coded as forbidden by health preachers and the diet industry (...кричащие изображения еды приглашают пилигримов насытиться всем, что проповедники здоровья и индустрия диетологии называют запретным); In his public speeches in late 2013, Putin sounded like a preacher: he harshly criticised the “Euroatlantic” countries for their decadence and immorality (В своих публичных выступлениях в конце 2013 года, Путин говорил, как проповедник: он жестко критиковал евроатлантические страны за распущенность нравов и аморальность).* Однако положительную оценку содержат метафоры существительного *missionary* (*миссионер*), затронутые в Параграфе 3.6.1.

В английском языке встречаем также модель метафоризации, отсутствующую в русском языке: номинации учеников и последователей Христа формируют метафорические производные со значением «ярый сторонник новой идеи, ее ревностный защитник». Примером могут служить следующие употребления: *...he was part of the circle of Robert Henri, the chief apostle of the idea that art should be in touch with everyday life (...он был частью окружения Роберта Генри, главного*

*апостола идеи о том, что искусство должен быть связано с ежедневной жизнью); He intended the opera for radio, in the days when people thought of radio as **an evangelist of art** (Он создал эту оперу для радио в те дни, когда люди считали радио евангелистом искусства).*

3.6.9. Торговля и финансы

Обозначения продавцов и финансистов не слишком широко представлены в метафорических системах рассматриваемых языков (5 лексем в русском языке и 4 – в английском). Интересно, что в обоих языках метафоры из сферы торговли регулярно включают отрицательный оценочный компонент, однако основания для негативной оценки различаются в зависимости от языка.

Так, в английском языке номинации торговцев служат для обозначения тех, кто занимается распространением чего-либо незаконного, неприятного (*merchant – купец, торговец, peddler – торговец вразнос*) или использует агрессивные, сомнительные методы торговли (*huckster – мелочной торговец*): *It is not hard to explain the inability of the world establishment to deal more effectively with these **merchants of death** (Несложно объяснить, почему мировая система управления неспособна более эффективно противодействовать **торговцам смертью**); That was a basis on which to call us **frauds, liars, and smear merchants** (Это было основание, на котором нас называли мошенниками, лгунами и **торговцами клеветой**); People feel excluded from society, excluded from politics and people who are **peddlers of fear and hate** can capitalise on that (Люди чувствуют себя исключенными из общества, отстраненными от политики, и **торговцы страхом и ненавистью** наживаются на этом); David Lynch – **a peddler of the deeply unsettling and the obtuse** (Дэвид Линч – **торговец тем, что выбивает из колеи и сложно для восприятия**); As any **huckster** can tell you, when the quality goes down, the hype goes up (Любой **мелочной торговец** скажет вам, что как только качество падает, рекламная шумиха растет).*

В русском языке акцент сделан на личных качествах продавца: метафоры лексем *коммерсант*, *лавочник*, *спекулянт*, *торгаш* становятся средством косвенной номинации алчных людей, готовых на многое ради наживы, умышленно использующих что-либо в личных корыстных целях. Доказательством сказанного служат следующие примеры: *Рынок наводнили многочисленные **недобросовестные «коммерсанты»**. Распространенной, например, стала практика, когда жильцов обязывали платить за сделанный лишь на бумаге ремонт, лишние квадратные метры, мусоропровод в домах, где его вообще никогда не было; Лапшин и его окружение давно превратились в лавочников от политики, беззастенчиво торгуют брендом Аграрной партии; О каких тогда равных возможностях для женщины говорят **спекулянты и спекулянтки от политики**? Разговоры идут о возможности для женщины стать премьер-министром, министром обороны или снайпером какой-нибудь войны; Отец говорит, что **все эфиры – это грязная пасть политиков и *торгашей***. Метафорические производные архаизма *ростовщик* в современном русском языке именуют алчных банкиров, ссужающих деньги под высокий процент, или финансистов-корыстолюбцев: ...что может заменить полностью скомпрометировавшее себя «демократическое» устройство западного мира, управляемого **грязными ростовщиками**, бесстыдно манипулирующими менее ловкими людьми, и так далее. Сходные метафоры формирует лексема *usurer* (*ростовщик*) в английском языке: ***Capitalists were usurers and enemies of labor*** (*Капиталисты были ростовщиками и врагами труда*).*

Как уже отмечалось в тексте данной Главы, русскую культуру отличает неприятие мелочности, мещанства, пристрастия к внешней стороне жизни, стяжательства [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012б: 129-135; Степанов 2004: 580-590]. Ценится скромность, неприхотливость, бескорыстие, считается, что человек не должен хвалиться своими доходами, что материальное второстепенно. Погоня за материальными ценностями, стремление к накопительству резко осуждаются (см., напр. анализ концепта «собственность» в работе [Бабаева 2005], концепта «купля/продажа» в работе [Осипова 2005]). Поэтому при метафорическом осмыслении акцентируются негативные качества продавца как личности. Кроме

того, торговля не является созидательным трудом, нацеленным на получение утилитарного продукта, поэтому торговая деятельность расценивается как полезная и благородная.

Отдельно стоит сказать о метафоризации лексики, в денотативное ядро которой входит признак ‘работа по найму’, ‘выполнение работы за деньги’. Это такие существительные, как *наемник*, *наймит*, *кондогьер*, *проститутка*, *mercenary* (*наемник*), *prostitute* (*проститутка*). В обоих языках они формируют метафоры по одинаковой модели: переносные значения данных существительных используются для обозначения продажных, беспринципных, алчных людей: *Этот опус предоставляет олигархам, читай, бандитам у власти, возможность подкупать целые партии и через них проталкивать в Госдуму своих наймитов; Ельцин разделил власть не как положено в нормальном обществе, между элитами, а между командами кондогьеров; ...я то ругал себя литературной проституткой, то прикидывал, как на сыровский гонорар поеду в Европу; They condemned the creators of mass culture as mercenaries who cared for art and literature only as a means to profit (Они осудили создателей массовой культуры, назвав их наемниками, которые думают об искусстве и литературе только как о средстве наживы); I want to see philosopher kings, not political prostitutes pandering to special interests (Я хочу видеть королей-философов, а не политических проституток, угождающих отдельным интересам).*

Таким образом, метафоризация лексики из сферы торговли и финансов строится, главным образом, на ассоциациях, связанных с представителями торговых профессий, культурных стереотипах. Негативная оценочность связана с неприятием алчности, беспринципности, корысти.

Выводы по третьей главе

Изучение функционирования номинаций трудовой деятельности в корпусе существенно дополнило наши знания о метафорической системе языка, полученные

на материале изучения толковых словарей, что может служить аргументом в пользу целесообразности обращения к различным источникам лингвистического материала для всестороннего изучения метафоризации в тех или иных лексико-семантических объединениях.

В процессе нашей работы отчетливо проявились такие преимущества лексикографического анализа, как опора на профессионализм составителей словарей, которые обработали колоссальные материалы картотек и системно описали семантические структуры рассматриваемых существительных. Благодаря привлечению словарных данных, мы смогли выделить имена существительные с семантикой субъекта трудовой деятельности, а также те из них, которые могут употребляться как метафоры, в том числе смогли исключить из анализа вторичные значения производных слов, образованные в результате множественной деривации от одного или нескольких значений производящей лексемы и не выводимые из исходного значения. Использование базы словарей существенно облегчило выявление основных закономерностей, характерных для рассматриваемого фрагмента метафорической системы, и упростило статистические подсчеты, опирающиеся на структуру значения языковых единиц. Опираясь на словарные данные, мы определили тематические группы, наиболее активные в плане формирования переносов по сходству, а также семантические сферы, пополняемые за счет таких метафор, наметили основные направления изучения метафоры трудовой деятельности на материале лингвистических корпусов. Кроме того, словарные дефиниции включают мало используемые, специализированные метафоры, которые отсутствуют в базе корпуса или их доля очень мала (названия представителей флоры и фауны, некоторых артефактов, объектов неживой природы и др.).

На втором этапе нашего исследования был использован корпусный анализ, который дал возможность изучить особенности функционирования метафор трудовой деятельности, выявить новые оттенки смысла, а также новые переносные употребления, привлечь к анализу значения, реализованные в сравнительных конструкциях, которые мы рассматриваем как проявление метафорической природы

мышления. Корпусный материал позволил сделать подсчеты относительно частотности метафорических употреблений и сделать вывод о том, какие регулярные переносы являются наиболее значимыми для носителей языка. Кроме того, благодаря изучению контекстов мы смогли сделать выводы об оценочном компоненте в структуре значения интересующих нас метафор.

Жанр словарной статьи не позволяет отразить всей полноты значения слова, всех оттенков смысла метафорических значений. Нормализаторская роль толковых словарей, позволяющая сохранять язык и обеспечивать его существование на протяжении столетий, накладывает ограничения на включение некоторых значений в словник. Словарь фиксирует язык в определенный момент его развития и не способен отразить динамизм семантики языковых единиц: одни значения уходят из языка, другие появляются в нем. В материалах корпусов обнаружено множество метафорических значений, не зафиксированных толковыми словарями. С другой стороны, в материалах исследованных корпусов не удалось обнаружить многие метафорические значения, которые представлены в словниках.

В задачи данной работы не входило решение проблемы о том, в какой мере при составлении толковых словарей стоит учитывать реальные значения языковых единиц, закрепленных в сознании современного носителя языка и отраженных в корпусном материале. Сопоставление словарных и корпусных данных лишь позволяет увидеть насколько привлечение к исследованию корпусного материала расширяет наши знания о метафоризации существительных, называющих человека по его трудовой деятельности. Изучение функционирования метафор на основе корпусных примеров дает материал, который позволяет реконструировать фрагмент когнитивной картины мира носителей русского и английского языков, рассмотреть особенности концептуализации окружающей действительности сознанием, увидеть отражение элементов ценностной картины мира в языке.

Таким образом, словарные и корпусные данные взаимно дополняют друг друга при исследовании метафоризации, позволяют более глубокого изучить специфику конкретного фрагмента метафорической системы языка. Можно предположить, что использование других методов и источников (например, данных

психолингвистических экспериментов) создаст новые возможности для расширения существующих представлений о метафоризации существительных со значением трудовой деятельности.

Наше исследование показало, что, несмотря на сходную когнитивную операцию, лежащую в основе метафоры и сравнения, эти два типа уподобления имеют семантические различия как в русском языке, так и в английском: в сравнениях, как правило, аналогия устанавливается на основе внешних атрибутов, часто сходство базируется лишь на одном признаке, который выражен эксплицитно, метафора же чаще строится на подобию более глубокого уровня, в ней задействованы сразу несколько признаков (поэтому, например, бывает так сложно выделить основание переноса в метафоре).

Подсчет доли метафор в общем числе вхождений лексемы в корпус позволил выявить наиболее частотные метафоры, а также лексемы, в которых первичное значение вытесняется переносным. Частота метафорических употреблений повышается не только по причине востребованности метафоры, но также вследствие редкого использования лексемы в первичном значении, что происходит в случае устаревших и устаревающих слов, слов, называющих работников в иностранных государствах, а также номинирующих работников непопулярных, узких сфер деятельности.

Привлечение корпусного материала, расширение знаний о реальном функционировании метафор трудовой деятельности в речи дало возможность перейти к проблеме метафорического моделирования. Выявление метафорических моделей, лежащих в основе метафор трудовой деятельности, позволяет сделать вывод о системности когнитивных процессов, обеспечивающих метафоризацию. Каждая метафора существует не обособленно, а является отражением общих когнитивных механизмов. В метафорах проецируется то, как человек осмысляет окружающую действительность, какую систему ценностей, ассоциаций и стереотипов он имеет.

Анализ лексикографического и корпусного материала показал, что в основе метафор трудовой деятельности в русском и английском языках лежат сходные

метафорические модели, имеющие лишь незначительные различия, что подтверждает общечеловеческий характер принципов, находящихся в их основе. Как уже отмечалось во второй главе, в подавляющем большинстве случаев метафора трудовой деятельности функционирует внутри социальной макросистемы, т.е. используется для обозначения человека.

Важно также, что метафора трудовой деятельности в рассматриваемых языках часто сочетает в себе именование деятеля, характеристику его деятельности и социальных отношений с оценкой этих характеристик. Тип оценки может основываться на ассоциациях и стереотипах, существующих в обществе, на представлении об утилитарной и социальной значимости определенной трудовой деятельности, степени ее сложности, устаревшем или прогрессивном характере труда.

Так, преимущественно положительно оценивается в обоих языках созидательная деятельность: земледелие, строительство, кузнечное дело, садоводство, обучение, уход за детьми и пр. Положительная оценочность также характерна для метафор творческих занятий, исключение составляют актеры и циркачи: их работа ассоциируется с неестественностью и притворством, а значит – угрозой обмана. Искусственность и чрезмерность, в целом, порицаются. Положительный оценочный компонент включают метафоры из сферы волшебства и магии, они называют людей, очаровывающих своими невероятными способностями.

Отрицательную оценку содержат метафоры лексики, описывающей низкоквалифицированный труд. Низкий уровень квалификации работника, устаревший характер производства, непрестижность занятия при метафоризации преобразуются в отрицательную оценку интеллектуальных способностей и личностных качеств человека. Кроме того, осуждается прислуживание, раболепство, а также такой стиль руководства и управления, который душит всякое проявление инициативы. Порицается любая деятельность, связанная с убийством, жестокостью, надзором и дознанием.

Несмотря на сходство регулярных моделей метафоризации, русский и английский языки демонстрируют и некоторые различия, обусловленные культурными факторами.

Высокая доля оценочных метафор среди рассмотренных свидетельствует о том, что метафора трудовой деятельности выступает средством выражения эмоционально-оценочного отношения говорящего к предмету высказывания, средством эмоционального воздействия на адресата, а также закладывает систему представлений о «хорошем» и «плохом», которая наследуется каждым последующим поколением как элемент традиционного знания, конструирует ценностную картину мира.

Заключение

В настоящее время в лингвистике остаются дискуссионными многие вопросы в области сопоставительного изучения метафорики: не прекращается полемика о лингвокультурной специфике метафорической системы, о роли метафор в осмыслении действительности и оформлении национальной картины мира.

Изучение метафоризации на материале неблизкородственных языков демонстрирует, что основные различия между русским и английским языками обнаруживаются в ходе работы со словарными данными при количественном анализе формальных показателей, не затрагивающих семантику языковых единиц, и связаны с существенными различиями в грамматическом строе русского и английского языков.

Общие семантические особенности исследуемой метафорической подсистемы, а также основные закономерности ее функционирования оказываются сходными в обоих языках. Различия, как правило, встречаются на более низком уровне обобщения, а также на уровне отдельных лексем. Таким образом, можно заключить, что в целом рассмотренные системы метафор отражают универсальные особенности осмысления мира всем человечеством либо черты мировосприятия, характерные для жителей России и стран Запада, а также содержат в себе отпечатки национальной культуры и менталитета.

Как показал анализ, источником метафорической экспансии чаще всего служит лексика, описывающая сферы, наиболее близкие и понятные носителю языка, имеющие продолжительную историю существования в обществе. Стремление опереться на что-то конкретное и знакомое в процессе мыслительной деятельности также обуславливает преобладание видовых обозначений над родовыми. Высокую частоту метафорического использования имеют лексические единицы, редко используемые в своем первичном значении: обозначения устаревших или устаревающих, непопулярных занятий.

В данной работе изучение метафорики проводилось сначала на материалах лексикографии и затем на базе лингвистических корпусов. Несмотря на

существенные различия между названными источниками языковых данных, основные закономерности метафоризации, выявленные на их основе, совпадают. Лексикографический и корпусный методы исследования метафоризации удачно дополняют друг друга и позволяют добиться более полных результатов, чем это было бы возможно только при использовании лексикографического или только корпусного анализа. Именно поэтому лексикографический и корпусный методы анализа – это не конкуренты, а следовательно, даже при дальнейшем развитии компьютерной техники корпусный анализ никогда не вытеснит традиционный лексикографический метод анализа лексики, в том числе анализ метафоризации. Вместе с тем следует учитывать, что существуют такие аспекты исследования метафоризации, в рамках которых более эффективно использование именно корпусной или именно лексикографической методики.

Современная метафорическая система языка во многом традиционна и содержит в себе следы предыдущих эпох, поскольку источником метафоризации регулярно выступает лексика, обозначающая реалии патриархального быта и культуры, сохраняют продуктивность метафорические модели, основанные на традиционной картине мира.

Проведенное исследование в очередной раз доказывает, что социальная метафора преимущественно функционирует внутри социальной макросистемы, поскольку в подавляющем большинстве случаев метафора трудовой деятельности используется для характеристики человека: его эмоциональной, интеллектуальной деятельности, социальных отношений. Однако стоит отметить значительную роль метафоры трудовой деятельности в вербализации научной картины мира: перенос на основании сходства с представителем той или иной трудовой области способствует номинации различных представителей животного и растительного мира.

Основанием антропоцентрической метафоры трудовой деятельности выступают не только особенности конкретного вида труда, но также стереотипные представления о качествах работника как личности. Таким образом, при метафоризации актуализируются ассоциации, культурные представления, исторический опыт нации, связанные с представителями той или иной трудовой

деятельности и этим видом труда в целом. Изучение метафорического моделирования на примере метафоры трудовой деятельности позволяет реконструировать фрагменты ценностной картины мира, отсутствующие в первичных значениях языковых единиц, и сделать вывод о системности когнитивных процессов, лежащих в основе метафоризации. Метафора интегрирует и категоризирует опыт и знания, накопленные человеком, моделирует информацию в сознании людей.

На основе изучения функционирования метафор имен существительных со значением субъекта трудовой деятельности нам удалось установить, что для русского и британского языкового сознания характерна тенденция к образованию метафор, в основе которых лежит сходство в восприятии и концептуализации мира. Универсальный характер имеют метафоры более высокого уровня: оба языка роднит в целом положительное отношение к созидательной деятельности, творчеству, волшебству, а также неприятие жестокости, насилия, чрезмерности, раболепства, фальшивого поведения. Однако сходство на высоком уровне обобщения не отменяет национальной специфики: русский и английский язык прибегают к разным лексемам в рамках одной и той же метафорической модели в зависимости от того, какой род трудовых занятий более популярен в соответствующей культуре. Кроме того, в одном языке метафорическая модель может получить такое развитие, которое не характерно для другого языка.

Характерная черта метафоры трудовой деятельности – ее оценочность: через метафору носитель языка выражает свою оценку различных социальных явлений. Однако характер оценки и доля оценочных метафор в русском и английском языке оказываются культуроспецифичными. В русском языке метафоры трудовой деятельности включают оценочный компонент чаще, чем в английском. Несмотря на общую тенденцию к преобладанию метафор с негативной оценкой, в русском языке доля таких метафор выше. Мы связываем данный факт с большей эмоциональностью русского этноса, а также склонностью к пессимизму.

Наличие оценочного компонента в структуре значения метафоры трудовой деятельности дает основание предполагать, что она участвует в определении

мировоззрения человека, ориентирует его в ценностном пространстве культуры, участвует в создании системы имплицитных этических нормативов. Вместе с усвоением метафор и оценок, содержащихся в них, каждое последующее поколение наследует систему представлений о «хорошем» и «плохом», формирующую базу национальной идентичности.

Поскольку мы рассматривали метафору с позиций когнитивной лингвистики, то включили в исследование все случаи проявления в языке когнитивной операции уподобления сущности одного вида сущности другого вида. Однако анализ собранного материала показал, что метафора и сравнение имеют различия не только в форме выражения, но и в характере устанавливаемой аналогии. Метафора затрагивает более глубокие уровни сходства (функциональное, сходство личностных качеств и пр.), задействует сразу несколько признаков, в то время как сравнение обычно строится на сходстве внешних атрибутов, основанием аналогии служит один признак, часто выраженный эксплицитно.

Перспективы дальнейшего исследования метафоризации существительных со значением трудовой деятельности мы видим в следующем:

- рассмотрение закономерностей метафоризации лексики трудовой деятельности с использованием других методов исследования (лингвостилистический анализ, контекстуальный анализ, психолингвистические методики, основанные на изучении реакций респондентов и др.);

- расширение материалов исследования за счет рассмотрения метафоризации глаголов и прилагательных с семантикой трудовой деятельности, что позволит сопоставить закономерности метафоризации слов, относящихся к различным частям речи;

- привлечение материалов других языков (в особенности языков стран Востока), что позволит полнее разграничить общие закономерности и национальные особенности, в том числе те, которые характерны для западной и восточной культуры;

– рассмотрение закономерностей метафоризации в диахроническом плане, что позволит проследить динамику изменений рассматриваемой метафорической системы во времени.

Список литературы

1. Авербух, К. Я. Культурная память слов как проявление языковых знаний о мире / К. Я. Авербух, Л. Г. Попова, Л. М. Шатилова // Инновационное развитие науки и образования: монография / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. – Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. – С. 15–22.
2. Агафонова, Л. П. К проблеме лексического значения слова («Дней связующая нить») / Л. П. Агафонова // Словарь. Грамматика. Текст. – М. : Высшая школа, 1996. – С. 44–49.
3. Аникин, Е. Е. Архетипы и инновации в диахронической динамике метафорических систем в политической коммуникации / Е. Е. Аникин, Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 1. – С. 5–11.
4. Апресян, В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27–35.
5. Апресян, Ю. Д. Избр. труды: В 2 т. Т. 1: Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 472 с. (1995а).
6. Апресян, Ю. Д. Избр. труды: В 2 т. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 766 с. (1995б).
7. Апресян, Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) / Ю. Д. Апресян // Русский язык: Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. – М. : Наука, 1992. – С. 45–64.
8. Апресян, Ю. Д. О регулярной многозначности / Ю. Д. Апресян // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1971. – Т. XXX. – Вып. 6. – С. 509–523.
9. Апресян, Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря / Ю. Д. Апресян // Прагматика и проблемы интенциональности. – М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – С. 7–42.

10. Аракин, В. Д. История английского языка / В. Д. Аракин. – М. : Просвещение, 1985. – 256 с.
11. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка / И. В. Арнольд. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 376 с.
12. Арнольд, И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования: на материале имени существительного / И. В. Арнольд. – Л. : Просвещение, 1966. – 192 с.
13. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык / И. В. Арнольд. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2002. – 384 с.
14. Арутюнова, Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н. Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики. 1982. – М. : Наука, 1984. – С. 5–54.
15. Арутюнова, Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. – М. : Наука, 1980. – С. 156–250.
16. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–33.
17. Арутюнова, Н. Д. Наивные размышления о наивной картине языка / Н. Д. Арутюнова // Язык о языке. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 7–22.
18. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
19. Арутюнова, Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры / Н. Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1978. – Т. 37. – № 4. – С. 333–343.
20. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
21. Арутюнова, Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) / Н. Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика. – М. : Наука, 1979. – С. 147–173.
22. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Советская Энциклопедия, 1969. – 608 с.
23. Бабаева, Е. В. Собственность / Е. В. Бабаева // Антология концептов. – Т.2. – Волгоград : Парадигма, 2005. – С. 288–299.

- 24.Бабенко, Л. Г. Картина мира в зеркале словаря (на материале идеографического словаря синонимов русской речи) / Л. Г. Бабенко // Когнитивные исследования языка. – 2016. – Вып. XXIV. – С. 96–104.
- 25.Бабенко, Л. Г. Лексикология русского языка / Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург : Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 2008. – 126 с.
- 26.Бабина, Л. В. К исследованию оценочного потенциала производных слов / Л. В. Бабина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2014. – № 1 (31). – С. 31–34.
- 27.Бабина, Л. В. Семантика производных слов, образованных от имен собственных аффиксальным способом: когнитивный аспект / Л. В. Бабина, И. В. Бочкарева // Вестник Северо-Осетинского гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2010. – № 3. – С. 69–74.
- 28.Бабина, Л. В. Этнокультурная специфика отражения представлений об уме в английском и русском языках / Л. В. Бабина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Владикавказ, 2011. – № 13. – С. 206–209.
- 29.Бабушкин, А. П. Обновление концептосферы языка как социолингвистическая проблема / А. П. Бабушкин // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 2. – Тамбов, 1999. – С. 75–80.
- 30.Багичева, Н. В. Россия – мать или мачеха? (метафорическое моделирование образа Родины) / Н. В. Багичева // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2000. – Т. 5. – С. 34–39.
- 31.Бадрызлова, Ю. Г. Основные методы и принципы создания русскоязычного корпуса концептуальной метафоры: опыт разметки с применением инструмента BRAT / Ю. Г. Бадрызлова, Р. Д. Керимов, Н. Г. Шехтман // Вестник Пермского ун-та. Серия: Российская и зарубежная филология. – 2013. – Вып. 3(23). – С. 82–92.
- 32.Балашова, Л. В. История русской метафоры: когнитивный аспект / Л. В. Балашова. – Saarbrücken : LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 534 с.
- 33.Балашова, Л. В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI – XX веков) / Л. В. Балашова. – Саратов : Изд-во СГУ, 1998. – 216 с.

34. Балашова, Л. В. Метафора игры в истории русского языка / Л. В. Балашова // Человек. Язык. Культура: сборник научных статей, посвященных 60-летию проф. В.И. Карасика: в 2-х ч. – Киев : Издательский дом Д. Бураго, 2013. – Часть 1. – С. 32–39.
35. Балашова, Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее / Л. В. Балашова. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 496 с. (2014а).
36. Балашова, Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI – XXI вв / Л. В. Балашова. – М. : Рукописные памятники Древней Руси : Знак, 2014. – 632 с. (2014б).
37. Балашова, Л. В. Элементы традиционности в современной русской языковой картине мира / Л. В. Балашова // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М. : Изд-во Московского гос. ун-та, 2007. – С. 476.
38. Банкова, Л. Л. Вербализация концепта «ТРУД» в британском варианте английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Банкова Людмила Львовна. – Нижний Новгород, 2007. – 22 с.
39. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 656 с.
40. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
41. Баранов, А. Н. Некоторые константы русского политического дискурса сквозь призму политической метафорики ('взаимоотношения бизнеса и власти', 'коррупция') / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Е. А. Шипова. – М. : Фонд ИНДЕМ, 2006. – 84 с.
42. Баранов, А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры / А. Н. Баранов // Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М. : Ин-т рус. яз. АН СССР, 1991. – С. 184–192.
43. Баранов, А. Н. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Г. А. Сатаров, Е. А. Шипова. – М. : Фонд ИНДЕМ, 2004. – 94 с.

44. Баранов, А. Н. Предисловие редактора / А. Н. Баранов // Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – С. 7–21.
45. Баранов, А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М. : Помовский и партнеры, 1994. – 330 с.
46. Бардовская, А. И. Цвето-звуковые метафоры русского языка (данные Национального корпуса русского языка) / А. И. Бардовская // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал) [Электронный ресурс]. – 2013. – №4 (24). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/tsveto-zvukovye-metafory-russkogo-yazyka-dannye-natsionalnogo-korpusa-russkogo-yazyka> – Дата обращения: 24.11.2016.
47. Басова, Л. В. Концепт ТРУД в русском языке (на материале пословиц и поговорок): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Басова Лариса Валерьевна. – Тюмень, 2004. – 19 с.
48. Бахмутова, Н. И. Лексико-семантическая группа как путь изучения метафоры языка и метафоричности мышления / Н. И. Бахмутова // Язык и общество: Особенности развития и функционирования общей и специальной лексики. – Саратов, 1993. – Вып. 9. – С. 92–101.
49. Белоусова, А. С. Унификация словарных толкований: ее реальные возможности (класс лиц) / А. С. Белоусова // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: Сб. ст. – М. : Наука, 1988. – С. 71–74.
50. Бёме, Р. Л. Пятиязычный словарь названий животных. Птицы / Р. Л. Бёме, В. Е. Флинт. – М. : Русский язык - РУССО, 1994. – 845 с.
51. Бессарабова, Н. Д. Метафора как языковое явление / Н. Д. Бессарабова // Значение и смысл слова: Художественная речь, публицистика. – М. : Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 1987. – С. 156–173.
52. Бирвиш, М. Семантика / М. Бирвиш // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. – М. : Прогресс, 1981. – С. 177–199.
53. Бирюкова, Е. В. О тенденциях развития современного сравнительно-исторического, типологического, сопоставительного языкознания / Е. В. Бирюкова, Л. Г. Попова //

- Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – №11 (53). – Ч. 3. – С. 40–43.
- 54.Блинова, О. И. Теория → словарь → теория → словарь / И. О. Блинова // Вопросы лексикографии. – Томск, 2012. – №1. – С. 6–26.
- 55.Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 153–172.
- 56.Бобровская, Е. Н. Множественная деривация как источник полисемии производного слова: (На материале суффиксал. производ. прилагат. совр. англ. языка): дис. ... канд.филол.наук: 10.02.04 / Бобровская Елена Николаевна. – М., 1984.
- 57.Богачева, Г. Ф. Абсолютная ценность русского слова в аспекте учебной лексикографии: дисс. ... канд.филол.наук: 10.02.01 / Богачева Галина Федоровна. – М., 2011. – 300 с.
- 58.Богоявленская, Ю. В. Репрезентативность лингвистического корпуса: метод верификации достоверности полученных данных / Ю. В. Богоявленская // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2016. – №4 (58). – С. 163–166.
- 59.Болдырев, Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 1. – С. 5–12.
- 60.Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. – 236 с.
- 61.Болдырев, Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. – М. : Языки славянской культуры, 2019. – 480 с.
- 62.Бондаревский, Д. В. Неизменяемость – ключевое явление аналитизма/ Д. В. Бондаревский // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – №7 (188). Филология. Искусствоведение. – Вып.41. – С. 8–12.
- 63.Борщев, В. Б. Естественный язык – наивная математика для описания наивной картины мира / В. Б. Борщев // Московский лингвистический альманах. – Вып.1. Спорное в лингвистике. – М., 1996. – С. 203–225.

64. Борщева, О. В. Концепт ТРУД и его репрезентанты в английской идиоматике / О. В. Борщева // Известия Саратовского ун-та. – Саратов, 2011. – Т.11. – Сер. Филология. Журналистика. – Вып. 3. – С. 34–36. (2011а)
65. Борщева, О. В. Концептуальное поле «ТРУД» сквозь призму идиоматики: дисс. ... канд филол наук: 10.02.19 / Ольга Владимировна Борщева. – Саратов, 2012. – 303 с.
66. Борщева, О. В. Паремиология русского языка в традиционной и современной картинах мира (на материале пословиц о труде) / О. В. Борщева // Известия Саратовского ун-та. – Саратов, 2011. – Т.11. – Сер. Филология. Журналистика. – Вып. 4. – С. 6–10. (2011б)
67. Боярская, Е. Л. Когнитивные основы формирования новых значений полисемантических существительных современного английского языка: дисс. ... канд филол наук: 10.02.04 / Боярская Елена Леонидовна. – М., 1999. (1999а).
68. Боярская, Е. Л. Некоторые особенности механизма порождения производных значений полисеманта / Е. Л. Боярская // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. – Калининград : Изд-во КГУ, 1999. – С.49–55. (1999б).
69. Бреус, Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский / Е. В. Бреус. – М. : Изд-во УРАО, 2000. – 208 с.
70. Брызгунова, Е. А. Тенденции к аналитизму в русском языке: современное состояние / Е. А. Брызгунова // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М. : Изд-во Московского гос. ун-та, 2007. – С. 14–15.
71. Будаев, Э. В. Россия, Грузия и страны Балтии в зеркале российских и британских метафор родства / Э. В. Будаев // Известия УрГПУ. Лингвистика / Урал. гос. пед. ун-т. – Вып. 18. – Екатеринбург, 2006. – С. 34–57.
72. Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 248 с.
73. Будаев, Э. В. Метафора как способ представления политических знаний: современные направления исследования / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Когнитивные исследования языка. Вып. II. Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: Сб. науч. трудов. – Тамбов, 2007. – С. 146–162.

- 74.Будаев, Э. В. Политическая метафорология: Ракурсы сопоставительного анализа / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2010. – №1 (31). – С. 9–23. (2010а).
- 75.Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология: дисс... доктора филол. наук: 10.02.20 / Будаев Эдуард Владимирович. – Екатеринбург, 2010. – 580 с. (2010б).
- 76.Будыкина, В. Г. К проблеме лексикографического анализа словарей: Greenwood Dictionary of Education / В. Г. Будыкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2011. – №3 (10). – С. 24–26.
- 77.Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
- 78.Буслаев, Ф. И. Преподавание отечественного языка / Ф. И. Буслаев. – М. : Просвещение, 1992. – 512 с.
- 79.Ваганова, Н. В. Современные заимствования из английского языка: семантико-словообразовательный аспект: На материале англицизмов конца XX-начала XXI в. в современном русском языке: 10.02.01 / Ваганова Наталья Вячеславовна. – Нижний Новгород, 2005. – 279 с.
- 80.Вапник, Н. А. Концепт «Трудовая деятельность человека» в лексико-фразеологической системе английского, немецкого и русского языков: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Вапник Наталья Александровна. – Москва, 2015. – 214 с.
- 81.Васильев, Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли, речи / Л. М. Васильев // Очерки по семантике русского глагола. – Уфа : Изд-во Башкирского унта, 1971. – С. 38–310.
- 82.Ваулина, Е. Ю. Картина мира в языковой метафоре / Е. Ю. Ваулина, Г. Н. Скляревская // Scando-Slavica. – Copenhagen, 1995. – Т. 41. – С. 200–213.
- 83.Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

84. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
85. Вежбицкая, А. Сравнение – градация – метафора / А. Вежбицкая // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 133–152.
86. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
87. Виноградов, В. В. Лексикология и лексикография: Избр. труды / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 312 с.
88. Виноградов, В. В. Поэтика русской литературы / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1976. – 512 с.
89. Виноградов, В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1972. – 614 с.
90. Винокур, Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика / Г. О. Винокур. – М. : Наука, 1990. – 452 с.
91. Виссон, Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур / Л. Виссон. – М. : Р.Валент, 2005. – 192 с.
92. Вольф, Е. М. Метафора и оценка / Е. М. Вольф // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 52–65.
93. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 229 с.
94. Воркачев, С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа: Монография / С. Г. Воркачев. – Краснодар : Техн. ун-т КубГТУ, 2002. – 142 с.
95. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филол. науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
96. Гак, В. Г. К проблеме семантической синтагматики / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – М. : Наука, 1972. – С. 367–395.
97. Гак, В. Г. Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 11–26.

98. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков / В. Г. Гак. – М. : Международные отношения, 1977. – 264 с.
99. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Школа Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
100. Гальперин, И. Р. Проблемы лингвостилистики / И. Р. Гальперин // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1980. – Вып. IX. Лингвостилистика. – С. 5–34.
101. Галявиева, Л. Ш. Фразеологические единицы с компонентом-наименованием лица по профессии в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Галявиева Лейсан Шагиахматовна. – Казань, 2018. – 24 с.
102. Ганиева, И. Ф. Об использовании корпусов в лингвистических исследованиях / И. Ф. Ганиева // Вестник Башкирского университета. – 2007. – Т.12. – №4. – С. 104–106.
103. Гинзбург, Е. Л. Одноименность однокоренных производных / Е. Л. Гинзбург // Проблемы структурной лингвистики 1976. – М. : Наука, 1978. – С. 34–136.
104. Глебкин, В. В. Метафора механизма и теория концептуальной метафоры Лакоффа-Джонсона / В. В. Глебкин // Вопросы языкознания. – 2012. – №3. – С. 51–68.
105. Голанова, Е. И. Полисемия или вторичное заимствование? / Е. И. Голанова // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина. – М. : Языки славянской культуры, 2007. – С. 117–125.
106. Голованов, И. А. Аксиологические константы русской ментальности (на материале фольклорных текстов) / И. А. Голованов, Е. И. Голованова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – №1. – С. 13–24.
107. Голованова, Е. И. Взаимодействие научного и обыденного знания в термине-фразеологизме / Е. И. Голованова // Когнитивные исследования языка. Вып. III: Типы знаний и проблема их классификации: Сб. науч. трудов. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 119–130.
108. Голубкова, Е. Е. Дискурсивная составляющая в исследованиях по когнитивной семантике / Е. Е. Голубкова // Вестник Московского государственного

- лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2012. – Вып. 5 (638). – С. 90–98.
109. Голубкова, Е. Е. Использование лингвистических корпусов при решении семантических проблем / Е. Е. Голубкова // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – С. 39–81.
110. Голубкова, Е. Е. Новый облик современной лексикографии: будет ли существовать словарь через 20 лет? / Е. Е. Голубкова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2014. – Вып. 20 (706). – С. 73–80.
111. Гоннова, Т. В. Социокультурные характеристики концепта «ТРУД» в русском языковом сознании: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Гоннова Татьяна Витальевна. – Волгоград, 2003. – 166 с.
112. Горбов, А. А. К вопросу о семантическом калькировании и «вторичном заимствовании» в русском языке рубежа XX-XXI веков / А. А. Горбов // Вопросы языкознания. – 2015. – №1. – С. 87–101.
113. Горбунова, Л. И. В поисках универсальной концепции значения языкового знака / Л. И. Горбунова // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2011. – № 344. – С. 7–12.
114. Городецкий, Б. Ю. К проблеме семантической типологии / Б. Ю. Городецкий. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1969. – 564 с.
115. Графова, Т. А. Смысловая структура эмотивных предикатов / Т. А. Графова // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М. : Наука, 1991. – С. 67–99.
116. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. фон Гумбольдт // Гумбольдт, В. фон. Избр. труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1984. – С. 37–298.
117. Гусева, А. Е. Характеристика фразеологизмов в системе лексико-фразеологических полей по национально-культурному признаку (на материале

- немецкого и русского языков) / А. Е. Гусева // Вестник Тамбовского гос. ун-та. Гуманитарные науки. Филология. – 2008. – № 6 (62). – С. 50–58.
118. Гусев, С. С. Наука и метафора / С. С. Гусев. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. – 152 с.
119. Дементьев, В.В. Когнитивная генристика: внутрикультурные речевые ценности / В.В. Дементьев, В.В. Фенина // Жанры речи: Сб. науч. ст. – Саратов, 2005. – Вып.4. Жанр и концепт. – С. 5–34.
120. Дементьев, В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике / В. В. Дементьев. – М. : Глобал Ком, 2013. – 336 с.
121. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – №4. – С. 17–33.
122. Денисов, П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания / П. Н. Денисов. – М. : Русский язык, 1980. – 253 с.
123. Денисов, П. Н. Место и роль самых многозначных слов в лексической системе языка / П. Н. Денисов // Слово в грамматике и словаре. – М. : Наука, 1984. – С. 142–158.
124. Дзюба, Е. В. Лингвокогнитивная категоризация действительности в русском языковом сознании: дисс. ...доктора филол.наук: 10.02.01, 10.02.19 / Дзюба Елена Вячеславовна. – Екатеринбург, 2015. – 629 с.
125. Дронов, П. С. Как *несут крест* русские, англичане или немцы: модификация фразеологического интернационализма в трех языках / П. С. Дронов // Критика и семиотика. – Новосибирск, 2015. – № 2. – С. 216–227.
126. Дронов, П. С. Лавровый венец и его виды: варьирование идиомы *почивать на лаврах* в русском, английском и испанском языках / П. С. Дронов // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2014. – № 3. – С. 95–99.
127. Дронов, П. С. Очерки по культурным трансферам во фразеологии: Монография / П. С. Дронов. – М.: Институт языкознания РАН, 2018. – 102 с.

128. Дэвидсон, Д. Что означают метафоры / Д. Дэвидсон // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 173–193.
129. Еремина, М. А. Концепт труда в современном языковом сознании (на материале анкетных данных) / М. А. Еремина // Нижневартровский филологический вестник. – 2016. – №1. – С. 24–28.
130. Еремина, М. А. Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Еремина Марина Артуровна. – Екатеринбург, 2003. – 22 с.
131. Ермакова, О. П. Проблемы лексической семантики производных и членимых слов: дис. ... д-ра филол. наук / Ермакова Ольга Павловна. – М., 1977. – 433 с.
132. Ермоленкина, Л. И. Метафорические модели этико-эстетической оценки // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / Л. И. Ермоленкина. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2005. – С. 110–139.
133. Желтухина, М. Р. Лексико-фразеологическая специфика военной метафоры в современной прессе / М. Р. Желтухина, Т. Д. Магомадова // Вестник РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2012. – № 1. – С. 39–49.
134. Желтухина, М. Р. Метафорические модели в рамках метафорического моделирования «ПОЛИТИКА» - «ВОЙНА» в английском, немецком и русском медиадискурсе XXI века / М. Р. Желтухина, Т. Д. Магомадова // Когнитивные исследования языка. – Тамбов, 2015. – № 21. – С. 218–224.
135. Желтухина, М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Желтухина Марина Ростиславовна. – М., 2004. – 358 с.
136. Желтухина, М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография / М. Р. Желтухина. – М. : Ин-т языкознания РАН; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
137. Жельвис, В. Эти странные русские / В. Жельвис. – М. : Эгмонт Россия Лтд., 2002. – 96 с.

138. Жеребило, Т. В. Термины и понятия лингвистики: Лексика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: Словарь-справочник / Т. В. Жеребило. – Назрань : Пилигрим, 2011. – 128 с.
139. Зализняк, А. А. Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 672 с.
140. Зализняк, А. А. О пошлости и прозе жизни / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. – М. : Языки славянских культур, 2012. – С. 117–138. (2012б).
141. Зализняк, А. А. Отражение «национального характера» в лексике русского языка / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. – М. : Языки славянских культур, 2012. – С. 187–210.
142. Зализняк, А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 696 с. (2012а).
143. Захаров, В. П. Корпусная лингвистика / В. П. Захаров. – СПб : СПбГУ, 2005. – 48 с.
144. Зеличенко, Н. И. Усиление аналитизма в лексике современного немецкого и русского языков / Н. И. Зеличенко // Язык и культура. Приложение. – 2012. – №1. – С. 13–17.
145. Ирисханова, О. К. Метафора как акт лингвосемиозиса: на пересечении концептуального и языкового / О. К. Ирисханова // Когнитивные исследования языка. Вып. IX: Взаимодействие когнитивных и языковых структур: Сб. науч. трудов. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2011. – С. 78–95.
146. История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. – СПб. : Наука, 1998. – 616 с.
147. Кабакчи, В. В. В чужой монастырь со своим лингвокультурным уставом / В. В. Кабакчи, З. Г. Прошина // Личность, культура, общество. – 2012. – Т. XIV. – Вып. 1 (№№ 69–70). – С. 164–173.

148. Казакова, Т. А. Практические основы перевода. English ⇔ Russian / Т. А. Казакова. – СПб. : Изд-во Союз, 2001. – 320 с.
149. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. – Волгоград – Архангельск : Перемена, 1996. – С. 3–16.
150. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
151. Караулов, Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров // Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М. : Прогресс, 1989. – С. 5–11.
152. Караулов, Ю. Н. Словарь и человек / Ю. Н. Караулов // Теория языка и словари. – Кишинев : Штиинца, 1988. – С. 5–10.
153. Караулов, Ю. Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1980. – 208 с.
154. Каримова, Р. Х. Средства объективации концепта «Труд» в английской фразеологии / Р. Х. Каримова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – Новосибирск : СибАК, 2006. – №58. – С. 89–94.
155. Карпова, Н. С. Роль метафоры в развитии лексико-семантической системы языка и языковой картины мира: на материале английских и русских неологизмов: дисс... канд филол наук: 10.02.19 / Карпова Наталья Сергеевна. – Саратов, 2007. – 248с.
156. Карпова, О. М. Английская лексикография / О. М. Карпова. – М. : Академия, 2010. – 176 с.
157. Касьянова, К. О. О русском национальном характере / К. О. Касьянова. – М. : Академический проект, 2003. – 560 с.
158. Катермина, В. В. Русское чиновничество XIX века в зеркале фразеологии и художественной литературы / В. В. Катермина // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы. – Волгоград : Парадигма, 2005. – С. 104–116.

159. Кибрик, А. Е. Когнитивный подход к языку и типология / А. Е. Кибрик // Вторая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, 3 – 5 ноября 2005 г.): Материалы. – СПб., 2005. – С. 146–151.
160. Кнорина, Л. В. Классификация лексики и словарные дефиниции / Л. В. Кнорина // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: Сб. ст. – М. : Наука, 1988. – С. 60–63.
161. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
162. Кобозева, И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И. М. Кобозева // Вестник МГУ. Сер.9. Филология. – 2001. – №6. – С. 132–149.
163. Ковшова, М. Л. Концепт судьбы. Фольклор и фразеология / М. Л. Ковшова // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М. : Наука, 1994. – С. 137–142.
164. Козырев, В. А. Вселенная в алфавитном порядке: очерки о словарях русского языка / В. А. Козырева, В. Д. Черняк. – СПб. : Образование, 2000. – 356 с.
165. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1990. – 108 с.
166. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.
167. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи / В. Г. Костомаров. – СПб. : Златоуст, 1999. – 319 с.
168. Кочемасова, Д. Р. Языковое воплощение концепта «ТРУД, ТРУДОЛЮБИЕ» в английском и русском языках / Д. Р. Кочемасова // Вестник Чувашского государственного педагогического ун-та им. И. Я. Яковлева. – 2012. – №1. – С. 72–75.
169. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.
170. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2001. – 270 с.
171. Кретов, А. А. О лексико-семантическом инварианте и его роли в организации словаря / А. А. Кретов, Е. Н. Подтележникова // Вестник Воронежского

государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – №3. – С. 17–21.

172. Кретов, А. А. Общая лексикология / А. А. Кретов, Е. Н. Подтележникова. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского гос. ун-та, 2010. – 88 с.
173. Кропотова, Л. В. Лексикографические аспекты полисемии / Л. В. Кропотова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2006. – №14. – С. 107–109.
174. Крысин, Л. П. Иноязычное слово в контексте современной обществ жизни / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 142–161.
175. Крысин, Л. П. Слово о современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии / Л. П. Крысин. – М. : Знак, 2008. – 320 с.
176. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с.
177. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – №4. – С. 34–47.
178. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 141–172.
179. Кубрякова, Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте Контейнерана и формах его объективации в языке) / Е. С. Кубрякова // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1999. – Т.58. – № 5 – 6. – С. 3–12. (1999а).
180. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века: (Опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М. : Российский гос. гуманит. ун-т, 1995. – С. 144–238.

181. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
182. Кубрякова, Е. С. Языковое сознание и языковая картина мира / Е. С. Кубрякова // Филология и культура. Материалы 2-й междунар. конф. Ч. 3. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 1999. – С. 6–13. (1999б).
183. Кудратова, Г. Б. Сопоставительный анализ английских, русских и таджикских пословиц и поговорок, реализующих концепт «ТРУД» / Г. Б. Кудратова // Вестник современной науки. Волгоград, 2016. – №7. – С. 22–23.
184. Кудряшова, А. В. Концепт «ТРУД» в пословичной картине мира русского, английского и испанского языков / А. В. Кудряшова // Энергия науки: сборник VI Международной научно-практической интернет-конференции студентов и аспирантов. – Ханты-Мансийск: Изд-во Югорского гос. ун-та, 2016. – С. 737–740.
185. Кузнецова, Э. В. Лексикология русского языка / Э. В. Кузнецова. – М. : Высшая школа, 1989. – 216 с.
186. Куликова, Л. В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты / Л. В. Куликова. – Красноярск : РИО КГПУ, 2004. – 196 с.
187. Кустова, Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
188. Лагута, О. Н. Метафорология: теоретические аспекты: В 2 ч. / О. Н. Лагута. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 2003. – Ч.1. – 114 с.
189. Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика: Введение / Дж. Лайонз. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.
190. Лакофф, Дж. Метафора и война: Система метафор для оправдания войны в Заливе / Дж. Лакофф // Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург : УрГПУ, 2006. – С. 58–70.
191. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 387–416.

192. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
193. Лапина, Э. А. Метафора в терминологии микроэлектроники: На материале английского языка / Э. А. Лапина // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 134–145.
194. Ларина, Т. В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация / Т. В. Ларина. – М. : Языки славянских культур, 2013. – 360 с.
195. Лебедева, Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов) / Н. Б. Лебедева. – Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 1999. – 261 с.
196. Левонтина, И. Б. Ното *riger* / И. Б. Левонтина // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. – М. : Языки славянских культур, 2012. – С. 211 – 218. (2012а).
197. Левонтина, И. Б. Откуда есть пошла русская душа? / И. Б. Левонтина // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. – М. : Языки славянских культур, 2012. – С. 313–322. (2012б).
198. Лейбниц, Г. В. Сочинения в 4-х т. Т. 2 / Ред., авт. вступ. статьи и примеч. И. С. Нарский / Г. В. Лейбниц. – М. : Мысль, 1983. – 686 с.
199. Леонтович, О. А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию / О. А. Леонтович. – Волгоград : Перемена, 2003. – 399 с.
200. Леонтьев, А. А. Язык не должен быть «чужим» / А. А. Леонтьев // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. – М. : ММА им. И. М. Сеченова, Ин-т языкознания РАН, 1996. – С. 41–47.
201. Лещева, Л. М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте / Л. М. Лещева. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 254 с.
202. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Изв. РАН. Сер лит. и яз. – 1993. – Т.52. – № 1. – С. 3–9.

203. Логинова, Е. В. К вопросу о разграничении типов семантической информации / Е. В. Логинова // Сибирский филологический журнал. – 2012. – №3. – С. 159–166.
204. Лотман, Ю. М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Успенский Б. А. Избранные труды. – Т.1. – М. : Гнозис, 1994. – С. 219–253.
205. Льюис, Р. Истоки и пути культуры: от непримиримого разнообразия к международному диалогу / Р. Льюис // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации: XIII Международные Лихачевские научные чтения, 16 – 17 мая 2013 г. – СПб. : СПбГУП, 2013. – С. 109–113.
206. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
207. Майол, Э. Эти странные англичане / Э. Майол, Д. Милстед. – М. : Эгмонт Россия Лтд., 2001. – 72 с.
208. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры / Э. МакКормак // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 358–386.
209. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.
210. Медведева, А. В. Когнитивная роль метафоры в репрезентации семантических процессов / А. В. Медведева // Когнитивные исследования языка. Вып. II. Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: Сб. науч. трудов. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2007. – С. 162–170.
211. Мечковская, Н. Б. Метаязыковые глаголы в исторической перспективе: образы речи в наивной картине мира / Н. Б. Мечковская // Язык о языке. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 363–380.
212. Минский, М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 23. – С. 281–309.
213. Михайлова, А. Г. Лингвокультурный типаж «английский бизнесмен» / А. Г. Михайлова // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. – Волгоград : Парадигма, 2005. – С. 136–155.

214. Мишанкина, Н. А. Специфика метафорического моделирования научного дискурса / Н. А. Мишанкина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1. – С. 37–46.
215. Мишланова, С. Л. Специфика репрезентации научного и наивного знания в медицинском дискурсе (к проблеме метафорического моделирования) / С. Л. Мишланова // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы знаний и проблема их классификации: Сб. науч. трудов. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 111–119.
216. Москвин, В. П. Русская метафора: Семантическая, структурная, функциональная классификация / В. П. Москвин. – Волгоград : Перемена, 1997. – 92 с.
217. Москвин, В. П. Семантика и синтаксис русского глагола / В. П. Москвин. – Киев : Изд-во Киевского гос. пед. ин-та иностр. яз., 1993. – 216 с.
218. Мусаева, О. И. Флористическая метафора как фрагмент национальной картины мира: На материале русского и испанского языков: дис... канд филол наук: 10.02.19 / Мусаева Ольга Игоревна. – Воронеж, 2005. – 203 с.
219. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. – 819 с.
220. Никитин, М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика) / М. В. Никитин. – М. : Высшая школа, 1983. – 127 с.
221. Никитин, М. В. О семантике метафоры / М. В. Никитин // Вопросы языкознания. – 1979. – № 1. – С. 91–102.
222. Никитина, С. Е. Концепт судьбы в русском народном сознании (на материале устнопоэтических текстов) / С. Е. Никитина // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М. : Наука, 1994. – С. 130–136.
223. Новиков, Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков. – М. : Высшая школа, 1982. – 272 с.
224. Общее языкознание: Внутренняя структура языка / под ред. Б. А. Серебrenникова. – М. : Наука, 1972. – 566 с.

225. Ожегов, С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи / С. И. Ожегов. – М. : Высшая школа, 1974. – 352 с.
226. Ольшанский, И. Г. Лексическая полисемия в системе языка и тексте / И. Г. Ольшанский. – Кишинев : Штиинца, 1987. – 127 с.
227. Опарина, Е. О. Исследование метафоры в последней трети XX в. / Е. О. Опарина // Лингвистические исследования в конце XX в. – М. : ИНИОН РАН, 2000. – С. 186–204.
228. Опарина, Е. О. Концептуальная метафора / Е. О. Опарина // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 65–77.
229. Осипов, Б. И. Метафора и символ: (Терминологический аспект) / Б. И. Осипов // Человек. Культура. Слово: Мифопоэтика древняя и современная. – Омск : Изд-во Омского ун-та, 1994. – С. 50–60.
230. Осипова, А. Г. Купля / Продажа / А. Г. Осипова // Антология концептов. – Т.2. – Волгоград : Парадигма, 2005. – С. 166–183.
231. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с. (2004а).
232. Падучева, Е. В. Метафора и ее родственники / Е.В. Падучева // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 187 – 204. (2004б).
233. Паламарчук, Л. С. Словарь как языковая летопись эпохи / Л. С. Паламарчук // Теория языка и словари. – Кишинев : Штиинца, 1988. – С. 35–40.
234. Персикова, Т. Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура / Т. Н. Персикова. – М. : Логос, 2011. – 224 с.
235. Петров, В. В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу / В. В. Петров // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 135–146.
236. Петров, В. В. Научные термины: Природа и механизм функционирования / В. В. Петров // Философские основания научной теории. – Новосибирск : Наука, 1985. – С. 196–220.
237. Петров, В. В. Язык и логическая теория: В поисках новой парадигмы / В. В. Петров // Вопросы языкознания. – 1988. – №2. – С. 39–48.

238. Петрова, З. Д. Регулярная метафорическая многозначность в русском языке как проявление системности метафоры / З. Д. Петрова // Проблемы структурной лингвистики. 1985 – 1987. – М. : Наука, 1989. – С. 120 – 133.
239. Писанова, Т. В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики (эстетическая и этическая оценки) / Т. В. Писанова. – М. : ИКАР, 1997. – 320 с.
240. Плунгян, В. А. Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов / В. А. Плунгян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2009/10/23/corpus/> – Дата обращения: 17.03.2018.
241. Погорелова, О. С. Паремии как эффективное средство фразеологической репрезентации концептов ТРУД/ ЛЕНЬ в современном английском языке / О. С. Погорелова // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. – Сер. Гуманитарные науки. – 2015. – №12 (209). – Вып. 26. – С. 55–60.
242. Полякова, С. В. Метафорическое моделирование в русском и американском медицинском дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Полякова Светлана Валентиновна. – Пермь, 2011. – 23 с.
243. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 315 с.
244. Попова, З. Д. Лексическая система языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : Либроком, 2009. – 172 с.
245. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2001. – 189 с.
246. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2006. – 227 с.
247. Попова, З. Д. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Язык и национальное сознание. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 6–25.
248. Попова, Л. Г. К истории культуры через культурную память слов / Л. Г. Попова // Современная наука: актуальные проблемы и перспективы развития: коллективная монография. – Кн. 5. – Ставрополь : Логос, 2015. – С. 33–56.

249. Попова, Л. Г. О сущности и возможностях установления культурной памяти слов (сопоставительный аспект) / Л. Г. Попова, В. О. Егорова // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2015. – №9 (51). – Ч.1. – С. 143–145.
250. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 8–69.
251. Постовалова, В. И. Существует ли языковая картина мира? / В. И. Постовалова // Язык как коммуникативная деятельность человека. Сб. науч. трудов МГПИИЯ. – Вып. 284. – М., 1987. – С. 65–72.
252. Почепцов, О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира / О. Г. Почепцов // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 110–122.
253. Прохоров, Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 195 с.
254. Пучкова, Е. В. Концепт «ТРУД» в русской языковой картине мира / Е. В. Пучкова // Язык и культура: вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе (материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием). – Хабаровск, 2018. – С. 117–121.
255. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М. : Русские словари, 2008. – 416 с.
256. Рахилина, Е. В. Основные идеи когнитивной семантики / Е. В. Рахилина // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: сборник обзоров. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1997. – С. 370–389.
257. Резанова, З. И. Метафорическое миромоделирование / З. И. Резанова // Метафорический фрагмент языковой картины мира: Ключевые концепты. Ч.1. – Воронеж : РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. – С. 36–77.
258. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 536 с.
259. Русский семантический словарь / Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – Т.1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). – М. : Азбуковник : ИРЯ РАН, 2002. – 807 с.

260. Салохуддинов, Г. С. Английская и американская лексикография / Г. С. Салохуддинов, А. Е. Карпович. – Самарканд : СамГУ, 1979. – 92 с.
261. Селиверстова, О. Н. Компонентный анализ многозначных слов / О. Н. Селиверстова. – М. : Наука, 1975. – 240 с.
262. Селиверстова, О. Н. Труды по семантике. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
263. Сергеева, А. В. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность / А. В. Сергеева. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 320 с.
264. Серебренников, Б. А. Как происходит отражение мира в языке? / Б. А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 87–107.
265. Сильченко, Е. В. Метафора как основа для прогнозирования развития семантики прилагательных / Е. В. Сильченко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – №1. – С. 98–107.
266. Складьевская, Г. Н. Метафора – «свернутое сравнение»? / Г. Н. Складьевская // Проблемы семантического анализа лексики. – М. : Русские словари, 2002. – С. 90–92.
267. Складьевская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складьевская. – М. : Наука, 1993. – 152 с.
268. Складьевская, Г. Н. Опыт системного описания языковой метафоры в словаре / Г. Н. Складьевская // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: Сб. ст. – М. : Наука, 1988. – С. 63–67.
269. Складьевская, Г. Н. Функционально-стилистическая характеристика лексики в новом академическом словаре / Г. Н. Складьевская // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. – Новосибирск : Новосибирский ун-т, 1998. – Вып.2. – С. 27–33.
270. Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций / Т. Г. Скребцова. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.
271. Смирнов, А. В. Количественный анализ лексики русского WordNet и Викисловарей / А. В. Смирнов, В. М. Круглов, А. А. Крижановский, Н. Б. Луговая,

- А. А. Карпов, И. С. Кипяткова // Труды СПИИРАН. – СПб. : СПИИРАН, 2012. – Вып. 4 (23). – С. 231–253.
272. Смирнова, Л. Г. Концепт «ТРУД» в русском языке (лингвистический и историко-культурный аспекты) / Л. Г. Смирнова // Славянский мир: письменность, культура, история (материалы Международной научной конференции). – Смоленск : Смоленский гос. ин-т искусств, 2016. – С. 173–180.
273. Соболева, П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия / П. А. Соболева. – М. : Наука, 1980. – 294 с.
274. Соболева, П. А. Словообразовательная структура слова и типология омонимов / П. А. Соболева // Проблемы структурной лингвистики 1976. – М. : Изд-во АН СССР, 1978. – С. 5–33.
275. Солопова, О. А. Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: Колокола победы и Russia's V-day / О. А. Солопова, А. П. Чудинов // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – Москва, 2017. – Т. 22. – № 2. – С. 313–337.
276. Солопова, О. А. Метафорическое моделирование прошлого, настоящего и будущего в политическом тексте / О. А. Солопова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2005. – № 15. – С. 120–137.
277. Солопова, О. А. Прецедентные высказывания в президентском дискурсе: переводческий аспект (на материале английского и китайского языков) / О. А. Солопова, А. П. Чудинов, Е. Д. Шмелева // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2017. – № 2 (62). – С. 47–54.
278. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Академический проект, 2004. – 992 с.
279. Степанов, Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований / Ю. С. Степанов // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. – М. : Прогресс, 1974. – С. 5–16.
280. Степанов, Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
281. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 138 с.

282. Стернин, И. А. О некоторых дискуссионных проблемах лингвокультурологии / И. А. Стернин // Человек. Язык. Культура: сборник научных статей, посвященных 60-летнему юбилею проф. В.И. Карасика: в 2-х ч. – Киев : Издательский дом Д. Бураго 2013. – Ч. 1. – С. 138–149.
283. Стернин, И. А. Очерк английского коммуникативного поведения / И. А. Стернин, Т. В. Ларина, М. А. Стернина. – Воронеж : Истоки, 2003. – 184 с.
284. Стернин, И. А. Проблемы анализа структуры значения слова / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1979. – 156 с.
285. Стернин, И. А. Структурные компоненты значения слова / И. А. Стернин // Русистика и современность. Т.1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. – СПб, 2005. – С. 30–38.
286. Стивенсон, Ч. Некоторые прагматические аспекты значения // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. XVI. – С. 129–154.
287. Сулейманова, О. А. Вопросы лексикографического портретирования слов с общим значением *СТРАННЫЙ* / О. А. Сулейманова, О. Г. Лукошус // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2017. – № 4 (70). – Ч. 1. – С. 179–185.
288. Тарасов, Е. Ф. Статус и структура теории речевой коммуникации / Е. Ф. Тарасов // Проблемы психолингвистики. – М. : Ин-т языкознания, 1975. – С. 139–150.
289. Тарасова, И. А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект / И. А. Тарасова. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2003. – 280с.
290. Телешева, И. В. Когнитивное исследование морбиальной метафоры в современном политическом дискурсе России, США и Великобритании: дис....канд. филол. наук: 10.02.20 / Телешева Ирина Владимировна. – Челябинск, 2006. – 180 с.
291. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 143 с.
292. Телия, В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 26–51. (1988а).

293. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 173–204. (1988б).
294. Телия, В. Н. О различии рациональной и эмотивной (эмоциональной) оценки / В. Н. Телия // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. – М. : ИЯЗ, 1996. – С. 31–38. (1996а)
295. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с. (1996б)
296. Телия, В. Н. Типы языковых значения / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1981. – 269 с.
297. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово / Slovo, 2000. – 264 с.
298. Токарев, Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке): Монография / Г. В. Токарев. – Волгоград : Перемена, 2003. – 213 с.
299. Толстой, Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – 262 с.
300. Тошович, Б. Структура глагольной метафоры / Б. Тошович // Stylistyka. VII. – Opole, 1998. – С. 221–251.
301. Ульманн, С. Семантические универсалии / С. Ульманн // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1970. – Вып. 5. – С. 250–299.
302. Урысон, Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике / Е. В. Урысон. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
303. Урысон, Е. В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (Модель восприятия в русском языке) / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1998. – №2. – С. 3–21.
304. Фрумкина, Р. М. Сходство и классификация: некоторые общие вопросы / Р. М. Фрумкина // Экспериментальные исследования в психолингвистике. – М. : Ин-т языкознания, 1982. – С. 87–103.

305. Фрэнсис, У. Э. Проблемы формирования и машинного представления большого корпуса текстов / У. Э. Фрэнсис // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. – М. : Прогресс, 1983. – С. 334–352.
306. Харитончик, З. А. Семантика суффиксального производного слова (на материале прилагательных современного английского языка): Дис...канд.филол.наук / Харитончик Зинаида Андреевна. – М., 1971. – 323 с.
307. Хахалова, С. А. Современное состояние исследований метафоры в европейской лингвистике / С. А. Хахалова, Е. В. Третьякова // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 74–82.
308. Ченки, А. Семантика в когнитивной лингвистике / А. Ченки // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: сборник обзоров. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1997. – С. 340–369.
309. Черкасова, Е. Т. Опыт лингвистической интерпретации тропов: (метафора) / Е. Т. Черкасова // Вопросы языкознания. – 1968. – № 2. – С. 28–38.
310. Чернова, О. Е. Концепт «ТРУД» как объект идеологизации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Чернова Оксана Евгеньевна. – Екатеринбург, 2004. – 20 с.
311. Чудинов, А. П. Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 54–57
312. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2003. – 248 с.
313. Чудинов, А. П. Национальное и интернациональное в политической метафоре / А. П. Чудинов // Языковая личность: Текст, словарь, образ мира. К 70-летию чл.-корр. РАН Юрия Николаевича Караулова. Сб. статей. – М. : Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2006. – С. 496–505. (2006а).

314. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2013. – 147 с.
315. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: Учеб. пособие / А. П. Чудинов. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 256 с.
316. Чудинов, А. П. Принципы современной когнитивной лингвистики / А. П. Чудинов // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Тез. III Междунар. науч. конф., Челябинск, 27 – 28 апр. 2006 г. – Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 2006. – С. 55–56. (2006б).
317. Чудинов, А. П. Регулярная многозначность в глагольной лексике / А. П. Чудинов. – Свердловск : СГПИ, 1986. – 80 с.
318. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.
319. Шведова, Н. Ю. Однотомный толковый словарь (специфика жанра и некоторые перспективы дальнейшей работы) / Н. Ю. Шведова // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография: IX – X Виноградовские чтения. – М. : Наука, 1981. – С. 166–179.
320. Шведова, Н. Ю. Парадоксы словарной статьи / Н. Ю. Шведова // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: Сб. ст. – М. : Наука, 1988. – С. 6–11.
321. Шмелев, А. Д. Могут ли слова языка быть ключом к пониманию культуры? / А. Д. Шмелев // Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – С. 7–11.
322. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю / А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 224 с. (2002а).
323. Шмелев, А. Д. Русский взгляд на «западные» концепты: Языковые данные / А. Д. Шмелев // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. – М. : Языки славянских культур, 2012. – С. 395–409. (2012а).

324. Шмелев, А. Д. Сквозные мотивы русской языковой картины мира / А. Д. Шмелев // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. – М. : Языки славянских культур, 2012. – С. 286–295. (2012б).
325. Шмелев, А. Д. Широта русской души / А. Д. Шмелев // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. – М. : Языки славянских культур, 2012. – С. 24–34. (2012в).
326. Шмелев, Д. Н. Избранные труды по русскому языку / Д. Н. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 888 с. (2002б).
327. Шмелев, Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1964. – 243 с.
328. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 280 с.
329. Язикова, Ю. С. Анализ метафор стиля повести М. Горького «В людях» / Ю. С. Язикова // Учен. зап. Дальневост. ун-та. – 1962. – Вып. 5. – С. 127–137.
330. Якобсон, Р. О. Заметки о прозе поэта Пастернака / Р. О. Якобсон // Якобсон Р. О. Работа по поэтике. – М. : Прогресс, 1987. – С. 329–341.
331. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия) / Е. С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.
332. Alexander, M. The metaphorical understanding of power and authority / M. Alexander // Mapping English Metaphor Through time Edited by W. Anderson, E. Bramwell, C. Hough. – Oxford : Oxford University Press, 2006. – P. 191–207.
333. Allan, K. On groutnolls and nog-heads: A case study of the interaction between culture and cognition in intelligence metaphors / K. Allan // A corpus-based approaches to metaphor and metonymy. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2006. – P. 175–190.
334. Anikin, E. E. Historical dynamics of metaphoric systems in Russian political communication / E. E. Anikin, E. V. Budaev, A. P. Chudinov // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – №3. – С. 26–32.

335. Ankersmit, F. R. *Metaphor in Political Theory // Knowledge and Language*. Vol. III. *Metaphor and Knowledge* / Ed. by F. R. Ankersmit, J. A. Mooji. – Dordrecht : Springer, 1993. – P. 155–202.
336. Asher, N. *Lexical disambiguation in a discourse context* / N. Asher, A. Lascarides // *Journal of Semantics*. – 12 (1). – Oxford : Oxford University Press, 1995. – P. 69–108.
337. Avis, P. *God and the creative imagination: metaphor, symbol and myth in religion and theology* / P. Avis. – London : Routledge 1999. – 186 p.
338. Banks, W. P. *The Mental Image of the Human Body: Implications of Physiological Mental Models for Our Understanding of Health and Illness* / W. P. Banks, S. C. Thompson // *Metaphor: Implications and applications*. – Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1996. – P. 99–125.
339. Black, M. *Models and metaphors: Studies in language and philosophy* / M. Black. – Ithaca ; New York : Cornell University Press, 1962. – 267 p.
340. Brinton, L. J. *Introduction* / L. J. Brinton, M. Akimoto // *Collocational and Idiomatic Aspects of Composite Predicates in the History of English*. *Studies in Language Companion Series*. – Vol. 47. – Amsterdam : John Benjamins Publishing, 1999. – P. 1–20.
341. Brown, T. L. *Making truth: Metaphor in science* / T. L. Brown. – Urbana, IL : University of Illinois Press, 2003. – 215 p.
342. Charteris-Black J. *Comparative Study of Metaphor in Spanish and English Financial Reporting* / J. Charteris-Black, T. A. Ennis // *English for Specific Purposes*. – 2001. – Vol. 20. – P. 249–266.
343. Charteris-Black, J. *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis* / J. Charteris-Black. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004. – 262 p.
344. Charteris-Black, J. *Metaphor and vocabulary teaching in ESP economics* // *English for Specific Purposes*. – 2000. – Vol. 19. – P. 149–169.
345. Charteris-Black, J. *Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor* / J. Charteris-Black. – Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2005. – 239 p.
346. Chudinov, A. P. *Linguistic Political Prognosis: Models and Scenarios of Future* / A. P. Chudinov, O. A. Solopova // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – Vol. 200. – P. 412–417.

347. Chun, Lan. A cognitive approach to Up/Down metaphors in English and Shang/Xia metaphors in Chinese / Lan Chun // *Lexis in Contrast: Corpus-based Approaches*. – Amsterdam : John Benjamins Publishing, 2002. – P.151–174.
348. *Concise Encyclopedia of Semantics*. – Oxford : Elsevier Science, 2009. – 1079 p.
349. Cuyckens, H. Introduction / H. Cuyckens, B.E. Zawada // *Polysemy in cognitive linguistics: Selected papers from the International Cognitive Linguistics Conference (Amsterdam, 1997)*. – Amsterdam : John Benjamins Publishing, 2001. – P. ix-xxvii.
350. Deignan, A. *Metaphor and Corpus Linguistics* / A. Deignan. – Amsterdam : John Benjamins Publishing, 2005. – 235 p.
351. Deignan, A. The grammar of linguistic metaphors / A. Deignan // *A corpus-based approaches to metaphor and metonymy*. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2006. – P.106–122.
352. De Landtsheer, Ch. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach / Ch. De Landtsheer // *Communicatuon and Cognition*. – 1991. – Vol. 24 (3/4). – P. 299–342.
353. Dixon, R. M. W. *Making New Words: Morphological Derivation in English* / R. M. W. Dixon. – Oxford : Oxford University Press, 2014. – 472 p.
354. Evans, V. *Cognitive Linguistics. An Introduction* / V. Evans, M. Green. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. – 830 p.
355. Fast, K. Metaphors of free labor: a typology of unpaid work in the media sector / K. Fast, H. Ornebring, M. Karlsson // *Media, Culture & Society*. – 2016. – Vol. 38 (7). – P. 963–978.
356. Fauconnier, G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Languages* / G. Fauconnier. – Cambridge, MA : MIT Press, 1985. – 240 p.
357. Fauconnier, G. *Methods and generalizations* / G. Fauconnier // *Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology*. – Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 1999. – P. 95–127.
358. Fauconnier, G. *Polysemy and Conceptual Blending* / G. Fauconnier, M. Turner // *Polysemy: Flexible Patterns of Meaning in Mind and Language*. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2003. – P. 79–94

359. Fauconnier, G. The way we think. Conceptual blending and the mind's hidden complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – New York : Basic Books, 2002. – 442 p.
360. Fox, K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behavior / K. Fox. – London : Hodder, 2005. – 432 p.
361. Frayssé, O. Work and Labour as Metonymy and Metaphor // TripleC. – 2014. Vol. 12 (2). – P. 468–485.
362. Freeman, M. Poetry and the scope of metaphor: Toward a cognitive theory of literature / M. Freeman // Metaphor and metonymy at the crossroads: A cognitive perspective. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2000. – P. 253–281.
363. Grant, D. Metaphor and organizations / D. Grant, C. Oswick. – London : SAGE, 1996. – 272 p.
364. Hofstede, G. Culture's Consequences: International Differences in Work-related Values / G. Hofstede. – Beverly Hills/London : SAGE, 1991. – 325 p.
365. Hofstede, G. Cultures and Organizations. Software of the Mind: Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival / G. Hofstede, G. J. Hofstede, M. Minkov. – New York : MacGraw Hill, 2010. – 561 p.
366. Hwang, C. H. Measuring Emotions in the Face / C. H. Hwang, D. Matsumoto // Emotion Measurement / Ed. by H. L. Meiselman. – Amsterdam : Elsevier, 2016. – P. 125–144.
367. Jin, L. Images of teachers, learning and questioning in Chinese cultures of learning / L. Jin, M. Cortazzi // Metaphors for learning: cross-cultural perspectives / Ed. by E. A. Berendt. – Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2008. – P. 177–204.
368. Katan, D. Translating Cultures: An Introduction for Translators, Interpreters and Mediators / D. Katan. – Manchester : St. Jerome Publishing, 1999. – 271 p.
369. Kettemann, B. The BNC and the OED. Examining the usefulness of two different types of data in an analysis of the morpheme *eco* / B. Kettemann, M. König, G. Marko // Extending the Scope of Corpus-based Research: New Applications, New Challenges. – Amsterdam/New York : Rodopi, 2003. – P. 135–148.
370. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to western thought / G. Lakoff, M. Johnson. – New York : Basic Books, 1999. – 629 p.

371. Lakoff, G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf [Электронный ресурс]. – 1991. – 17 p. – Режим доступа: <https://georgelakoff.files.wordpress.com/2011/04/metaphor-and-war-the-metaphor-system-used-to-justify-war-in-the-gulf-lakoff-1991.pdf> - Дата обращения: 17.05.2016.
372. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 276 p.
373. Lakoff, G. The contemporary theory of metaphor / G. Lakoff // Metaphor and thought. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – P. 202–251.
374. Lakoff, G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind / G. Lakoff [Электронный ресурс]. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – Режим доступа: <https://pdfs.semanticscholar.org/9c85/d2dd7e6d924a1078fb93cac9baaa8a850d3e.pdf> - Дата обращения: 20.05.2016.
375. Lakoff, G. Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters / G. Lakoff [Электронный ресурс]. – 1999. – 41 p. – Режим доступа: https://frameworksinstitute.org/assets/files/PDF_GII/metaphorical_thought.pdf – Дата обращения: 17.05.2016.
376. Langacker, R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites / R.W. Langacker. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – 540 p.
377. Langacker, R. W. Reference-point constructions / R.W. Langacker // Cognitive Linguistics. – 1993. – Vol. 4. – No. 1. – P. 1–38.
378. Langford, P. Englishness Identified: Manners and Character, 1650-1850 / P. Langford. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 389 p.
379. Lewis, R. D. When Cultures Collide: Leading Across Cultures / R. D. Lewis. – Finland : WS Bookwell, 2006. – 600 p.
380. Lozowsky, P. Dictionaries and Culture / P. Lozowsky // The Routledge Handbook of Lexicography. – New York: Routledge, 2018. – P. 166–178.
381. MacCormac, E. R. Metaphor and myth in science and religion / E. R. MacCormac. – Durham, NC : Duke University Press, 1976. – 167 p.

382. Martin, I. Metaphors in science / I. Martin, R. Harré // *Metaphor: Problems and perspectives*. – Brighton : Harvester Press, 1982. – P. 89–105.
383. Mehl, M. R. The sounds of social life: A psychometric analysis of students' daily social environments and natural conversations / M. R. Mehl, J. W. Pennebaker // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2003. – Vol. 84 (4). – P. 857–870.
384. Mio, J. S. Metaphor, politics, and persuasion / J. S. Mio // *Metaphor: Implications and Applications*. – Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1996. – P. 127–146.
385. Musolff, A. Political Metaphor Analysis. Discourse and Scenarios / A. Musolff. – London : Bloomsbury Academic, 2016. – 194 p.
386. Nelson, M. Building a written corpus: what are the basics? M. Nelson // *The Routledge Handbook of Corpus Linguistics*. – New York : Routledge, 2010. – P. 53–65.
387. Nerlich, B. Emerging patterns and evolving polysemies: the acquisition of get between four and ten years / B. Nerlich, Z. Todd, D. Clarke // *Polysemy: Flexible Patterns of Meaning in Mind and Language*. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2003. – P. 333–360.
388. Nerlich, B. Polysemy and flexibility: introduction and overview / B. Nerlich, D. Clarke // *Polysemy: Flexible Patterns of Meaning in Mind and Language*. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2003. – P. 3–30.
389. Novikova, I. N. Lexical and semantic representations of the linguistic and cultural concept “REST” in the English, German, and Russian languages / I. N. Novikova, L. G. Popova, L. M. Shatilova, E. V. Biryukova, A. E. Guseva, G. T. Khukhuni // *Opcion*. – 2018. – Vol. 34. – No. 85–2. – P. 237–256.
390. Pesmen, D. Russia and Soul: An Exploration / D. Pesmen. – Ithaca : Cornell University Press, 2000. – 364 p.
391. Reppen, R. Building a corpus: what are the key considerations? / R. Reppen // *The Routledge Handbook of Corpus Linguistics*. – New York : Routledge, 2010. – P. 31–37.
392. Richmond, Y. From Nyet to Da: Understanding the Russians / Y. Richmond. – Yarmouth, ME : Intercultural Press, 1996. – 191 p.
393. Sardinha, T. B. Metaphor and Corpus Linguistics / T. B. Sardinha // *Revista Brasileira de Linguística Aplicada [Электронный ресурс]*. – 2011. – Vol.11. – No.2. –

Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1590/S1984-63982011000200004> – Дата обращения: 10.03.2018.

394. Solopova, O. A. Metaphor in Modeling the Future: the Best-Case Scenario (Based on Political Discourses of Russia, the USA and Great Britain, the 21st Century) / O. A. Solopova // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. – Томск, 2017. – № 46. – С. 55–70.
395. Solopova, O. A. Russia in Europe: Future in the Metaphorical Mirror of Past / O. A. Solopova // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2014. - № 3. – С. 126–137.
396. Steen, G. J. A method for linguistic metaphor identification: From MIP to MIPVU / G. J. Steen, A. G. Dorst, J. B. Herrmann, A. A. Kaal, T. Krennmayr, T. A. Pasma. – Amsterdam : John Benjamins Publishing, 2010. – 238 p.
397. Stefanowitsch, A. A corpus-based approaches to metaphor and metonymy/ A. Stefanowitsch // A corpus-based approaches to metaphor and metonymy. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2006. – P. 1–16.
398. Stern, J. Metaphor in context / J. Stern. – Cambridge: MIT Press, 2000. – 385 p.
399. Talmy, L. Toward a Cognitive Semantics: Concept Structuring Systems / L. Talmy. – Vol. 1. – Cambridge, MA : MIT Press, 2000. – 565 p. (2000a).
400. Talmy, L. Toward a Cognitive Semantics: Typology and Process in Concept Structuring / L. Talmy. – Vol.2. – Cambridge, MA : MIT Press, 2000. – 504 p. (2000b).
401. Taylor, J. Cognitive models of polysemy / J. Taylor // Polysemy: Flexible Patterns of Meaning in Mind and Language. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2003. – P. 31–48.
402. The Oxford History of English Lexicography / ed. by A.P. Cowie. – Vol. I: General-Purpose Dictionaries. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 467 p. (2009a).
403. The Oxford History of English Lexicography / ed. by A.P. Cowie. – Vol. II: Specialized Dictionaries. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 551 p. (2009b).
404. Wierzbicka, A. Semantics, Culture and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations / A. Wierzbicka. – Oxford : Oxford University Press, 1992. – 496 p.

405. Wilks, Y. Senses and texts / Y. Wilks // Polysemy: Flexible Patterns of Meaning in Mind and Language. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2003. – P. 393–410.
406. Yu, N. Chinese Metaphors of Thinking / N. Yu // Cognitive Linguistics. – 2003. – Vol. 14. – № 2/3. – P. 141–165.

Приложение 1

Табл. №13.1. Имена существительные с семантикой трудовой деятельности, имеющие метафорические ЛСВ, в русском языке (по данным «Нового толкового словаря русского языка»

Т. Ф. Ефремовой)

Номинация	Прямое и переносные метафорические значения
1. адвокат	1. Юрист, оказывающий первую помощь, консультируя граждан и организации, представляя их интересы в суде, в арбитраже и т.п. 2. <i>разг.</i> Тот, кто заступает за кого-л.
2. адмирал	I. 1. а. Военское звание высшего командного состава военно-морского флота. б. Лицо, имеющее такое звание. II. м. Дневная бабочка семейства нимфалид.
3. адъютант	I. 1. а. Должность офицера, состоящего при военном начальнике для выполнения различных поручений. б. Лицо, занимающее такую должность. 2. <i>разг.</i> Исполнитель чьих-л. поручений (обычно с оттенком иронии или шутливости). II. Птица африканский марабу.
4. академик	1. Ученый, художник, скульптор и т.п., избранный в соответствующую академию; действительный член Академии наук, Академии художеств и т.п. 2. <i>разг.</i> Тот, кто хорошо разбирается в каком-л. деле (обычно с оттенком шутливости).
5. акробат	1. Цирковой артист, выступающий в жанре акробатики. 2. <i>Акробаты благотворительности.</i>
6. актер	1. Профессиональный исполнитель ролей в театральных спектаклях, кинофильмах и т.п. 2. Тот, кто, притворяясь, рисуясь, старается казаться не таким, каков в действительности.
7. артист	1. Профессиональный исполнитель произведений искусства (актер, певец, музыкант и т.п.). 2. Тот, кто, обладая высоким мастерством в каком-л. деле, виртуозно выполняет свою работу. 3. <i>разг.</i> Тот, кто, искусно притворяясь, скрывает истинные чувства, настроение, отношение к кому-л., чему-л.
8. атаман	1. а. Высший начальник казачьего войска. б. Начальник казачьей административно-территориальной единицы - округа, станицы и т.п., выполняющий военные, полицейские и административные функции. 2. <i>разг.</i> Главарь разбойничьей или воровской шайки.

9. атлет	1. Человек крепкого телосложения, обладающий большой физической силой. 2. Спортсмен, занимающийся легкой или тяжелой атлетикой. 3. <i>устар.</i> Выдающийся, незаурядный в каком-л. отношении человек.
10. балерина	1. Артистка балета. 2. <i>Балеринка - разг.</i> Название маленького циркуля в готовальне.
11. батрак	1. Наемный сельскохозяйственный рабочий. 2. <i>разг.</i> Наемный работник.
12. богатырь	1. а. Герой русских былин и сказок. б. Защитник родины, воин, отличающийся необычайной силой, мужеством, удалью. 2. Рослый, крепкого сложения, сильный человек. 3. Незаурядный, выдающийся в какой-л. области человек.
13. боксер	I. Спортсмен, занимающийся боксом. II. Порода сильных короткошерстных собак с тупой мордой и широкой грудью.
14. бонза	1. Буддийский монах в странах Азии (<i>главный монах в храме</i>). 2. <i>разг.</i> Надменное, высокомерное должностное лицо, чиновник.
15. борец	I. 1. а. Тот, кто участвует в борьбе. б. Спортсмен или артист цирка, занимающийся борьбой. 2. Тот, кто борется во имя защиты, осуществления чего-л. (обычно передового, прогрессивного). II. Ядовитое травянистое растение семейства лютиковых с синими, фиолетовыми или желтыми цветками; аконит.
16. бургомистр	I. Глава органов местного, обычно городского, самоуправления (в некоторых европейских государствах). II. Полярная чайка.
17. буффон	1. Актер, играющий комические роли в опереттах и водевилях; шут, паяц. 2. <i>устар.</i> Тот, кто грубо шутит, насмехается над кем-л.
18. бюрократ	1. Крупный чиновник, представитель бюрократии как системы управления. 2. Должностное лицо, пренебрегающее при исполнении своих обязанностей существом дела ради соблюдения формальностей; формалист.
19. вакханка	1. а. Жрица Вакха (в античной мифологии). б. Участница вакханалий (в Древнем Риме). 2. Чувственная, сладострастная женщина.
20. ведьма	1. Женщина, по народным поверьям, связанная с нечистой силой и способная вредить людям (насылать болезни, портить скот, урожай и т.п.); колдунья. 2. <i>разг.-сниж.</i> Злая, сварливая или безобразная женщина.
21. вельможа	1. <i>устар.</i> Знатный и богатый сановник. 2. Высокомерно-грубое должностное лицо.

22. властелин	1. Правитель, обладающий всей полнотой власти; владыка. 2. а. Тот, кто имеет неограниченную возможность, полное право распоряжаться кем-л., чем-л. б. Тот, кто оказывает сильное влияние на духовную жизнь общества.
23. водолаз	1. а. Тот, кто осуществляет подводные работы в специальном водонепроницаемом костюме. б. Тот, кто погружается в воду для производства каких-л. работ, добычи жемчуга и т.п. без специального снаряжения. 2. <i>разг.</i> Животные, умеющие плавать, нырять. 3. Порода крупных служебных собак, используемых для спасения утопающих.
24. вождь	1. Общеизвестный идейный, политический и т.п. руководитель. 2. Идейный вдохновитель какого-л. направления в области науки, литературы, искусства. 3. Предводитель племени.
25. волшебник	1. Тот, кто, согласно мифологическим или языческим представлениям, владеет сверхъестественными способами воздействия на человека и природу; колдун, чародей. 2. Человек, очаровывающий своими знаниями, умом, красотой и т.п.
26. врач	1. Специалист с высшим медицинским образованием, имеющий право заниматься лечебно-профилактической деятельностью. 2. Кто-л., кто приносит облегчение, исцеление.
27. врачеватель	1. Тот, кто врачует, лечит (обычно средствами народной медицины). 2. Кто-л., приносящий исцеление, облегчение душевных страданий, освобождение от чего-л. неприятного, тяжелого и т.п.
28. гастролер	1. Артист, прибывший на гастроли. 2. <i>разг.</i> Тот, кто часто меняет место работы, место жительства и т.п. в поисках легкого заработка.
29. гвардеец	1. Военный, служащий в гвардии. 2. <i>разг.</i> Тот, кто имеет высокий рост, крепкое сложение, молодежавший вид.
30. генерал	1. а. Воинское звание или чин высшего командного состава в армии. б. Лицо, имеющее такое звание или чин. 2. <i>разг.</i> Тот, кто играет ведущую роль в какой-л. области деятельности.
31. глашатай	1. Тот, кто всенародно объявлял указы, распоряжения, повеления и т.п.; вестник. 2. Тот, кто провозглашает, утверждает что-л.; провозвестник.
32. гренадер	1. Солдат или офицер отборных - по высокому росту - пехотных или кавалерийских частей, вооруженный ручными гранатами (в армии Российского государства до 1917 г. и в армиях некоторых европейских

	государств). 2. <i>разг.</i> Рослый, плечистый человек.
33. гробокопатель	1. <i>устар.</i> Тот, кто роет могилы; могильщик. 2. <i>разг.</i> Тот, кто любит заниматься утратившими свое значение подробностями прошлого.
34. дворник	I. Тот, кто поддерживает чистоту и порядок во дворе и на улице около дома. II. <i>разг.</i> Дворники - устройство для механической очистки стекол автомашины от грязи, влаги и т.п.
35. декламатор	1. а. Артист, выступающий с декламацией. б. Тот, кто владеет искусством декламации. 2. Фразер.
36. деспот	1. Верховный правитель рабовладельческого государства, пользовавшийся неограниченной властью (в странах Древнего Востока). 2. Тот, кто диктует свою волю другим, попирает чужие желания; тиран.
37. диктатор	1. Высшее должностное лицо, наделенное неограниченной властью, назначавшееся сенатом в случае внешней или внутренней опасности, угрожавшей государству (в Древнем Риме). 2. а. Правитель, пользующийся неограниченными полномочиями и неограниченной властью. б. Тот, кто пользуется большим авторитетом в какой-л. области (обычно с оттенком шутливости или иронии).
38. дипломат	1. Должностное лицо ведомства иностранных дел, уполномоченное осуществлять официальные отношения с иностранными государствами. 2. <i>разг.</i> Тот, кто добивается своей цели, проявляя искусство и тонкость в отношениях с людьми.
39. ересиарх	1. Глава еретической секты. 2. Идеолог учения, ложного с точки зрения говорящего.
40. жен-премьер	<i>устар.</i> 1. а. Ампула первого любовника (в речи актеров). б. Драматический актер, исполняющий роли первого любовника. 2. Тот, кто пользуется большим успехом у женщин.
41. живодер	1. <i>разг.</i> Тот, кто профессионально занимается убоем животных. 2. <i>разг. - сниж.</i> Жестокий человек, мучитель. 3. Жадный, наживающийся за счет других человек
42. жонглер	1. Артист цирка, занимающийся жонглированием. 2. Тот, кто ловко, но произвольно обращается с фактами, словами и т.п.
43. жрец	1. Лицо, совершающее жертвоприношения и другие обряды (в языческих религиях). 2. Тот, кто полностью посвятил себя какой-л. деятельности.
44. законодатель	1. Лицо, устанавливающее государственные законы. 2. Тот, кто оказывает

	определяющее влияние на формирование норм поведения, вкусов, на моду и т.п.
45. закоперщик	1. Рабочий, руководящий забиванием свай в грунт при помощи копра. 2. <i>разг.-сниж.</i> Тот, кто затевает какое-л. дело; зачинщик.
46. запевала	1. Тот, кто начинает пение, исполняющий запев. 2. <i>разг.</i> Тот, кто первым начинает что-л.
47. застрельщик	1. <i>устар.</i> Наиболее искусный в стрельбе солдат линейной или егерской пехоты, который действовал в рассыпном строю и первым встречался с противником. 2. Тот, кому принадлежит почин в каком-л. деле.
48. затворник	1. Монах, давший обет не покидать своей кельи или другого жилища, не видеть людей. 2. Тот, кто ведёт уединенный образ жизни.
49. звездочет	I. <i>устар.</i> Тот, кто предсказывает судьбу по звездам; астролог. II. Хищная рыба отряда окунеобразных, глаза которой расположены на верхней стороне головы (будто удивленно рассматривает небо)
50. звонарь	1. Церковный служитель, звонящий в колокола. 2. <i>разг.</i> Болтун, сплетник.
51. иезуит	I. Монах, член воинствующего католического духовного ордена - "Общество Иисуса", созданного в 1534 г. и имевшего основной своею целью упрочение папства и католицизма. II. Хитрый, двуличный человек; лицемер.
52. илот	1. Земледелец, являвшийся собственностью государства (в Древней Спарте). 2. <i>устар.</i> Бесправный, порабощенный человек.
53. инквизитор	1. Судья инквизиции. 2. Человек, проявляющий жестокость и с холодной расчетливостью выведывающий что-л. у кого-л.
54. искатель	1. Тот, кто профессионально занимается поисками чего-л. 2. Тот, кто увлечен творческим поиском нового, изысканиями.
55. канительщик	1. Тот, кто изготавливает канитель. 2. <i>разг.</i> Тот, кто медлителен и нерасторопен.
56. канцелярист	1. Низшее должностное лицо в государственных учреждениях, занимавшееся подготовкой и оформлением документов и не имевшее классного чина (в Российском государстве до 1917 г.). 2 <i>разг.</i> Работник учреждения, подчиняющий живое дело мелочам канцелярского делопроизводства, проявляющий в работе излишний формализм.
57. капитан	1. а. Офицерское звание или чин в армии и военно-морском флоте. б. Лицо, имеющее такое звание, такой чин. 2. Командир судна. 3. Главное

	лицо спортивной команды.
58. капуцин	I. 1. Монах римско-католического нищенствующего францисканского ордена, носящий плащ с остроконечным капюшоном. II. <i>устар.</i> Растение, цветок которого напоминает капюшон; настурция. III. Американская обезьяна с длинными волосами на голове, образующими подобие капюшона.
59. кардинал	I.1. а. Высший (после папы) духовный сан в католической церкви. б. Лицо, имеющее такой сан. II. Певчая птица семейства овсянковых с ярко-красным оперением у самца, обитающая в Америке.
60. карикатурист	1. Художник, рисующий карикатуры. 2. <i>разг.</i> Тот, кто изображает кого-л., что-л. в карикатурном виде
61. клакер	1. Тот, кто входит в состав клаки. 2. <i>устар.</i> Почитатель, приспешник, хвалитель.
62. клоун	1. Цирковой артист-комик. 2. Тот, кто разыгрывает в обществе роль шута.
63. командир	1. а. Начальник воинской части, подразделения, соединения или судна. б. Начальник звена, отряда и т.п. 2. <i>разг.</i> Тот, кто любит распоряжаться.
64. комедиант	1. <i>устар.</i> Актер, позднее - исполнитель ролей в балаганных представлениях (в Российском государстве XVI-XVII вв.). 2. Притворщик, лицемер.
65. кондотьер	1. Предводитель наемного военного отряда (в Италии XIV-XVI вв.). 2. Тот, кто ради личной выгоды готов защищать любое дело.
66. коновал	1. <i>разг.</i> Плохой, невежественный врач. 2. <i>устар.</i> Лекарь-самоучка, занимавшийся лечением лошадей.
67. классик	1. Выдающийся, общепризнанный писатель, деятель науки, искусства, произведения, творения которого имеют непреходящую ценность. 2. Приверженец строгих правил в чем-л.
68. конструктор	I. Специалист, конструирующий что-л., создающий конструкцию чего-л. II. Детская игра, представляющая собою набор деталей, из которых можно собирать различные предметы, сооружения и т.п.
69. корифей	1. Предводитель хора в древнегреческой трагедии. 2. Выдающийся деятель в какой-л. области знания, на каком-л. поприще.
70. королева	I. 1. Женск. к сущ.: король. 2. Та, что выделяется среди других высоким профессионализмом или необыкновенными способностями в каком-л. деле; лучшая среди других подобных. 3. Статная, красивая женщина. II.

	<i>разг.</i> Вторая по значению фигура в шахматах; ферзь.
71. король	I.1. а. Титул монарха. б. Лицо, имеющее такой титул. 2. Тот, кто выделяется среди других высоким профессионализмом или необыкновенными способностями в каком-л. деле; лучший среди других подобных. II. 1. Главная фигура в шахматах.
72. кудесник	1. Волшебник, колдун, волхв. 2. Тот, кто способен изумлять, восхищать своим высоким мастерством, своим искусством.
73. кузнец	I. Мастер по ковке металла. II. <i>разг.</i> То же, что: кузнечик
74. кукловод	1. Актер кукольного театра, управляющий куклами при помощи тростей, нитей и т.п. 2. Тот, кто руководит чьими-л. действиями.
75. купец	1. Лицо, ведущее частную торговлю, владеющее торговым предприятием. 2. <i>устар.</i> Жених во время сватовства, свадебного обряда.
76. кустарь	1. Тот, кто занимается кустарным трудом, производством на дому; ремесленник. 2. Тот, кто действует примитивно, неорганизованно.
77. лавочник	1. а. Владелец лавки. б. Продавец в лавке. 2. <i>разг.</i> Торговец, торгаш (обычно с оттенком пренебрежительности).
78. лазутчик	1. Разведчик, проникающий в тыл неприятеля. 2. <i>разг.</i> Доносчик.
79. лакей	1. Домашний слуга. 2. Раболопствующий, угодничающий, выслуживающийся человек; подхалим.
80. лакировщик	1. Тот, кто занимается лакировкой каких-л. изделий. 2. Тот, кто, приукрашивая, представляет что-л. в не соответствующем действительности виде.
81. лапотник	I. <i>устар.</i> 1. Тот, кто плел или продавал лапти. II. <i>разг.-сниж.</i> Невежественный, некультурный, отсталый человек.
82. легионер	I. Воин, входящий в состав легиона. II. Игрок, выступающий за другую - обычно зарубежную - команду.
83. лекарь	1. <i>устар.</i> Врач. 2. Кто-л. или что-л., способное облегчить физические или нравственные страдания.
84. летописец	1. Составитель летописи. 2. Тот, кто регулярно ведет записи о чем-л.
85. лирик	1. Автор лирических произведений; лирический поэт. 2. <i>разг.</i> Человек, в характере которого преобладает лирическо-поэтическая настроенность.
86. лицедей	<i>устар.</i> 1. То же, что: актёр. 2. Притворщик.
87. лоскутник	<i>разг.</i> 1. а. Тот, кто собирает лоскутья для продажи; тряпичник. б. Тот, кто торгует лоскутьями. 2. Тот, кто одет в ветхую, изодранную одежду;

	оборванец, нищий.
88. лоцман	I. Тот, кто хорошо знает местные условия плавания и проводит суда в опасных районах, на подходах к портам и т.п. II. Небольшая морская рыба отряда окунеобразных, сопровождающая на далекие расстояния корабли или крупных рыб.
89. маг	1. Древневосточный жрец, совершавший религиозные обряды и занимавшийся толкованием снов и предсказанием будущего. 2. Тот, кто является большим мастером своего дела.
90. маляр	1. а. Тот, кто занимается окраской зданий, помещений и т.п. б. Ремесленник, пишущий вывески. 2. Плохой художник (обычно с оттенком пренебрежительности).
91. мастер	1. Квалифицированный работник, занимающийся каким-л. ремеслом. 2. Специалист, достигший высокого умения, мастерства, искусства в какой-л. области. 3. <i>разг.</i> Ловкий, искусный в каком-л. деле человек.
92. матадор	1. Торeadор, наносящий быку последний, смертельный удар шпагой (в бое быков). 2. <i>устар.</i> Человек важный, влиятельный в обществе, в каком-л. деле.
93. мельник	1. Тот, кто владеет мельницей или работает на ней. 2. <i>Мельники</i> - карточная игра со взятками, которые снова разыгрываются.
94. министр	1. Член правительства, возглавляющий министерство. 2. <i>разг.</i> Умный, обладающий организационными качествами человек.
95. монах	1. Член религиозной общины, живущий в монастыре, принявший пострижение и давший обет вести аскетическую жизнь в соответствии с монастырским уставом. 2. <i>разг.</i> Мужчина, живущий уединенно и ведущий аскетический образ жизни.
96. монашка	I. <i>разг.</i> То же, что: монахиня. II. Ночная бабочка семейства волнянок с черными полосами и пятнами на крыльях и брюшке, гусеницы которой являются вредителями древесных растений. III. <i>устар.</i> Курительная свечка, распространяющая при горении ароматный дым.
97. мясник	1. Тот, кто торгует мясом или работает на бойне. 2. <i>разг.</i> Кровожадный, жестокий человек. 3. <i>разг.-сниж.</i> Плохой хирург.
98. надувальщик	<i>разг.</i> 1. Тот, кто надувает что-л. 2. Обманщик.
99. наёмник	1. Тот, кто работает по найму. 2. Тот, кто продан кому-л., кто из низких, корыстных побуждений защищает чужие интересы.

100. наймит	1. Наемный работник, батрак. 2. Солдат или офицер наемной армии.
101. нянька	I. <i>разг.</i> Работница, занимающаяся уходом за детьми в детских садах, яслях. II. <i>разг.</i> Тот, кто заботится о ком-л., опекает кого-л.
102. оратор	1. Тот, кто профессионально занимается искусством красноречия (у античных народов). 2. Тот, кто обладает даром произносить речи.
103. оруженосец	1. Молодой дворянин, обязанный сопровождать и охранять рыцаря в бою, заботиться о его оружии и коне (в средние века). 2. Тот, кто слепо предан кому-л., чему-л., рабски следует за кем-л., чем-л.
104. охотник	1. Тот, кто занимается охотой. 2. а. Тот, кто занимается поисками, преследованием кого-л., чего-л. с целью задержать или уничтожить. б. <i>разг.</i> Тот, кто стремится найти, раздобыть, заполучить что-л.
105. паж	1. Молодой дворянин, проходящий первую ступень подготовки к рыцарскому званию в качестве личного слуги при дворе крупного феодала или короля (в средневековой Западной Европе). 2. <i>устар.</i> Мужчина, преданно ухаживающий за женщиной (обычно с оттенком иронии).
106. паладин	1. Доблестный рыцарь, преданный своему государю или даме. 2. Тот, кто беззаветно предан какой-л. идее или какому-л. лицу.
107. палач	1. Лицо, которое приводит в исполнение приговор к смертной казни через повешение, отсечение головы, а также производит по приговору тяжелые телесные наказания. 2. Жестокий мучитель, угнетатель. 3. Притеснитель, губитель.
108. панегирист	1. Автор панегирика. 2. Тот, кто чрезмерно восторгается, восхищается кем-л., чем-л., неумеренно прославляет кого-л., что-л.
109. пасквильянт	1. а. Автор пасквиля. б. Писатель, в произведениях которого содержатся нападки на кого-л., что-л. 2. <i>разг.</i> Тот, кто склонен распространять оскорбительные измышления о других.
110. пастух	1. Тот, кто пасет скот. 2. <i>Пастушок</i> – а. Небольшая птица отряда пастушков с покровительственной окраской. б. <i>устар.</i> Чувствительный, идиллически настроенный мужчина.
111. паяц	1. а. Балаганый шут, клоун в цирке. б. Игрушка, кукла, изображающая такого шута, клоуна. 2. <i>перен.</i> Тот, кто, ломаясь, кривляясь, ведет себя как шут, как клоун.
112. певец	1. а. Человек, умеющий петь, много поющий. б. Тот, кто поет; поющий. в.

	Тот, кто занимается пением профессионально. 2. <i>разг.</i> Певчая птица. 3. Тот, кто изображает, воспевает, прославляет кого-л., что-л. в поэзии, живописи, музыке и т.п.
113. пилот	1. Летчик, специалист по управлению самолетом или другим летательным аппаратом. 2. Спортсмен, управляющий бобом, малолитражным гоночным автомобилем. <i>Автомилот</i> - устройство, обеспечивающее автоматическое управление летательным аппаратом - самолетом, вертолетом и т.п. - во время полета.
114. подёнщик	1. Наемный рабочий с поденной оплатой. 2. <i>разг.</i> Тот, кто зарабатывает средства существования тяжелым трудом.
115. политик	1. Политический деятель. 2. <i>разг.</i> Тот, кто обладает тактом в общении с людьми.
116. поставщик	1. Лицо или учреждение, занимающееся поставками каких-л. товаров, продуктов и т.п. 2. <i>разг.</i> Источник чего-л.
117. поэт	1. а. Автор поэтических произведений; писатель-художник. б. Автор стихотворных поэтических произведений; стихотворец. 2. Художник любого вида искусства, произведения которого отличаются поэтичностью. 3. Тот, кто поэтически воспринимает действительность, поэтически относится к окружающему.
118. привратник	I. Сторож у ворот, у входа куда-л. II. Место перехода желудка в двенадцатиперстную кишку.
119. приказчик	1. а. Наемный служащий у купца или в торговом заведении, выполнявший поручения торгового характера, занимавшийся по доверенности хозяина торговлей в магазине (в Российском государстве до 1917 г.). б. Продавец в магазине. 2. <i>устар.</i> Тот, кто рабски подчинен кому-л., находится в полной зависимости от кого-л., исполняет чьи-л. прихоти.
120. прислужник	1. <i>устар.</i> Тот, кто прислуживает, служит; слуга, служитель. 2. Приверженец, помощник в каком-л. дурном деле.
121. прозаик	1. Писатель, пишущий прозой. 2. Тот, кто лишен возвышенных интересов, занят повседневной, бытовой материальной стороной жизни.
122. проповедник	1. Тот, кто произносит речь религиозно-поучительного характера; церковный оратор. 2. <i>разг.</i> Тот, кто читает наставления, нравоучения. 3. <i>разг.</i> Тот, кто пропагандирует какие-л. взгляды, чьи-л. идеи, выступает

	поборником чего-л.
123. пророк	1. Провозвестник и истолкователь воли Бога, богов (по воззрениям различных религий). 2. Тот, кто имеет непререкаемый авторитет в чем-л.
124. проститутка	I. Женщина, занимающаяся проституцией. II. <i>разг.</i> Тот, кто продажен, бесчестен.
125. психолог	I. Специалист в области психологии. II. <i>разг.</i> Тот, кто хорошо разбирается в характерах, переживаниях, поведении людей.
126. регистратор	1. Должностное лицо в учреждении, производящее регистрацию кого-л., чего-л. 2. <i>разг.</i> Тот, кто отмечает, констатирует происходящие события, явления.
127. ремесленник	1. Тот, кто знает какое-л. ремесло и занимается по заказу потребителя изготовлением изделий кустарным способом у себя на дому собственными орудиями производства. 2. <i>разг.</i> Тот, кто не вкладывает в свою работу творческой инициативы, действует по сложившемуся шаблону.
128. ритор	1. а. Оратор (у древних греков и римлян). б. Учитель теории красноречия. 2. <i>устар.</i> Оратор, прибегающий к искусственным приемам красноречия, говоря красиво, пышно, но малосодержательно.
129. рулевой	1. Тот, кто сидит за рулем (судна, трактора, комбайна и т.п.). 2. <i>разг.</i> Руководитель.
130. рыцарь	1. Тот, кто в средние века в Западной Европе принадлежал к военно-землевладельческому сословию. 2. Самоотверженный, благородный, великодушный человек. 3. Тот, кто безраздельно отдает себя какому-л. делу, какой-л. идее.
131. самовластитель	<i>устар.</i> 1. Владелец единоличной, неограниченной власти; самодержец. 2. Тот, кто творит произвол.
132. самодержец	1. Не ограниченный в своей власти, самодержавный правитель; монарх. 2. <i>разг.</i> Тот, кто использует неограниченную личную власть; деспот.
133. сапожник	1. Мастер по шитью и починке обуви. 2. <i>разг.</i> Неумелый, неискусный в работе человек.
134. сатирик	1. Автор сатиры. 2. <i>разг.</i> Тот, кто характеризует действительность в тонах злой, язвительной насмешки.
135. сатрап	1. Правитель области, провинции в древней Персии и ряде других древних восточных государств. 2. Деспотический администратор, не

	считающийся с законами.
136. секретарь	I. Работник, ведающий делопроизводством учреждения, предприятия и т.п., а также ведущий деловую переписку отдельного лица. II. Обитающая в Африке хищная птица с длинными ногами и напоминающим гусиное перо хохлом на голове.
137. сеятель	1. Тот, кто занимается посевом семян; сеяльщик (в высокой, торжественно- риторической речи). 2. Тот, кто распространяет что-л. среди людей.
138. скоморох	1. Народный странствующий актер (на Руси IX-XIII вв.). 2. <i>разг.</i> Тот, кто потешает других своими шутовскими выходками.
139. скорописец	<i>устар.</i> 1. Писец, переписчик, обладающий навыком писать скорописью. 2. Плохой писатель, пишущий быстро и много.
140. следопыт	1. а. Охотник, выслеживающий зверя по следам. б. Тот, кто имеет опыт в распознавании следов. 2. <i>разг.</i> Тот, кто ищет, выслеживает кого-л., что-л.
141. слуга	1. Работник в богатом доме для личных услуг. 2. Тот, кто готов исполнить чью-л. волю, чье-л. желание, защитить чьи-л. интересы. 3. Тот, кто отдает себя служению чему-л., работает во имя чего-л. 4. <i>Покорный слуга</i> – а. <i>устар.</i> вежливая форма заключения письма. б. формула обозначения говорящим самого себя.
142. служитель	1. <i>устар.</i> То же, что: слуга. 2. Тот, кто отдает себя служению чему-л., работает во имя чего-л.
143. солдат	1. а. Рядовой военнослужащий сухопутных войск. б. Любой военнослужащий. 2. Преданный, стойкий участник какого-л. общественного движения, член какой-л. организации и т.п.
144. сочинитель	1. <i>устар.</i> Создатель литературных или музыкальных произведений; писатель, поэт или композитор. 2. <i>разг.</i> Выдумщик, фантазер, лгун.
145. спекулянт	1. Тот, кто занимается спекуляцией. 2. Тот, кто умышленно использует что-л. в личных корыстных целях.
146. статист	1. Актер, исполняющий второстепенные роли без слов, участник массовых сцен. 2. Тот, кто играет в каком-л. деле незначительную роль и действует по указке других.
147. сторож	I. 1. Тот, кто несет охрану кого-л., чего-л. 2. <i>разг.</i> Тот, кто, оберегая, наблюдает за кем-л., чем-л. II. <i>разг.</i> Приспособление для того, чтобы молоко при кипении не переливалось через край.

148. стрекулист	<i>устар.</i> 1. Мелкий чиновник, канцелярский служащий; приказный. 2. Бойкий писака. 3. а. Проныра, ловкач. б. Обманщик, плут.
149. стрелец	I. <i>устар.</i> Военнослужащий особого постоянного войска (на Руси XVI-XVII вв.). II. 1. Одно из двенадцати зодиакальных созвездий, расположенное в Южном полушарии. 2. Название одного из двенадцати знаков зодиака, соответствующего месяцу, в котором Солнце находится в таком созвездии.
150. стриптизер	1. Участник стриптиза. 2. <i>разг.</i> Тот, кто в своем поведении отличается чрезмерным, неуместным откровением.
151. строитель	1. Специалист в области строительства. 2. Тот, кто создает что-л.
152. суфлер	1. Работник театра, подсказывающий актерам слова роли во время представления. 2. <i>разг.</i> Тот, кто руководит чьими-л. действиями.
153. сыщик	1. Тайный агент, занимающийся слежкой. 2. <i>разг.</i> Тот, кто разыскивает кого-л., что-л.
154. талмудист	I. Истолкователь, знаток, последователь Талмуда. II. Схоласт, начетчик, догматик.
155. творец	I. Тот, кто в процессе творчества создал что-л. материально или духовно ценное. II. Творец Бог как высшее существо, которое – по религиозным представлениям – создало мир; Создатель.
156. телохранитель	1. Тот, кто охраняет кого-л. 2. <i>разг.</i> Тот, кто постоянно сопровождает кого-л.
157. тиран	1. Единоличный правитель, захвативший власть насильственным путем (в Древней Греции и Древнем Риме, а также в городах-республиках Италии XIII-XVI вв.). 2. Тот, кто мучит, угнетает, лишает свободы и спокойствия.
158. торгаш	<i>разг.</i> 1. Торговец (обычно с оттенком пренебрежительности). 2. Стяжатель, корыстолюбец.
159. тормозильщик	1. <i>устар.</i> Тот, кто до введения автоматических тормозов на железнодорожном транспорте приводил в действие тормоза вагонов. 2. <i>разг.</i> Тот, кто тормозит выполнение чего-л., мешает осуществлению какого-л. дела.
160. трубадур	1. Средневековый провансальский странствующий поэт-певец. 2. Тот, кто воспекает, прославляет что-л., посвящая свое творчество какой-л. определенной теме.

161. трубач	I. 1. Музыкант, играющий на трубе. 2. <i>разг.</i> Тот, кто распространяет какие-л. слухи, известия; сплетник. II. Декоративная порода голубей, отличающаяся характерным голосом и оригинальным оперением.
162. тряпичник	1. Скупщик тряпья. 2. <i>разг.</i> Тот, кто чрезмерно интересуется нарядами, тряпками.
163. услужник	<i>устар.</i> 1. Слуга, служитель. 2. Человек, готовый услужить.
164. учитель	1. а. Тот, кто занимается преподаванием какого-л. предмета в школе; преподаватель. б. Тот, кто обучает, учит чему-л. 2. Тот, кто научил или учит чему-л., кто оказывает или оказывал влияние на развитие кого-л., чего-л.; воспитатель, наставник. 3. Тот, кто является главой, автором какого-л. учения, высшим авторитетом в какой-л. области и имеет последователей.
165. фарсёр	<i>устар.</i> 1. а. Актер, играющий в фарсах. б. Актер, создающий комический эффект лишь внешними средствами. 2. Тот, кто склонен к грубым шуткам, шутовским проделкам.
166. фигляр	1. <i>устар.</i> Фокусник, акробат, шут. 2. <i>разг.</i> Позер, кривляка.
167. философ	I. Специалист в области философии. II. <i>разг.</i> Тот, кто разумно, рассудительно и спокойно относится ко всем жизненным явлениям, сложностям и невзгодам.
168. фокусник	I. Профессионал, демонстрирующий фокусы. II. <i>разг.</i> Капризный, привередливый человек, прибегающий к фокусам.
169. фотограф	1. а. Тот, кто занимается фотографией как любитель. б. Тот, кто профессионально занимается фотографией. 2. <i>разг.</i> Художник, писатель и т.п., буквально воспроизводящий в своем творчестве явления действительности.
170. химик	1. Специалист в области химии. 2. <i>разг.</i> Тот, кто склонен ко всякого рода махинациям (обычно с оттенком шутливости или иронии).
171. хирург	I. Специалист в области хирургии. II. Морская хищная рыба семейства хирургов, у которой с каждой стороны хвоста имеется шип с острием, направленным вперед.
172. холоп	I. 1. а. Тот, кто в Древней Руси находился в феодальной зависимости, по форме близкой к рабству. б. Дворовый, крепостной слуга. в. Подданный царя, находившийся в полной зависимости от него. 2. Тот, кто пресмыкается перед кем-л., кто готов на все из раболепия,

	низкопоклонства. II. <i>устар.</i> Приспособление в виде наклонной скамеечки с вырезом для задника, использовавшееся при снимании сапог.
173. художник	1. Тот, кто создает произведения искусства. 2. Тот, кто достиг высшего мастерства в какой-л. сфере деятельности.
174. царь	1. а. Титул монарха в некоторых странах. б. Монарх, имеющий такой титул. 2. Тот, что господствует надо всем или всеми, превосходит всех или всё; владыка, властитель. 3. Употр. как приложение, указывая на исключительность, превосходство определяемого среди ему подобных.
175. целитель	<i>устар.</i> 1. Тот, кто исцеляет, врачует от чего-л. 2. Тот, кто способен утешить, успокоить, облегчить душевные страдания.
176. цензор	1. Должностное лицо, осуществляющее цензуру. 2. <i>разг.</i> Тот, кто строго контролирует что-л.
177. циркач	<i>разг.</i> 1. Артист цирка. 2. Тот, кто пристрастен к внешним эффектам (обычно с оттенком неодобрительности).
178. чаровник	<i>устар.</i> 1. Волшебник, колдун. 2. Обаятельный человек.
179. чародей	1. Волшебник, колдун. 2. Тот, кто пленяет, очаровывает чем-л.
180. чернорабочий	1. Тот, кто выполняет работу, не требующую какой-л. квалификации (обычно физически тяжелую или грязную). 2. а. <i>разг.</i> Тот, кто способен выполнять лишь какую-л. обыденную, будничную работу. б. Тот, кто выполняет черновую работу рядовых участников какого-л. дела
181. чиновник	1. Государственный служащий. 2. Тот, кто относится к своему делу с казённым равнодушием, формально; бюрократ.
182. чудодей	<i>устар.</i> 1. Тот, кто совершает чудеса; волшебник, чародей. 2. Тот, кто совершает нечто удивительное, необычное.
183. штамповщик	1. Тот, кто занимается штамповкой. 2. <i>разг.</i> Тот, кто делает что-л. по готовым образцам.
184. шут	1. Лицо при дворе государя, в домах вельмож, бояр и т.п., обязанностью которого являлось развлечение хозяев и их гостей шутками, остротами, забавными выходками и т.п. 2. Тот, кто паясничает, кривляется на потеху, балагурит в угоду другим (обычно с оттенком неодобрительности).
185. шутиха	I. <i>устар.</i> Женск. к сущ.: шут. II. <i>устар.</i> Разновидность фейерверка.
186. эквилибрист	1. Артист цирка, занимающийся эквилибристикой. 2. Человек, проявляющий необычайную изворотливость и лавирование в поведении, спорах и т.п.

187. эпиграмматист	1. <i>разг.</i> Сочинитель эпиграмм. 2. <i>устар.</i> Насмешник.
188. ювелир	1. Тот, кто профессионально занимается изготовлением ювелирных изделий. 2. Тот, кто отличается умением искусно и тщательно выполнять свою работу.

Табл. №13.2. Имена существительные с семантикой трудовой деятельности, имеющие метафорические ЛСВ, в английском языке (по данным толкового словаря Collins English Dictionary)

Номинация	Прямое и переносные метафорические значения
1. acrobat (акробат)	1. Артист, выполняющий трюки, требующие сноровки, ловкости и координации, напр., кульбиты, трюки на трапеции, хождение по канату. 2. Человек, известный частой и резкой сменой взглядов и предпочтений (напр., <i>a political acrobat</i> - <i>политический акробат</i>).
2. actor (актер)	1. Человек, играющий в пьесе, фильме, телепередаче и пр. 2. <i>разг.</i> Человек, который притворяется с целью обмануть других (часто в выражении <i>a bad actor</i> - <i>плохой актер</i>).
3. adjutant (адъютант)	1. Офицер, состоящий при военном начальнике для выполнения административных поручений. 2. Сокращенное название для птицы-адъютанта.
4. admiral (адмирал)	1. Высшее командующее лицо в военно-морском флоте. 2. Бабочка семейства нимфалид, особенно красный адмирал или белый адмирал.
5. advocate (адвокат)	1. Человек, который поддерживает, защищает что-либо; сторонник. 2. Человек, выступающий от имени другого. 3. Человек, который представляет интересы своего клиента в суде. 3. <i>Devil's advocate</i> (<i>адвокат дьявола</i>) - человек, защищающий противоположную или непопулярную позицию, часто лишь с целью спора.
6. agent (агент)	1. Человек, который выступает по поручению другого человека, группы, предприятия, правительства и др.; представитель. 2. Явление, предмет или организм, оказывающий какое-либо действие, эффект (напр., <i>a chemical agent</i> - <i>химический агент</i>). 3. То, вследствие чего происходит или достигается что-либо; инструмент (напр., <i>wind is an agent of plant pollination</i> - <i>ветер - агент опыления растений</i>).

7. apostle (апостол)	1. Один из 12 учеников, избранных Христом, чтобы проповедовать Евангелие. 2. Тот, кто горячо поддерживает дело, реформу, движение и пр. в момент их зарождения.
8. apparatchik (аппаратчик)	1. Член коммунистического аппарата. 2. <i>презрит., ирон.</i> Чиновник или бюрократ в любой организации.
9. arbiter (арбитр)	1. Человек, наделенный властью судить спор; судья; третейский судья. 2. Человек, чьи взгляды или действия имеют влияние в определенной сфере: (напр., <i>an arbiter of taste</i> - <i>арбитр вкуса</i>).
10. archer (стрелок из лука)	I. 1. Человек, занимающийся стрельбой с помощью лука и стрел. 2. <i>archerfish</i> (<i>рыба-стрелок</i>) – пресноводная рыба, которая атакует насекомых, выстреливая в них водой II. <i>Созвездие Стрельца</i> , девятого зодиакального знака.
11. architect (архитектор)	1. Человек, квалифицированный для разработки проекта зданий и надзора за их возведением. 2. Любой создатель, разработчик плана (напр., <i>the architect of the expedition</i> – <i>архитектор экспедиции</i>).
12. artist (художник)	1. Человек, который занимается искусством или талантлив в нем, особенно в сфере живописи или скульптуры. 2. Человек, демонстрирующий в своей работе качества, необходимые в искусстве, художественное чутье и воображение 3. Человек, чья профессия требует художественных способностей, особенно дизайнер (напр., <i>a commercial artist</i> - <i>коммерческий художник</i>). 4. Человек, талантливый в какой-либо сфере: (напр., <i>an artist at bricklaying</i> - <i>художник в кладке кирпича</i>).
13. artiste (артист)	1. Работник сферы развлечений, напр., певец или танцовщик. 2. Человек, который очень талантлив в какой-либо сфере деятельности (напр., <i>a hair artiste</i> – <i>артист по волосам</i>).
14. athlete (атлет)	1. Человек, который соревнуется в сфере спорта или занимается упражнениями, требующими физической силы, скорости или выносливости. 2. Человек, имеющий природную склонность к занятию спортом. 3. <i>Athlete's foot</i> (<i>нога атлета</i>) – грибковая инфекция кожи стоп, особенно между пальцами и на подошве стопы.
15. axeman (лесоруб)	1. Человек, который орудует топором, особенно при рубке деревьев. 2. Человек, сокращающий расходы или предоставляемые услуги, особенно по поручению другого человека (напр., <i>the chancellor's axeman</i> – <i>лесоруб канцлера</i>).

16. baker (пекарь)	1. Человек, занимающийся выпечкой или продажей хлеба, пирогов и пр. 2. <i>On the baker's list</i> (в списке пекаря) – в добром здравии. 3. <i>Baker's dozen</i> (дюжина пекаря) – тринадцать.
17. balladmonger (продавец баллад)	1. Тот, кто продает баллады, особенно в авторитетных газетах. 2. Автор бездарной поэзии.
18. barber (цирюльник)	1. Человек, работа которого – стричь мужчин и брить им бороды. 2. <i>Barber's rash/ itch</i> (сыпь/ зуд цирюльника) - грибковая инфекция волосистой части шеи и подбородка.
19. bishop (епископ)	1. (в Римской католической, Англиканской и Греческой православной церкви) Священнослужитель, имеющий духовную и административную власть над церковной епархией. 2. Шахматная фигура, которая ходит по диагонали на любое число полей одинакового цвета. 3. Подогретое вино, обычно портвейн, приправленное апельсином, гвоздикой и пр. 4. <i>Bishop sleeve</i> (рукав епископа) - длинный рукав, расширяющийся книзу и собранный на запястье. 5. <i>Bishopbird</i> (птица-епископ) - вид птиц, мужская особь которых имеет черное оперенье с красными и желтыми отметинами.
20. boatman (лодочник)	1. Человек, который работает на лодке, чинит, сдает ее в наем или управляет лодкой. 2. <i>Water boatman</i> (водный лодочник) – вид водных жуков с плоским тельцем и задними лапками в форме весел.
21. boffin (исследователь)	1. <i>разг.</i> Ученый, особенно тот, который проводит исследования в военной сфере. 2. Человек, имеющий обширные знания или умения в определенной сфере. 3. <i>разг.</i> Тот, кто слишком умен и интересуется только академическими вопросами.
22. bombardier (бомбардир)	1. Член экипажа самолета-бомбардировщика, ответственный за наведение и пуск снарядов. 2. <i>Bombardier beetle</i> (жук-бомбардировщик) – жужелица семейства Бомбардиры, которая, защищая себя, выстреливает из желез брюшка летучую жидкость.
23. boxer (боксер)	1. Человек, который занимается боксом, профессионально или в качестве хобби; борец. 2. Гладкошерстная собака среднего размера с плоской мордой. 3. <i>Boxer's ear</i> (ухо боксера) - утолщение и деформация внутреннего уха в результате разрыва кровеносных сосудов. 4. <i>Boxer shorts</i> (шорты боксера) – свободные мужские трусы.
24. breeder (заводчик)	1. Человек, занимающийся разведением растений или животных. 2. Источник, причина чего-либо (напр., <i>a breeder of discontent</i> – заводчик

	<i>недовольства).</i>
25. broker / stockbroker (брокер)	1. Агент, который действует по поручению начальника и занимается скупкой или продажей товаров, ценных бумаг и пр., получая комиссию. 2. <i>Stockbroker belt (пояс брокера)</i> – район за чертой крупного города, в котором проживают состоятельные люди.
26. buffoon (буффон)	1. Человек, который веселит других нелепым или чудаковатым поведением, шутками и пр. 2. Глупый человек.
27. bureaucrat (бюрократ)	1. Представитель системы управления. 2. Чиновник, пренебрегающий существом дела ради соблюдения формальностей.
28. burgomaster (бургомистр)	1. Глава органов местного самоуправления в Австрии, Бельгии, Германии или Нидерландах; мэр. 2. Популярное название полярной чайки.
29. busman (водитель автобуса)	1. Тот, кто работает в автобусе, особенно водитель или кондуктор. 2. <i>Busman's holiday (выходной водителя автобуса)</i> – разг. выходной, проведенный за теми же делами, что на работе.
30. butcher (мясник)	1. Продавец мяса. 2. Человек, занимающийся убоем скота и разделкой туш. 3. Беспорядочный и жестокий убийца 4. Человек, который разрушает, уничтожает, портит что-либо 5. <i>Butcherbird (птица-мясник)</i> – птица, которая убивает жертву, насаживая ее на шипы растений 6. <i>Butcher's-broom (метла мясника)</i> – вечнозеленый кустарник с шипами на сплюснутых стеблях, который раньше использовался для изготовления метл.
31. captain (капитан)	1. Человек, ответственный за судно. 2. Лидер команды в игре. 3. Человек, командующий группой, организацией и пр.; лидер (напр., <i>a captain of industry</i> – капитан производства).
32. carpenter (плотник)	1. Человек, занимающийся работой по дереву, особенно при строительстве зданий, кораблей и пр. 2. <i>Carpenter bee (пчела-плотник)</i> – крупная пчела-одиночка, которая откладывает яйца в каналах, проделанных в древесине. 3. <i>Carpenter moth (моль-плотник)</i> – крупная моль, личинки которой наносят урон коре деревьев. 4. <i>Carpenter ant (муравей-плотник)</i> – крупный муравей, строящий гнезда в деревянных зданиях, стволах деревьев и т.д. 5. <i>Carpenter's hammer (молоток плотника)</i> – гвоздодер.
33. censor (цензор)	1. Человек, наделенный полномочиями проверять публикации, театральные постановки, фильмы, письма и пр. и запрещать их целиком или частично по причине оскорбительно, политически неприемлемого и

	т.п. содержания. 2. Любой человек, контролирующий или подавляющий действия других, обычно из соображений морали.
34. chevalier (шевалье)	1. <i>истор.</i> Воин или рыцарь на коне. 2. Благородный человек, галантный кавалер.
35. chieftain (вождь)	1. Глава или предводитель племени или клана. 2. Глава группы лиц.
36. cleaner (уборщик)	1. Человек, занимающийся уборкой помещения. 2. <i>take a person to the cleaners (отвести человека к уборщикам)</i> – разг. обокрасть кого-то или лишить всех денег мошенническим путем.
37. clown (клоун)	1. Комический актер, обычно в гротескном костюме, выступающий в цирке. 2. Тот, кто шутит и разыгрывает других. 3. Человек, который ведет себя комично. 4. Грубый, неуклюжий, невежественный человек; мужлан.
38. cobbler (сапожник)	1. Человек, занимающийся изготовлением или починкой обуви. 2. <i>Cobbler's wax (воск сапожника)</i> – смола для пропитки нити. 3. <i>Cobbler's pegs (кольишки сапожника)</i> – растение с заостренной остью.
39 comedian (комедиант)	1. Эстрадный артист, специализирующийся на шутках, пародиях и пр. 2. <i>ирон.</i> Тот, кто веселит и развлекает других.
40. contortionist (человек-змея / акробат)	1. Артист, изгибающий свое тело в необычные формы, чтобы развлечь других. 2. Человек, искажающий, коверкающий значения фраз, мысли (напр., <i>a verbal contortionist – словесный акробат</i>).
41. coppersmith (медник)	1. Человек, работающий с медью или медными сплавами. 2. Птица с металлической ноткой в голосе.
42. courtier (придворный)	1. Тот, кто состоит на службе при дворе монарха. 2. Тот, кто угодничает с целью получить расположение.
43. cowboy (ковбой)	1. Наемный работник, который пасет стадо, обычно верхом на лошади, особенно на западе США. 2. Безответственный, беспринципный представитель бизнеса. 3. <i>Cowboy boots (сапоги ковбоя)</i> – высокие кожаные сапоги. 4. <i>Cowboy hat (шляпа ковбоя)</i> – шляпа с широкими полями, как у ковбоев.
44. creator (создатель)	1. Человек, предмет, создающий что-либо; творец. 2. Эпитет Бога.
45. crusader (крестоносец)	1. Воин в средневековых крестовых походах. 2. Человек, яро выступающий за политические, социальные или религиозные преобразования; участник кампании.

46. demagogue (демагог)	1. Политический агитатор, который с помощью ораторского мастерства манипулирует предрассудками и страстями толпы. 2. (в античности) Любой популярный политический лидер или оратор.
47. designer (дизайнер)	1. Человек, который разрабатывает и реализует дизайн предметов искусства, одежды, техники и пр. 2. Человек, который что-то замышляет, разрабатывает хитрые схемы, интриган
48. dictator (диктатор)	1. Правитель, власть которого не ограничена конституцией, законодательством, признанной оппозицией и т.п. 2. Человек, который высказывает суждения о поведении, моде и т.п., и эти суждения считаются авторитетными. 3. Человек, который ведет себя в авторитарной или тиранической манере.
49. diplomat (дипломат)	1. Должностное лицо, напр., посол или первый секретарь, занятый в сфере дипломатии. 2. Человек, тактичный и умелый в общении с людьми.
50. ditch-digger (копатель канав)	1. Тот, кто нанят, чтобы копать канавы. 2. Тот, кто выполняет очень тяжелую физическую работу.
51. doctor (врач)	1. Человек, имеющий лицензию для занятия медициной. 2. <i>разг.</i> Человек, который чинит что-либо. 3. Устройство для ремонта поверхностей с гальванопокрытием. 4. (в производстве бумаги) Лезвие, чистящее ролик, с целью регулировать толщину бумажной массы. 5. Прохладный морской ветер, дующий в некоторых странах. 6. <i>разг.</i> Человек, который нанят, чтобы улучшить работу или дать совет (напр., <i>spin doctor (врач по раскрутке)</i> – пиарщик, обеспечивающий подачу информации в СМИ под нужным углом зрения). 7. Искусственная рыболовная приманка, мушка. 8.. <i>What the doctor ordered (что доктор прописал)</i> – как раз то, что нужно.
52. driver (водитель)	1. Человек, который управляет транспортным средством. 2. <i>Be in the driver's seat (быть на сиденье водителя)</i> – контролировать ситуацию.
53. emperor (император)	1. Монарх, управляющий империей. 2. <i>Emperor, or emperor moth (Император, или моль-император)</i> – крупная моль с узором на крыльях, похожим на глаз. 3. <i>Emperor penguin (пингвин-император)</i> – пингвин с оранжево-желтыми отметинами на шее.
54. enchanter (чародей)	1. Человек, использующий магию, особенно чтоб наложить на кого-то заклятье. 2. <i>Enchanter's nightshade (наслен чародея)</i> – растение семейства Кипрейные, род Цирцея, с маленькими белыми цветами и колючими плодами.

55. engineer (инженер)	1. Человек, получивший высшее техническое образование. 2. Тот, кто создает и контролирует ситуацию, систему и т.п.
56. executioner (палач)	1. Должностное лицо, который приводит в исполнение приговор о смертной казни. 2. Убийца, нанятый политической или криминальной группировкой.
57. evangelist (евангелист)	1. Человек, иногда выступающий с проповедями. 2. Человек, проповедующий христианское Евангелие. 3. Ярый сторонник какого-либо дела.
58. fabulist (баснописец)	1. Человек, который пишет или рассказывает басни. 2. Человек, который обманывает или искажает факты.
59. farmer (фермер)	1. Человек, владеющий или управляющий фермой. 2. человек, приглядывающий за ребенком за плату. 3. <i>Farmer's lung (легкое фермера)</i> – воспаление альвеол как аллергическая реакция на споры грибов в сене.
60. fiddler (уличный скрипач)	1. Человек, играющий на скрипке, особенно исполняющий народную музыку. 2. <i>Fiddler-crab (краб-скрипач)</i> – вид краба, мужская особь которого имеет сильно увеличенную переднюю клешню.
61. fighter (борец)	1. Человек, который занимается борьбой, особенно профессиональный боксер. 2. Человек, отличающийся решимостью и целеустремленностью.
62. fisherman / fisher (рыбак)	1. Человек, который ловит рыбу, чтобы заработать на жизнь либо для развлечения. 2. <i>Fishers of men</i> (букв. <i>Рыбаки людей</i>) (Ловцы человеков) – евангелисты.
63. fishwife (торговка рыбой)	1. <i>устар.</i> Женщина, торгующая рыбой. 2. Грубая, сварливая женщина.
64. flunkey (ливрейный лакей)	1. Человек, выполняющий черную работу. 2. Подхалим, подлиза. 3. <i>презрит.</i> Ливрейный слуга или лакей.
65. footman (лакей)	1. Слуга-мужчина, особенно в ливрее. 2. Металлическая опора на четырех ножках для каминных принадлежностей. 3. Бабочка семейства Медведицы с желтыми нижними крыльями и коричневыми верхними крыльями с желтой полосой.
66. gamekeeper (егерь)	1. Человек, который нанят для разведения и охраны дичи в охотничьих угодьях большого поместья. 2. <i>Poacher turned gamekeeper (браконьер, ставший егерем)</i> – о том, чье поведение или занятия противоположны тому, что он делал раньше, напр., вор стал специалистом по системе безопасности помещений.

67. gatekeeper (привратник)	1. Человек, контролирующий, кто проходит через ворота. 2. Бабочка рода <i>Pugonia tithonus</i> , имеет оранжевые крылья с коричневым краем и черно-белые отметины на верхних крыльях. 3. Сотрудник в крупной организации, контролирующий поток информации, особенно в дочерние компании.
68. gendarme (жандарм)	1. Сотрудник полиции во Франции, а также странах, ранее находившихся под влиянием Франции. 2. Остроугольный выступ скального гребня в горном хребте, особенно в Альпах.
69. general (генерал)	1. Офицер рангом выше, чем генерал-лейтенант, особенно командующий большим военным подразделением. 2. Любой человек, выступающий в роли лидера и применяющий определенную стратегию или тактику.
70. gigman (извозчик на двуколке)	1. Тот, кто управляет двуколкой. 2. Филистер.
71. gladiator (гладиатор)	1. (в древнем Риме и Этрурии) Мужчина, обученный сражаться на арене для развлечения зрителей. 2. Человек, который поддерживает что-либо и публично борется за это.
72. gold-digger (золотоискатель)	1. Человек, который осуществляет поиски или ведет раскопки с целью добыть золото. 2. <i>разг.</i> Женщина, использующая свою внешность с целью получения подарков, увеличения богатства или улучшения социального положения.
73. golfer (игрок в гольф)	1. Человек, играющий в гольф. 2. <i>Golfer's elbow (локоть игрока в гольф)</i> – воспаление мышц внутренней части предплечья.
74. greaser (смазчик)	1. Механик, занимающийся моторными двигателями. 2. Неприятный человек, обхаживающий вышестоящих лиц в корыстных целях.
75. hangman (палач, каздивший через повешение)	1. Должностное лицо, приводившее в исполнение приговор о смертной казни через повешение. 2. Игра «Виселица» для двух и более игроков, в которую играют с помощью бумаги и карандаша.
76. harbinger (тот, кого посылали вперед королевского экипажа или армии для поиска жилья)	1. Человек или предмет, возвещающие приближение чего-либо; предвестник. 2. <i>устар.</i> Человек, посланный вперед королевского экипажа или армии с целью поиска жилья для них.
77. hatter	1. Человек, занимающийся изготовлением и продажей шляп. 2. <i>Mad as a</i>

(шляпник)	<i>hatter</i> (<i>Сумасшедший как шляпник</i>) – эксцентричный.
78. henchman (паж, оруженосец)	1. Преданный последователь или сторонник. 2. <i>устар.</i> Оруженосец, паж.
79. herald (глашатай)	1. Человек, объявляющий важные новости. 2. <i>книжн.</i> Предвестник. 3. Коричневая моль и бледно-оранжевыми отметинами, зимующая в старых зданиях.
80. horse-trader (торговец лошадьми)	1. Человек, который покупает и продает лошадей. 2. Тот, кто уверенно и результативно проводит переговоры
81. housekeeper (экономка, домашняя работница)	1. Женщина, нанятая для ведения домашнего хозяйства. 2. <i>Bad/good housekeeper</i> (<i>хорошая/ плохая домашняя работница</i>) - о человеке, который способен/ не способен умело и ловко справляться с домашними делами.
82. housemaid (горничная)	1. Девушка или женщина, нанятая для выполнения работы по дому, особенно та, которая также живет в этом доме. 2. <i>Housemaid's knee</i> (<i>колени горничной</i>) – воспаление сумки надколенника, особенно вследствие регулярного стояния на коленях на твердой поверхности.
83. housewife (домохозяйка)	1. Женщина, обычно замужняя, ведущая домашнее хозяйство и не имеющая оплачиваемой работы. 2. Небольшой швейный набор, выдаваемый солдатам.
84. huckster (мелочной торговец)	1. Человек, использующий грубые, сомнительные методы торговли. 2. <i>редк.</i> Человек, торгующий мелочами или фруктами на улице.
85. hunter (охотник)	1. Человек или животное, которые выслеживают и убивают либо ловят зверя. 2. Тот, кто старательно ищет что-либо (напр., <i>fortune-hunter</i> – охотник за богатством). 3. Сильная и выносливая лошадь, специально обученная для охоты. 4. Собака, специально обученная для охоты на зверя. 5. Созвездие Орион.
86. jockey (жокей)	1. Наездник, участвующий в скачках, особенно профессионально. 2. <i>Disc jockey</i> (<i>диск жокей</i>) – тот, кто проигрывает музыку на радио, вечеринке или в ночном клубе.
87. juggler (жонглер)	1. Человек, который жонглирует, особенно профессиональный артист. 2. Человек, манипулирующий данными, фактами с целью обмана.
88. king	1. Суверенный правитель независимого государства; монарх. 2. Начальник

(король)	или глава. 3. Человек, животное или предмет, лучшие или наиболее важные в своем роде. 4. Наиболее важная шахматная фигура, хотя теоретически наиболее слабая, которая может передвигаться за ход на одну клетку в любом направлении. 5. (шашки) фигура, которая пересекла все поле и была коронована, после чего она имеет право передвигаться как назад, так и вперед. 6. <i>King of kings</i> (король королей) – Бог.
89. knave (мужчина-слуга)	1. <i>устар.</i> Нечестный человек, жулик. 2. <i>устар.</i> слуга мужского пола.
90. knight (рыцарь)	1. (в средневековой Европе) Воин в доспехах и на коне, служивший своему господину. 2. Шахматная фигура, обычно в форме лошадиной головы, которая двигается на две клетки по горизонтали и одну по вертикали или одну по горизонтали и две по вертикали. 3. Героический защитник дамы, какого-либо дела или принципа.
91. lackey (лакей)	1. Подхалим, прихлебатель. 2. Ливрейный слуга, камердинер. 3. Человек, с которым обращаются, как с прислугой.
92. lawyer (юрист)	1. Человек с юридическим образованием, особенно адвокат. 2. Популярное название для налима, пресноводной рыба из семейства тресковых с усиками у рта.
93. lion-hunter (охотник на львов)	1. Человек, охотящийся на львов. 2. <i>разг.</i> Человек, ищущий возможности быть в компании с известными людьми.
94. magician (маг)	1. Человек, практикующий занятия магией. 2. Человек с необыкновенными способностями, влиянием или качествами.
95. manager (менеджер)	1. Человек, который управляет организацией, предприятием, магазином и пр. 2. Человек, имеющий талант эффективно управлять чем-либо.
96. mercenary (наемник)	1. Человек, нанятый чтобы сражаться за иностранную армию. 2. <i>редк.</i> Человек, который работает исключительно ради денег.
97. merchant (купец)	1. Человек, занятый покупкой и продажей товаров с целью получения прибыли, особенно на зарубежных рынках; торговец. 2. <i>неодобр.</i> Человек, занятый чем-либо сомнительным, нежелательным; «тип» (напр.. <i>gossip merchant</i> (купец сплетен) – тот, кто распространяет сплетни).
98. midwife (повивальная бабка)	1. Человек, обученный принимать роды и заботиться о женщинах до, во время и после родов. 2. Тот, кто способствует созданию или развитию чего-либо.
99. miller	1. Человек, владеющий и управляющий мельницей. 2. Моль бледной

(мельник)	расцветки. 3. Съедобный гриб с воронкообразной шляпкой и розоватыми спорами, часто растет в траве в форме кольца.
100. monarch (монарх)	1. Глава государства, носитель суверенной власти, особенно король, королева или император, получивший власть по наследству. 2. Кто-либо или что-либо, наделенные огромной властью и превосходящие других. 3. Крупная бабочка с оранжево-черными крыльями, питающаяся растениями семейства молочайные.
101. monk (монах)	1. Мужчина, член религиозной общины, принявший обет вести аскетическую жизнь. 2. Декоративный голубь с длинными перьями на лапах и окрасом головы, напоминающим капюшон монаха.
102. nanny (няня)	1. Женщина, занимающаяся присмотром за детьми. 2. Тот, кто относится к другим людям как к детям, усиленно опекает и заботится (напр., <i>nanny state</i> (государство-нянька) – правительство, взявшее на себя особо широкие социальные обязательства, решающее за граждан слишком многое).
103. nun (монахиня)	1. Женщина, член религиозной общины. 2. Разновидность декоративного голубя с черно-белым оперением. 3. <i>Nun's cloth</i> (ткань монахини) – вид тонкого мягкого шелка или шерстяной ткани для изготовления вуалей, платьев и т.п.
104. nurse (медсестра)	1. Человек, который ухаживает за больными, ранеными и престарелыми. 2. Рабочее насекомое (напр. рабочая пчела), следящее за личинками.
105. orator (оратор)	1. Человек, выступающий публично, особенно тот, кто владеет искусством красноречия. 2. Человек, склонный говорить долго и высокопарно.
106. orchestrator (оркестратор)	1. Человек, осуществляющий оркестровку. 2. Человек, занимающийся организацией и управлением чего-либо.
107. pastor (пастор)	1. Священник, ответственный за приход. 2. Разновидность скворца с гладкой черной головой и крыльями и бледно-розовым телом.
108. peddler (торговец вразнос)	1. <i>устар.</i> Человек, который ходит по домам и продает что-либо. 2. Человек, который продает запрещенные наркотики и краденное. 3. <i>неодобр.</i> Человек, который распространяет что-либо (напр., <i>peddlers of fear</i> – торговцы страхом).
109. philosopher (философ)	1. Человек, который изучает, преподает философию. 2. Человек с философским взглядом на жизнь, обладающий терпением и мудростью. 3. Человек, провозглашающий идеологию какого-либо культа или движения:

	(напр., <i>philosopher of the revolution</i> - философ революции).
110. pilot (пилот)	1. а. Человек, квалифицированный для управления воздушным или космическим судном. б. Человек, квалифицированный для управления кораблем. 2. Тот, кто выполняет функцию лидера, руководителя 3. <i>tex</i> . Вспомогательный, направляющий механизм 4. <i>tex</i> . Калиберная пробка для измерения внутреннего диаметра 5. (кино) Контргрейфер, устройство для точной установки киноплёнки относительно кадрового окна фильмового канала киносъёмочного аппарата 6. Пробный выпуск программы на радио или телевидении 7. Короткий фильм, дающий представление о снимаемом сериале. 8. <i>Pilot balloon</i> (<i>шар-пилот</i>) – воздушный шар, используемый в метеорологии для наблюдения за воздушными потоками. 9. <i>Pilot bird</i> (<i>птица-пилот</i>) – певчая птица, сопровождающая полет других птиц. 10. <i>Pilot fish</i> (<i>рыба-пилот</i>) – некрупная рыба с вертикальными полосками на теле, часто сопровождающая акул и других крупных рыб. 11. <i>Autopilot</i> (<i>автомпилот</i>) – устройство для автоматического управления летательным аппаратом. 12. <i>On automatic pilot</i> (<i>на автомпилоте</i>) – разг. действуя бессознательно, машинально из-за сильной усталости, шока или привычности выполняемой работы.
111. poet (поэт)	1. Человек, сочиняющий стихи. 2. Человек с богатой фантазией и творческими способностями.
112. policeman (полицейский)	1. Сотрудник полиции. 2. <i>Policeman bird</i> (<i>птица-полицейский</i>) – разновидность аиста с белым оперением, темно-зеленой спиной и хвостом и красными лапами. 3. <i>Policeman's helmet</i> (<i>шлем полицейского</i>) – вид растения с фиолетово-розовыми цветами. 4. <i>Sleeping policeman</i> (<i>спящий полицейский</i>) – искусственная неровность на дороге, ограничивающая скорость движения.
113. postman (почтальон)	1. Служащий, занимающийся доставкой корреспонденции адресатам. 2. <i>Postman's knock</i> (<i>стук полицейского</i>) – детская игра, в которой участник получает поцелуй в обмен на воображаемое письмо.
114. potter (горшечник)	1. Человек, изготавливающий посуду из глины. 2. <i>Potter wasp</i> (<i>пчела-горшечник</i>) – оса-одиночка, строящая вазообразные соты из грязи или глины и откладывая там яйца.
115. priest (священник)	1. Служитель культа в христианстве, наделенный правом выступать посредником между Богом и человеком. 2. (рыболовство) Небольшая

	дубинка для умерщвления пойманной рыбы 3. Разновидность декоративного голубя с гребешком из перьев на задней части головы.
116. prophet (пророк)	1. Человек, которого считают провозвестником или истолкователем воли Бога. 2. Человек, который выступает за или рассуждает в пророческой манере о новом теории, деле. 3. Человек, который предсказывает, что произойдет в будущем.
117. prostitute (проститутка)	1. Женщина, вступающая в интимную связь за деньги. 2. Человек, торгующий своими способностями, убеждениями.
118. queen (королева)	1. Женщина, являющаяся суверенным правителем или главой государства. 2. Женщина или предмет, персонифицированный как женщина, считающиеся лучшими или наиболее важными в своем роде. 3. Единственная фертильная особь женского пола в колонии таких насекомых, как пчелы, муравьи или термиты, из чьих яиц развивается целая колония. 4. Взрослая кошка. 5. Шахматная фигура, теоретически самая сильная фигура, которая может передвигаться на любое количество клеток по прямой в любом направлении.
119. rhapsodist (рапсод)	1. Человек, который исполняет или пишет рапсодии. 2. Человек, который говорит или выступает за что-то с большим энтузиазмом.
120. rhetorician (ритор)	1. Преподаватель искусства красноречия. 2. Тот, кто говорит или пишет красиво и со вкусом. 3. Человек, который говорит пышно, но малосодержательно.
121. runner (бегун)	1. Человек, который занимается бегом, особенно профессиональный атлет. 2. Посыльный в банке или брокерской фирме. 3. Сотрудник компании, торгующей предметами искусства или антиквариатом, который посещает аукционы, чтобы сделать ставки на желаемые лоты. 4. Претендент на рабочее место. 5. <i>разг.</i> Идея, у которой высокие шансы быть принятой; практическое предложение.
122. sailor (моряк)	1. Член экипажа корабля, по званию ниже офицерского. 2. <i>A good/bad sailor (хороший/плохой моряк)</i> – о том, кто (не) подвержен морской болезни. 3. <i>Sailor hat (шляпа моряка (моряцкая шляпа)</i> – шляпа с низкой тульей и поднятыми вверх полями. 4. <i>Sailor suit (костюм моряка)</i> – сине-белый детский костюм с прямоугольным воротником.
123. scavenger (уборщик улиц)	1. Тот, кто собирает вещи, выброшенные другими. 2. Животное, питающееся падалью или отбросами 3. Вещество, вводимое в химическую

	реакцию или химическое соединение с целью нейтрализовать посторонние примеси. 4. <i>устар.</i> Человек, убирающий улицы.
124. schoolmaster (школьный учитель)	1. Человек, который преподает в школе. 2. Кто-либо или что-либо, выступающее в роли наставника, инструктора (напр., опытная лошадь, используемая для обучения новичков верховой езде) 3. Рыба-лутьян.
125. scribe (писарь)	1. Человек, изготавливающий копии документов, особенно тот, кто переписывал документы до изобретения печати. 2. <i>ирон.</i> Бесталанный писатель или журналист.
126. sculptor (скульптор)	1. Человек, занимающийся скульптурой. 2. Слабое созвездие в южном полушарии между созвездиями Феникса и Кита.
127. secretary (секретарь)	1. Сотрудник, ведающий делопроизводством организации или отдельного лица. 2. <i>Secretary bird (птица-секретарь)</i> – крупная хищная птица с длинными ногами и хохолком на голове.
128. servant (слуга)	1. Работник для личных услуг, исполняющий обязанности по дому. 2. Преданный последователь и сторонник. 3. <i>Public servant (общественный слуга)</i> – служащий государственного, муниципального или общественного учреждения.
129. shepherd (пастух)	1. Работник, пасущий скот. 2. Человек, напр., священник, который руководит, присматривает за группой людей. 3. <i>Shepherd's plaid (клетка пастуха)</i> – а. черно-белый клетчатый узор. б. ткань, одежда и т.п. в черно-белую клетку. 4. <i>Shepherd's needle (игла пастуха)</i> – растение с длинными, иглообразными плодами. 5. <i>Shepherd's purse (кошелек пастуха)</i> – растение с мелкими белыми цветами и плоскими треугольными семянками. 6. <i>Shepherd's pie (пирог пастуха)</i> – блюдо из мясного фарша и картофеля-пюре. 7. <i>Shepherd's weatherglass (барометр пастуха)</i> – растение с мелкими красными, фиолетовыми или белыми звездообразными цветами, которые закрываются в плохую погоду.
130. showman (шоумен)	1. Человек, презентующий или создающий театральное шоу и т.п. 2. Человек, умеющий подать что-либо в выгодном свете.
131. singer (певец)	1. Человек, который зарабатывает на жизнь пением. 2. Певчая птица.
132. skipper (шкипер)	1. Капитан любого судна. 2. Командир самолета. 3. Глава, тренер или капитан спортивной команды.
133. slave-driver	1. <i>разг., неодобр.</i> Тот, кто заставляет других слишком много работать без

(погонщик рабов)	должного вознаграждения. 2. <i>устор.</i> Человек, заставлявший рабов работать.
134. soldier (солдат)	1. Человек, который служит в армии. 2. Тот, кто усердно работает, для достижения цели 3. Насекомое, особенно муравей, с мощной челюстью для защиты колонии 4. <i>разг.</i> Кусочек хлеба или тост, погруженный в яйцо всмятку. 5. <i>Old soldier (старый солдат)</i> – опытный человек. 6. <i>Tin soldier (оловянный солдат)</i> – человек, который любит играть в солдата. 7. <i>Soldier beetle (жук-солдат)</i> – жук с длинным туловищем. 8. <i>Soldier crab (Краб-солдат)</i> – вид краба. 9. <i>Soldier orchid (орхидея-солдат)</i> – вид орхидеи бледно-фиолетового цвета. 10. <i>Water soldier (водный солдат)</i> – водное растение с большими листьями и большими трехлистными белыми цветами. 11. <i>Soldier of fortune (солдат удачи)</i> – наемник.
135. sportsman (спортсмен)	1. Человек, занимающийся спортом, особенно на открытом воздухе. 2. Человек, демонстрирующий качества, которые высоко ценятся в спорте, такие как честность, благородство, тот, кто соблюдает правила и умеет проигрывать.
136. storyteller (сказочник)	1. Человек, рассказывающий сказки. 2. <i>разг.</i> Обманщик.
137. tailor (портной)	1. Человек, который изготавливает или ремонтирует одежду. 2. Морская рыба, с зубами, напоминающими ножницы. 3. <i>Tailor-made (сделано портным)</i> – прекрасно подходящий для каких-либо целей.
138. teacher (учитель)	1. Человек, профессия которого – учить других, особенно детей. 2. Персонифицированный объект, который учит (напр., <i>nature is a good teacher - природа – хороший учитель</i>).
139. technician (техник)	1. Специалист по технике. 2. Человек, добившийся мастерства в технике исполнения чего-либо. 3. Человек, с особыми художественными или техническими способностями, которому не хватает оригинальности и таланта.
140. timekeeper (хроно-метражист)	1. Человек, регистрирующий время. 2. Человек с точки зрения того, насколько он пунктуален (напр., <i>a good timekeeper (хороший хронометражист)</i> – пунктуальный человек).
141. tinker (жестянщик)	1. <i>устар.</i> Странствующий мастер по ремонту кастрюль и сковородок. 2. Неумелый работник 3. <i>разг.</i> Непослушный ребенок.
142. torchbearer	1. Человек, несущий факел. 2. Тот, кто ведет за собой либо вдохновляет

(факельщик)	
143. trouper (опытный актер)	1. Актер или артист с большим опытом. 2. Надежный и терпеливый человек.
144. usurer (ростовщик)	1. Тот, кто ссужает деньги под грабительский процент. 2. <i>устар.</i> Ростовщик.
145. valet (камердинер)	1. Комнатный слуга при господине. 2. <i>Valet parking (парковка с камердинером)</i> - сервис, предоставляемый в ресторанах, гостиницах, аэропортах, когда машину паркует служащий заведения.
146. varlet (прислужник)	1. Слуга, выполняющий черную работу. 2. Паж рыцаря. 3. Нечестный, беспринципный человек, мошенник.
147. waiter (официант)	1. Работник ресторана, кафе и т.п., обслуживающий гостей за столом. 2. <i>Dumb waiter (немой официант)</i> – а. лифт для транспортировки еды, мусора и т.п. с одного этажа на другой. б. сервировочный столик на колесиках. в. вращающаяся полка для еды.
148. witch (ведьма)	1. Женщина, практикующая черную магию и колдовство. 2. <i>разг., неодобр.</i> Безобразная или сумасшедшая женщина. 3. Чарующая, заволаживающая женщина.
149. wizard (волшебник)	1. Человек с магическими способностями, практикующий магию. 2. Тот, кто демонстрирует выдающиеся способности в какой-либо сфере; эксперт 3. <i>комп.</i> Компьютерная программа, выводящая подсказки при работе пользователя с приложением.
150. worker (рабочий)	1. Человек, который трудится на определенном месте работы. 2. Особь, не способная к размножению, в колонии пчел, муравьев или ос, которая добывает пищу и ухаживает за потомством.

Приложение 2

Табл. №14.1. Сопоставление данных, собранных в НКРЯ, с лексикографическим материалом.
Частотность метафорического использования существительных трудовой деятельности в НКРЯ.

Номинация	Сопоставление корпусных данных с материалом словаря	Доля метафорических употреблений лексемы в корпусе
1. адвокат	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	0,7%
2. адмирал	1. Словарных метафор не найдено.	-
3. адъютант	1. Значение метафоры частично совпадает с толкованием словаря: не встретилось одно из значений – «птица».	3,8%
4. академик	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением.	0,6%
5. акробат	1. Не встретилось выражение <i>акробаты благотворительности</i> . 2. Встретились метафоры и сравнения для обозначения «того, кто физически ловок, гибок».	14,7%
6. актер	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным смыслом. 3. Встретилось новое метафорическое значение: «тот, кто может хорошо выступать, изображать что-то». 4. Встретилось устойчивое выражение - <i>театр одного актера</i> .	1,2%
7. алхимик	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились сравнения со значением «тот, кто химичит что-то, кто делает нечто невероятное».	12,3%
8. артист	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. В корпусе встретилось новое метафорическое значение «ловкач, плут». 3. Встретились сравнения со сходным смыслом.	2,4%
9. архитектор	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2.	0,1%

	В корпусе встретилось метафорическое значение «творец, создатель».	
10. атаман	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	12,1%
11. атлет	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением. 3. Встретилось новое метафорическое значение «сорт салата».	17,2%
12. балерина	1. Словарных метафор не найдено. 2. Встретились сравнения для обозначения «красивой, грациозной девушки; девушки с легкой походкой», «чего-либо, совершающего вращательные движения вокруг своей оси».	7,7%
13. баскетболист	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились сравнения для обозначения «высокого человека».	3,5%
14. батрак	1. Словарное метафорическое значение дополняется, уточняется: появляется негативный оттенок: «тот, кто много работает, без инициативы».	10,1%
15. богатырь	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилось новое метафорическое значение: «крупный малыш».	42,3%
16. боксер	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения для описания «того, кто имеет плоский нос, крепкое телосложение».	10,1%
17. бонза	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	97,2%
18. борец	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилось новое метафорическое значение «человек с несломляемым характером».	92,2%
19. бургомистр	1. Словарных метафор не найдено.	-
20. буффон	1. Употреблений мало, словарных метафор нет.	-
21. бюрократ	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	1,0%
22. вакханка	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением (для описания «женщины с чувственным голосом, соблазнительного, вызывающего внешнего вида»).	39,5%
23. ведьма	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2.	19,4%

	Встретились сравнения со сходным значением. 3. Встретилось устойчивое выражение – <i>охота на ведьм</i> .	
24. вельможа	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	5,7%
25. властелин	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	52,0%
26. водолаз	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	8,8%
27. вождь	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	75,9%
28. воин	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретилось устойчивое выражение - <i>один в поле не воин</i> .	1,6%
29. волшебник	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением.	26,2%
30. врач	1. Словарных метафор не найдено.	-
31. врачеватель	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	14,8%
32. гастролер	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	27,7%
33. гвардеец	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	2,4%
34. генерал	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря и дополняется: «не просто тот, кто играет ведущую роль, главный в каком-либо деле, но и строгий, важный, значительный». 3. Встретились сравнения для описания «высокого, строгого человека».	4,1%
35. гимнаст	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились сравнения для описания «сильного и гибкого человека».	10,7%
36. глашатай	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	33,7%
37. гренадер	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением	17,1%
38. гробокопатель	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	16,0%
39. дворник	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	5,3%
40. декламатор	1. Словарных метафор не найдено.	-
41. деспот	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	58,3%
42. диктатор	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	12,0%
43. дипломат	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	6,7%
44. дирижер	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились метафоры и сравнения для	9,7%

	обозначения «того, кто руководит каким-либо действием».	
45. ересиарх	1. Употреблений крайне мало.	-
46. жандарм	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились метафоры для обозначения «того (чаще государства или организации), кто жестко подавляет других, деспотичен». 2. Встретилось устойчивое выражение - <i>жандарм в юбке</i> .	9,0%
47. жен-премьер	1. Употреблений крайне мало.	-
48. живодер	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	46,4%
49. жнец	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретилась в составе поговорки <i>и швец, и жнец, и на дуде игрец</i> , а также как метафора смерти.	60,0%
50. жонглер	1. Словарных метафор не встретилось. 2. Встретились сравнения для описания «ловкого человека».	11,0%
51. жрец	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	6,3%
52. законодатель	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	14,5%
53. закоперщик	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря, в современных текстах встретилось только в переносном значении.	100,0%
54. запевала	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	37,0%
55. застрельщик	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	96,7%
56. затворник	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	50,0%
57. звездочет	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилось новое метафорическое значение « <i>ирон. аналитики</i> ».	5,3%
58. звонарь	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	5,0%
59. иезуит	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	3,2%
60. извозчик	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились сравнения для описания «того, бранится, пьет и пр.».	20,4%
61. илот	1. Употреблений крайне мало.	-
62. инквизитор	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения для описания «человека сурового поведения, с ухмылкой».	22,2%

63. искатель	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	65,6%
64. канительщик	1. В современных текстах встретилось всего одно употребление лексемы.	-
65. канцелярист	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	27,5%
66. капитан	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	9,0%
67. капуцин	1. Значение метафоры частично совпадает с толкованием словаря: не встретилось значение «цветок».	22,9%
68. кардинал	1. Словарных метафор не найдено 2. Встретились новые метафорические значения: «рыба-кардинал», «скат-кардинал», «сорт томата». 3. Встретилось устойчивое выражение - <i>серый кардинал</i> .	12,4%
69. карикатурист	1. Словарных метафор не найдено.	-
70. каскадер	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились сравнения для описания «того, кто обладает необычайной физической ловкостью».	4,8%
71. клакер	1. Словарных метафор не найдено.	-
72. классик	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	0,9%
73. клоун	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением. 3. Встретились сравнения для описания «того, кто имеет излишне яркую, кричащую, грубую внешность». 4. Встретилось новое метафорическое значение: «рыба-клоун».	3,2%
74. командир	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	1,8%
75. комедиант	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря, но значение уточняется: метафоры не всегда негативно окрашены, могут иметь значение «шутник».	10,3%
76. коммерсант	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились метафоры для обозначения «алчного человека, который не гнушается ничем ради наживы».	10,6%
77. кондотьер	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	41,9%
78. коновал	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	84,2%
79. конструктор	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	4,9%

80. корифей	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилось новое метафорическое значение: «сорт томата».	100,0%
81. королева	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	15,5
82. король	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	19,3
83. кудесник	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	42,7%
84. кузнец	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилось новое метафорическое значение: «трудолюбивый создатель чего-либо».	1,5%
85. кукловод	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	88,0%
86. купец	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	0,3%
87. кустарь	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	6,1%
88. лавочник	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным смыслом.	6,3%
89. лазутчик	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	20,2%
90. лакей	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	12,7%
91. лакировщик	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	52,9%
92. лапотник	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	39,6%
93. легионер	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	27,6%
94. лекарь	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	1,5%
95. летописец	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения для описания «того, кто сохраняет хладнокровие и отстраненность, просто фиксируя происходящее».	15,6%
96. лирик	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилось устойчивое выражение - <i>физики и лирики</i> .	63,6%
97. лицедей	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	19,4%
98. лоскутник	1. В современных текстах нет употреблений.	-
99. лоцман	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилось новое метафорическое значение: «кто-то / что-то, сопровождающее, указывающее путь».	22,8%
100. маг	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением.	5,7%
101. маляр	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	4,8%

102. манекенщица	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились сравнения для описания «стройной девушки с красивой походкой».	5,5%
103. мастер	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	30,0%
104. матадор	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилось новое метафорическое значение: «сорт шпината».	19,1%
105. мельник	1. Словарных метафор не найдено.	-
106. министр	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря, но дополняется: «не только умный, но и очень важный, напыщенный человек».	0,1%
107. монах	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	1,8%
108. монашка	1. Словарных метафор не найдено. 2. Встретились сравнения для описания «девушки, отличающейся скромной внешностью и скромным поведением». 3. Встретилось новое метафорическое значение: «птица-монашка».	23,5%
109. мясник	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения для описания «человека грубой, зловещей внешности, грубого поведения».	10,6%
110. надзиратель	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились сравнения для описания «строгого, сурового, жестокого человека».	3,5%
111. надувальщик	1. Нет употреблений в корпусе.	-
112. наемник	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	4,2%
113. наймит	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилось новое метафорическое значение: «продажный человек».	71,0%
114. няня	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением. 3. Лексема встретилась в составе пословицы - <i>У семи нянек дитя без глазу.</i>	10,7%
115. оратор	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	3,1%
116. оруженосец	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	42,9%

117. охотник	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	1,0%
118. паж	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением, а также с более широким значением: «тот, кто прислуживает не только прислуживает женщине, но и всем другим». 3. Встретилось новое метафорическое значение: «стрижка паж».	32,1%
119. паладин	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	51,6%
120. палач	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилось новое метафорическое значение: «птица-палач».	32,0%
121. панегирист	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	80,0%
122. пасквилянт	1. Употреблений крайне мало.	-
123. пастух	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения для описания «того, кто контролирует, направляет».	8,1%
124. пахарь	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились метафоры и сравнения со значением: «тот, кто много и усердно трудится».	10,6%
125. паяц	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением.	63,0%
126. певец	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	10,0%
127. пианист	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились сравнения для описания «человека, имеющего длинные, утонченные пальцы».	5,6%
128. пилот	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	10,0%
129. поденщик	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	31,4%
130. политик	1. Метафоры в корпусе отличаются от словарных по смыслу: в корпусных метафорических употреблениях речь идет не о такте в общении с людьми, а о чутье политической ситуации.	0,7%
131. полицейский	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретилось устойчивое выражение - <i>лежащий полицейский</i> .	5,0%

132. поставщик	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	14,8%
133. поэт	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения для описания «человека, имеющего утонченную внешность, ранимую душу».	0,7%
134. привратник	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились новые метафоры и сравнения со значением «кто-то или что-то, выполняющее функцию фильтра».	9,0%
135. приказчик	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	4,0%
136. прислужник	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	26,4%
137. прозаик	1. Словарных метафор не найдено.	0%
138. проповедник	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	9,9%
139. пророк	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	20,0%
140. проститутка	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились новые метафоры и сравнения для обозначения «женщины вызывающего, нескромного поведения».	12,3%
141. психолог	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	8,0%
142. регистратор	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	0,8%
143. режиссер	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретилась новая метафора со значением: «руководитель, создатель».	0,5%
144. ремесленник	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	11,7%
145. ритор	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	11,1%
146. ростовщик	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретилась новая метафора со значением: «банкиры, финансовые воротилы».	3,0%
147. рулевой	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением.	47,8%
148. рыцарь	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением.	27,4%
149. самовластитель	1. В современных текстах нет употреблений.	-
150. самодержец	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	12,1%
151. санитар	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретилась новая метафора для обозначения «животных и птиц, выполняющих санитарную роль».	8,9%

152. сапожник	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением 3. Встретились сравнения для описания «грубого, невоспитанного человека, который пьет, ругается, безвкусно одевается и пр.» 4. Встретилось устойчивое выражение - <i>сапожник без сапог</i> .	5,3%
153. сатирик	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	2,4%
154. сатрап	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	74,4%
155. секретарь	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	0,1%
156. сеятель	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	81,6%
157. сказочник	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретилась новая метафора со значением: «обманщик».	
158. скоморох	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	27,1%
159. скорописец	1. В современных текстах нет употреблений.	-
160. следопыт	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением.	23,5%
161. слуга	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилось устойчивое выражение - <i>слуги народа</i> .	27,5%
162. служитель	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	33,3%
163. солдат	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилось новое метафорическое значение: «рядовой член, сотрудник, служитель». 3. Встретилось новое метафорическое значение для обозначения «муравьев, термитов, защищающих колонию». 4. Встретились сравнения для описания «того, кто имеет военную выправку, походку».	2,9%
164. сочинитель	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	6,6%
165. спекулянт	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	1,7%
166. статист	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	52,8%
167. сторож	1. Значение метафоры частично совпадает с толкованием словаря: нет значения «приспособление». 2. Встретились сравнения со сходным значением.	0,8%
168. стрекулист	1. Употреблений крайне мало.	-

169. стрелец	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	24,8%
170. стриптизер	1. Употреблений крайне мало, метафор нет.	-
171. строитель	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	6,5%
172. суфлер	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	11,3%
173. сыщик	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря, но значение метафоры корректируется: «тот, кто не просто ищет, но очень старательно ищет». 2. Встретились сравнения для описания «того, чье поведение отличается основательностью, тщательностью».	2,0%
174. талмудист	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	31,3%
175. творец	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	54,1%
176. телохранитель	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	3,7%
177. тиран	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	18,2%
178. торгаш	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	16,2%
179. тормозильщик	1. Нет современных употреблений	-
180. трубадур	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря, но значение немного корректируется: «тот, кто своими действиями, творчеством воспекает, прославляет что-л». 2. Встретилась новая метафора со значением: «романтичный поклонник».	27,1%
181. трубач	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря, но нет значения «сплетник». 2. Встретились новые метафоры: «инфузория-трубач», «моллюск-трубач», «лебедь-трубач».	5,3%
182. трубочист	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились сравнения для описания «очень грязного человека».	26,6%
183. тряпичник	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилась новая метафора: «морской конек-тряпичник».	40,0%
184. тюремщик	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились метафоры и сравнения со значением: «угнетатель, тот, кто попирает свободу».	15,1%
185. служник	1. Нет современных употреблений.	-
186. учитель	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	8,5%

187. учительница	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились сравнения для описания «строгой, правильной, скромной женщины».	2,0%
188. фарсер	1. Нет современных употреблений.	-
189. фигляр	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря, в современных текстах встретилось только в переносном значении.	100,0%
190. философ	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	7,8%
191. флагман	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретилась метафора со значением: «тот, кто стоит во главе, на передовой».	79,6%
192. фокусник	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилось новое метафорическое значение: «ловкач, трюкач, шутник». 3. Встретились сравнения для описания «ловкого человека».	35,0%
193. фотограф	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	0,5%
194. фото модель	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились сравнения для описания «красивой девушки».	18,7%
195. химик	1. Словарных метафор не найдено.	-
196. хирург	1. Словарных метафор не найдено.	-
197. холоп	1. Значение метафоры частично совпадает с толкованием словаря: не встретилось значения «скамеечка». 2. Встретилось новое метафорическое значение: «человек низкого статуса, презренный».	12,9%
198. художник	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилось устойчивое выражение - <i>свободный художник</i> .	2,1%
199. царь	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением. 3. Лексема встретилась в составе поговорки - <i>без царя в голове</i> .	12,9%
200. целитель	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	4,8%
201. цензор	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	10,0%
202. циркач	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	16,6%
203. чаровник	1. Современных употреблений крайне мало.	-

204. чародей	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	20,9%
205. чернорабочий	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	24,4%
206. чиновник	1. Словарных метафор не найдено.	-
207. чудодей	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	37,5%
208. штамповщик	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	20,0%
209. шут	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилось устойчивое выражение - <i>шут гороховый</i> .	29,4%
210. шутиха	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	64,9%
211. эквилибрист	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения для описания «того, кто изворачивается, физически балансирует».	32,4%
212. эпиграмматист	1. Современных употреблений крайне мало, метафор нет	-
213. ювелир	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением.	1,2%

Табл. №14.2. Сопоставление данных, собранных в ОЕС, с лексикографическим материалом.
Частотность метафорического использования существительных трудовой деятельности в ОЕС.

Номинация	Сопоставление корпусных данных с материалом словаря	Доля метафорических употреблений лексики в корпусе
1. acrobat (акробат)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилось новое метафорическое значение: «физически, интеллектуально ловкий; способный искусно балансировать». 3. Встретились сравнения со значением, сходным с (2). 4. Встретилось название компьютерной программы – <i>Acrobat reader</i> .	10,0%
2. actor (актер)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	3,1%
3. adjutant (адъютант)	1. Словарных метафор не найдено.	-
4. admiral	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	0,9%

(адмирал)		
5. advocate (адвокат)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	89,3%
6. agent (агент)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	13,0%
7. alchemist (алхимик)	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились метафоры со значением: «творец, создатель, соединяющий разрозненные элементы в нечто прекрасное» (чаще о музыкантах).	37,5%
8. apostle (апостол)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	36,7%
9. apparatchik (аппаратчик)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	50,0%
10. arbiter (арбитр)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	30,8%
11. archer (стрелок из лука)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	1,2%
12. architect (архитектор)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	6,0%
13. artist (художник)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	7,6%
14. artiste (артист)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	2,9%
15. athlete (атлет)	1. Значение метафоры частично совпадает с толкованием словаря: не встречается в значении «инфекция».	11,3%
16. axeman (лесоруб)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилось новое метафорическое значение: «тот, кто серьезно реорганизует, ломает, изменяет». 3. Встретилось новое метафорическое значение: «жестокий убийца».	34,0%
17. baker (пекарь)	1. Значение метафоры частично совпадает с толкованием словаря: не встретилось устойчивое выражение <i>on the baker's list</i> .	3,2%
18. balladmonger (продавец баллад)	1. Лексема не встречается в корпусе.	-

19. ballerina (балерина)	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились сравнения для описания «стройной, грациозной девушки, имеющей плавные движения».	1,5%
20. barber (цирюльник)	1. Словарных метафор не найдено.	-
21. bishop (епископ)	1. Значение метафоры частично совпадает с толкованием словаря: не встречается в значении «вино».	0,1%
22. boatman (лодочник)	1. Словарных метафор не найдено.	-
23. bodybuilder (бодибилдер)	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились сравнения на основе внешнего вида, типичных действий (позирование на соревнованиях, прием стероидов и пр.).	0,7%
24. bodyguard (телохранитель)	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились метафоры и сравнения со значением: «тот, кто охраняет, постоянно сопровождает кого-либо». 3. Встретились сравнения на основе внешнего вида (крепкий, высокий, в строгом костюме, темных очках и пр.).	1,3%
25. boffin (исследователь)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	60,0%
26. bombardier (бомбардир)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	15,8%
27. boxer (боксер)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения для описания «человека с грубой, разбитой внешностью, резким, напористым поведением».	4,6%
28. breeder (заводчик)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	0,3%
29. broker (брокер)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	0,2%
30. buccaneer (пират)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	18,3%
31. buffoon (буффон)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением.	70,0%

32. bureaucrat (бюрократ)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	16,6%
33. burgomaster (бургомистр)	1. Словарных метафор не найдено.	-
34. busman (водитель автобуса)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	63,3%
35. butcher (мясник)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением. 3. Встретились сравнения для описания «того, кто грубо ведет себя, не отличающийся хорошим вкусом».	15,5%
36. captain (капитан)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	29,0%
37. carpenter (плотник)	1. Значение метафоры частично совпадает с толкованием словаря: не встретилось значение «моль».	1,6%
38. censor (цензор)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	7,1%
39. chevalier (шевалье)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением.	1,5%
40. chieftain (вождь)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	12,5%
41. cleaner (уборщик)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря, добавляется новое значение выражения <i>take to the cleaners</i> : «очистить, вернуть прежний вид».	2,0%
42. clown (клоун)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением. 3. Встретилась новая метафора: «clown fish» («рыба-клоун»).	24,4%
43. cobbler (сапожник)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	0,5%
44. comedian (комедиант)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением.	2,3%
45. contortionist (человек-змея / акробат)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилось новое метафорическое значение: «тот, кто творит невообразимые вещи с музыкой, психикой, лицом и пр.». 3. Встретились сравнения со сходным значением.	30,0%

46. coppersmith (медник)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	15,0%
47. courier (курьер)	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились метафоры со значением: «проводник, носитель».	6,7%
48. courtier (придворный)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря (чаще об окружении глав государств, политиков).	5,0%
49. cowboy (ковбой)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения для описания «отвязного, расслабленного человека»	19,3%
50. creator (творец)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	1,3%
51. crusader (крестоносец)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	65,0%
52. dancer (танцор)	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились сравнения для описания «красивой женщины/ девушки, имеющей красивую походку, плавные движения».	0,1%
53. demagogue (демагог)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	63,0%
54. designer (дизайнер)	1. Словарных метафор не найдено.	-
55. dictator (диктатор)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением.	5,7%
56. diplomat (дипломат)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились многочисленные сравнения со сходным значением.	0,9%
57. director (режиссер)	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились сравнения со значением: «тот, кто дает указания, командует».	0,1%
58. ditchdigger (копатель канав)	1. Современных употреблений крайне мало.	-
59. doctor (врач)	1. Встретилось только одно из словарных метафорических значений – « <i>spin doctor</i> » («пиарщик»).	2,4%

60. driver (водитель)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	0,7%
61. emperor (император)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения для описания «того, кто любит роскошь, жить на широкую ногу, того, кто ведет себя так, будто все должны ему прислуживать».	2,4%
62. enchanter (чародей)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилось новое метафорическое значение: «тот, кто совершает нечто удивительное, необычное, очаровывает» 3. Встретились сравнения со сходным значением.	9,2%
63. engineer (инженер)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	0,1%
64. evangelist (евангелист)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением.	16,3%
65. executioner (палач)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	20,0%
66. fabulist (баснописец)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	21,3%
67. farmer (фермер)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения для описания «того, кто выглядит по-деревенски, слишком просто и безвкусно одет, имеет плотное, полное тело».	0,1%
68. fiddler (уличный скрипач)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	13,7%
69. fighter (борец)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилась новая метафора со значением: «тот, кто пытается преодолеть, искоренить что-либо».	14,0%
70. fisher (рыбак)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	0,4%
71. fishwife (торговка рыбой)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением.	21,7%
72. flunky (ливрейный лакей)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	80,0%
73. footman	1. Словарных метафор не найдено.	-

(лакей)		
74. gamekeeper (егерь)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	1,8%
75. gardener (садовник)	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились сравнения для описания «заботливого, старательного человека», в т.ч. Бог сравнивается с садовником.	0,1%
76. gatekeeper (привратник)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря, но значение метафоры в корпусе шире: «кто-то, что-то, контролирующее доступ к чему-либо; хранитель».	91,7%
77. geisha (гейша)	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились сравнения на основе внешнего вида, поведения (для описания «того, кто имеет семенящий шаг, скользящую походку»).	1,3%
78. gendarme (жандарм)	1. Словарных метафор не найдено. 2. Встретилось новое метафорическое значение: «тот, кто жестко контролирует, ведет военный контроль; строгий человек».	6,9%
79. general (генерал)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением. 3. Встретилось выражение <i>armchair general</i> (кресельный генерал).	0,4%
80. gigman (извозчик на двуколке)	1. Нет употреблений в корпусе.	-
81. gladiator (гладиатор)	1. Словарных метафор не найдено. 2. Встретилось новое метафорическое значение: «очень мощный, сильный, выносливый человек (часто о сфере спорта)». 3. Встретились сравнения со сходным значением.	17,9%
82. gold-digger (золотоискатель)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	95,0%
83. golfer (игрок в гольф)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	0,1%
84. greaser (смазчик)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	1,5%

85. hangman (палач, казнивший через повешение)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	8,8%
86. harbinger (тот, кого посылали вперед королевского экипажа или армии для поиска жилья)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	98,0%
87. hatter (шляпник)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	48,0%
88. headmaster (директор школы)	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились сравнения для описания «строгого человека».	0,9%
89. henchman (паж, оруженосец)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	97,0%
90. herald (глашатай)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	30,0%
91. horse-trader (торговец лошадьми)	1. Употреблений в корпусе крайне мало.	-
92. housekeeper (экономка, домашняя работница)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	0,1%
93. housemaid (горничная)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	2,4%
94. housewife (домохозяйка)	1. Словарных метафор не найдено.	-
95. huckster (мелочной торговец)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	75,3%
96. hunter (охотник)	1. Значение метафоры частично совпадает с толкованием словаря: не встретилась метафора со значением	11,1%

	«созвездие».	
97. jester (шут)	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились метафоры со значением: «тот, кто паясничает, кривляется на потеху, балагурит в угоду другим».	13,4%
98. jockey (жокей)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	0,7%
99. juggler (жонглер)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря, но значение метафоры в корпусе метафора шире: «тот, кто ловко управляется с чем-либо (занятиями, предметами)». 3. Встретились сравнения со сходным значением.	23,0%
100. king (король)	1. Значение метафоры частично совпадает с толкованием словаря: не встретились метафоры со значением «фигура в шахматах», «фигура в шашках». 3. Встретились сравнения со значением: «кто-то значительный, статусный, важный».	30,0%
101. knave (мужчина-слуга)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	60,0%
102. knight (рыцарь)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря (однако в значении «шахматная фигура» встречается редко). 2. Встретились сравнения со сходным значением.	7,5%
103. lackey (лакей)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	60,0%
104. lawyer (юрист)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря (однако в значении «рыба» встречается редко). 2. Встретились сравнения для описания «солидного, строгого человека».	0,2%
105. lion-hunter (охотник на львов)	1. Употреблений в корпусе крайне мало, метафор нет.	-
106. magician (маг)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением.	23,8%
107. manager (менеджер)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	0,2%
108. mercenary (наемник)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	10,0%

109. merchant (купец)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	1,0%
110. midwife (повивальная бабка)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением.	6,0%
111. miller (мельник)	1. Значение метафоры частично совпадает с толкованием словаря: не встречается в значении «гриб».	2,1%
112. missionary (миссионер)	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились метафоры со значением: «преданный распространитель» 3. Встретились сравнения для описания «того, кто полон энтузиазма, рвения».	5,0%
113. monarch (монарх)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со значением «кто-то очень важный, с безграничной властью, живущий без ограничений, роскошно».	20,9%
114. monk (монах)	1. Словарных метафор не найдено. 2. Встретились сравнения для описания «того, кто ведет аскетический, уединенный образ жизни».	0,3%
115. nanny (няня)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением.	5,6%
116. nun (монашка)	1. Словарных метафор не найдено. 2. Встретились сравнения для описания «женщины скромного внешнего вида, поведения; того, кто живет в лишениях».	6,4%
117. nurse (медсестра)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилось новое метафорическое значение: «дерево или агрокультура, которая служит защитой, ограждением для других растений».	10,5%
118. orator (оратор)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	8,3%
119. orchestrator (оркестратор)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	18,0%
120. pastor (пастор)	1. Словарных метафор не найдено.	-
121. peddler	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	18,3%

(торговец вразнос)		
122. philosopher (философ)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилась новая метафора со значением: «тот, кто любит пофилософствовать» 3. Встретились сравнения для описания «того, кто имеет аскетичную, строгую внешность, говорит и рассуждает взвешенно, вдумчиво».	5,4%
123. pilot (пилот)	1. Значение метафоры частично совпадает с толкованием словаря: не найдено метафоры со значением «птица».	6,0%
124. poet (поэт)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением.	2,5%
125. policeman (полицейский)	1. Значение метафоры частично совпадает с толкованием словаря: не найдено метафоры со значением «птица». 2. Встретились сравнения для описания «строгого человека».	0,3%
126. postman (почтальон)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	0,6%
127. potter (горшечник)	1. Словарных метафор не найдено.	-
128. preacher (проповедник)	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились метафоры со значением: «тот, кто распространяет какие-либо взгляды, пропагандирует». 3. Встретились сравнения для описания «того, кто имеет наставляющую манеру общения, склонность поучать других, говорить монотонно».	1,5%
129. priest (священник)	1. Словарных метафор не найдено.	-
130. prophet (пророк)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением.	27,0%
131. prostitute (проститутка)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения для описания «женщины, имеющей развратную внешность, поведение».	0,7%
132. puppeteer (кукловод)	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились метафоры со значением: «тот, кто руководит действиями кого-либо». 3. Встретились сравнения со сходным значением.	36,7%

133. queen (королева)	1. Значение метафоры частично совпадает с толкованием словаря: не найдено метафор со значением «кошка» и «шахматная фигура». 2. Встретились сравнения для описания «того, кто живет в роскоши, имеет высокий статус и пр.».	70,0%
134. rhapsodist (рапсод)	1. Употреблений в корпусе крайне мало.	-
135. rhetorician (ритор)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	11,7%
136. runner (бегун)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря (в большинстве метафорических употреблений – в значении «тот, кто имеет бóльшие шансы на успех»). 2. Встретились новые метафоры для обозначения представителей фауны и флоры: «порода уток», «сорт арахиса». 3. Встретилось устойчивое выражение - <i>drug runner</i> (торговец наркотиками).	
137. sailor (моряк)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения для описания «того, кто бранится, склонен необдуманно тратить большие деньги».	8,6%
138. scavenger (уборщик улиц)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилось новое выражение - <i>scavenger crop</i> (культура-уборщик).	87,5%
139. schoolmaster (школьный учитель)	1. Значение метафоры частично совпадает с толкованием словаря: не найдено метафор со значением «рыба». 2. Встретились сравнения для описания «строого, требовательного человека».	3,3%
140. scribe (писарь)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	2,0%
141. sculptor (скульптор)	1. Словарных метафор не найдено. 2. Встретилась метафора со значением: «тот, кто старательно, со вкусом создает что-либо прекрасное».	1,0%
142. secretary (секретарь)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	0,1%
143. servant	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2.	58,0%

(слуга)	Встретились сравнения со значением: «тот, кто отличается покорным, услужливым поведением, скромно одет; кем помыкают окружающие».	
144. shepherd (пастух)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилось метафорическое значение «овчарка».	20,7%
145. showman (шоумен)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным смыслом.	38,3%
146. singer (певец)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретилось новое метафорическое значение: «тот, кто воспеваает что-либо».	0,1%
147. skipper (шкипер)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	3,2%
148. slave-driver (погонщик рабов)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	70,0%
149. soldier (солдат)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со значением: «стойкий человек; тот, кто имеет военную выправку, держит спину прямо; вышагивает».	3,0%
150. sower (сеятель)	1. Лексема не имеет метафорических значений в словаре. 2. В корпусе встретились метафоры со значением: «тот, кто распространяет что-либо среди людей».	66,7%
151. sportsman (спортсмен)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	1,0%
152. storyteller (сказочник)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	1,0%
153. tailor (портной)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	46,7%
154. teacher (учитель)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения со сходным значением. 3. Встретились сравнения для описания «строгого, требовательного человека».	0,7%
155. technician (техник)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	1,5%
156. timekeeper	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	1,7%

(хронометражист)		
157. tinker (жестянщик)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	6,7%
158. torchbearer (факельщик)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	85,0%
159. trouper (опытный актер)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	28,3%
160. usurer (ростовщик)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	5,0%
161. valet (камердинер)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	9,0%
162. varlet (прислужник)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	12,7%
163. waiter (официант)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	0,7%
164. witch (ведьма)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения для описания «того, кто имеет непривлекательную внешность, хриплый, зловещий голос». 3. Встретились устойчивые сочетания <i>witches' brew</i> (<i>варево ведьмы</i>), <i>witches' broom</i> (<i>метла ведьмы</i>), <i>witch hunt</i> (<i>охота на ведьм</i>).	19,2%
165. wizard (волшебник)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря. 2. Встретились сравнения на основе выдающихся способностей, внешнего вида, взмаха палочкой.	45,0%
166. worker (рабочий)	1. Значение метафоры совпадает с толкованием словаря.	0,8%